

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

*федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

«Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»

*К столетию начала
Первой мировой войны*

Межвузовская научная конференция
«Россия в первой мировой войне:
проблемы истории и историографии»

Сборник докладов

28 ноября 2014

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2015

УДК 94(47).084:303.446.4

ББК ТЗ(2)771я43

Р89

Межвузовская научная конференция «Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Санкт-Петербург. 28 ноября 2014. 229 с.

ISBN 978-5-7629-1617-2

Отв. редактор: д.и.н., проф. В. В. Калашников

ISBN 978-5-7629-1617-2

© Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник содержит доклады, прочитанные или представленные участниками межвузовской конференции «Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии». Конференция состоялась 28 ноября 2014 г. и была посвящена 100-й годовщине начала мировой войны 1914–1918 годов. Главным образом она объединила ученых, которые занимаются изучением различных аспектов истории России в эпоху первой мировой войны. В этом плане конференция стала продолжением двух предыдущих межвузовских научных конференций. Первая состоялась в ноябре 2012 г. и была посвящена проблемам истории и историографии Русской революции 1917 года,¹ а вторая прошла в ноябре 2013 г. по теме «Гражданская война в России: проблемы истории и историографии».²

Инициатором и организатором конференций явилась кафедра истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина).

Все конференции были проведены совместными усилиями научных сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН и преподавателей кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и ряда других высших учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы, Барнаула, Калининграда, Нижнего Новгорода, Одессы, Симферополя.

С приветствием и вступительным словом выступил директор СПб. Института истории РАН доктор исторических наук, профессор Н.Н. Смирнов, который очертил круг узловых проблем в изучении истории России в годы первой мировой войны на современном этапе.

¹ Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сборник докладов. С.-Петербург. Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2013. 182 с.

² Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. Сборник докладов. С.-Петербург. Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2014. 204 с.

В докладах, представленных на конференции, был рассмотрен широкий круг проблем. Первая группа докладов была посвящена проблемам современной отечественной и зарубежной историографии. Рассмотрены различные точки зрения историков по таким вопросам как предпосылки, причины, характер и механизмы зарождения мировой войны, ответственности той или иной державы за ее начало. Внимание уделено и проблеме сепаратного мира (теории «двух заговоров» накануне Февральской революции и истории Брестского мирного договора в 1918 г.).

Во втором блоке докладов рассмотрены самые различные аспекты истории участия России в первой мировой войне (проблемы политической и социальной жизни, военной и дипломатической истории).

Третий блок особый. Он посвящен памяти двух известных советских и российских историков, которые недавно ушли из жизни. Речь идет о члене-корреспонденте РАН, докторе исторических наук, профессоре Рафаиле Шоломовиче Ганелине и докторе исторических наук, профессоре Александре Владимировиче Островском. Они внесли большой вклад в изучение истории России начала XX века, и, в частности, принимали самое активное участие в организации работы всех вышеупомянутых межвузовских научных конференций. Рафаил Шоломович был активным поборником развития самых тесных связей между академическими и вузовскими учеными, и наши конференции во многом возникли по его инициативе и его усилиями. В этой связи оргкомитет счел необходимым поместить в сборник некоторые материалы, которые отражают фрагменты научной деятельности наших коллег, а также фрагменты из воспоминаний их близких друзей.

Все доклады представлены в авторской редакции и отражают личную точку зрения каждого автора.

Участники конференции выразили благодарность ректорату и службам Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» за прекрасные условия, в которых проходила работа конференции и за материальную поддержку, которая позволила издать настоящий сборник.

I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

В. В. СЕРГЕЕВ

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

«ВОЙНА МОНАРХОВ ИЛИ ВОЙНА НАРОДОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ О ПРИЧИНАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»

Первая мировая война (или по названию современников «германская», «николаевская», «отечественная») всегда являлась важным объектом научного изучения отечественной историографией и темой острых общественно-политических дискуссий в нашей стране. Несправедливыми представляются упреки, звучащие в ходе дискуссий настоящего времени, будто война оказалась забытой российскими историками. Еще в Советском Союзе помимо фундаментальных научных трудов по истории мирового конфликта 1914–1918 годов издавались многочисленные сборники документов, мемуары и переписка многих государственных деятелей, военачальников и дипломатов. В результате была накоплена большая фактологическая и историографическая база для последующих исследований истории Первой мировой войны.

Стремление к расширению и углублению знаний о событиях глобального военного конфликта и гуманитарной трагедии 1914–1918 годов, а также вызовы современного мира побуждают нынешнее поколение ученых к обсуждению как традиционных для исторической науки вопросов, так и новых проблем предвоенной и военной истории. В последние годы современными российскими историками был издан ряд серьезных монографий и научно-популярных книг по истории Первой мировой войны, опубликованы сборники статей и материалов научных конференций, в разных городах России защищены десятки кандидат-

ских и докторских диссертаций. При этом обращает на себя внимание тематическая широта исследований (происхождение войны, российский фактор в войне, социально-экономические, историко-культурные и национально-освободительные аспекты войны, фронтовой быт и судьба военнопленных), а также сочетание макро- и микроисторических подходов российских ученых к проблематике истории Первой мировой войны.

В данной статье предпринята попытка освещения двух взаимосвязанных аспектов: а) каков был характер Первой мировой войны – монархический или народный; б) какие существуют различия в подходах российских историков к проблеме происхождения войны.

Война монархов или война народов?

Накануне Первой мировой войны все европейские страны, за исключением Франции и Швейцарии, являлись монархиями. Все они были связаны родственными узами. Правители трех главных в то время мировых держав – британский король Георг V, российский император Николай II и кайзер Вильгельм II – были не просто дальними родственниками, а двоюродными братьями, кузенами.

Своеобразной демонстрацией тесных монархических уз и солидарности явились похороны «дяди Европы» – британского короля Эдуарда VII – 20 мая 1910 г., на которые съехались многие царствующие особы. Присутствовало двенадцать коронованных особ и сорок семь представителей королевских семей. Единственным крупным монархом, отсутствующим на похоронах, был российский император Николай II, приславший вместо себя мать и брата. Тогда мало кто мог предположить, что монархические дома Старого света могут воевать между собой. Однако через четыре года они вступили в смертельную схватку, позабыв о родстве. Родственные связи оказались не такими уж и крепкими, как казалось со стороны.

Начало войны в России сопровождалось массовым выражением верноподданнических чувств представителями различных слоев общества, проявлением любви к отечеству, олицетворением которого были Государь император и его семья. Повсюду звучал призыв «За Веру, Царя и Отечество!». Монарх обрёл статус героя, который должен привести страну к победе. Его воспевали, за него молились, перед ним преклонялись. Французский посол в Петербурге Морис Палеолог 2 августа 1914 г. сделал такую запись в своем дневнике: «Император появляется на балконе. Мгновенно все опускаются на колени и поют русский

гимн. В эту минуту, для этих тысяч людей, которые здесь повергнуты, царь действительно есть самодержец, отмеченный Богом, военный, политический и религиозный глава своего народа, неограниченный владыка душ и тел»¹.

Эти чувства формировались как стихийно, так и целенаправленно. Однако по мере ухудшения положения на фронте и в тылу верноподданический порыв населения постепенно угасал и росло непонимание народными массами причин и целей войны. Об этом свидетельствуют мемуары генерала Алексея Алексеевича Брусилова: «Сколько раз я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрцгерц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»².

Таким образом Первую мировую войну можно называть войной монархов и рассуждать о степени личных прегрешений императоров Германии, Австро-Венгрии и России против европейского мира, особенно в июльские дни 1914 г. Президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны Е. Ю. Сергеев считает, что «нам не следует игнорировать великодержавные, экспансионистские амбиции коронованных особ, политиков, дипломатов и генералов, которые в своих действиях, имевших для судеб мира поистине роковой характер, преследовали цели, зачастую противоречившие интересам широких слоев населения»³.

Вместе с тем, несомненно, правы те историки, которые считают, что действия царствующих особ были обусловлены объективными обстоятельствами и что, следовательно, Первая мировая война была, прежде всего, войной народов. Действительно, к началу XX века время абсолютных монархий кануло в прошлое; власть королей и императоров ограничивалась конституцией и деятельностью законодательных учреждений, а также находилась под

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. / Пер. с фр. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1991. С. 57.

² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 81-82

³ Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. 3статей. Калининград: «Живем», 2013. С. 191.

определенным воздействием политических партий и общественных настроений. Причины войны и цели воюющих держав определялись не столько династическими спорами и амбициями монархов, (хотя, разумеется, каждый из них, особенно Вильгельм II, хотели видеть свое царствование великим), сколько колониальными, торгово-экономическими и военно-стратегическими интересами. Люсьен Февр в книге «Бои за историю» справедливо утверждал, что «именно проблемами полезных ископаемых, горючего сырья, рынков сбыта и промышленных кредитов определялись действия людей и стран, вступивших в войну в 1914 г.»⁴.

Кроме того при обсуждении характера Первой мировой войны важно учитывать роль национализма, имевшего разные проявления. Политические элиты в одних странах стремились к тому, чтобы упрочить или сохранить позиции своей нации; в других странах они рассчитывали на возможность формирования собственного национального государства. Тезис о разрушительном воздействии национальных войн и движений на систему международных отношений начала XX века широко распространен в зарубежной и отечественной историографии. Крайним выражением такой позиции является постановка П. В. Волобуевым вопроса о том, «не послужили ли малые народы... детонаторами мирового военного конфликта?»⁵.

Первая мировая война вовлекла в свою кровавую воронку не только многомиллионные армии государств, но и целые народы. Она потребовала тотальной мобилизации всех материальных, экономических, людских и моральных ресурсов населения воюющих стран. Вопрос в войне стоял уже не только о частичных уступках противнику, но нередко и о самом существовании государства и жизни его народа. В результате изменившихся масштабов и характера войны сражения армий превратились в сражения народов.

Определяясь в преимущественном характере Первой мировой войны – монархический или народный – нужно прежде всего исходить из ее причин. Этот вопрос является одним из центральных и наиболее дискуссионных в мировой историографии. Не является исключением в данном отношении и современная российская историческая наука.

⁴ Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 55.

⁵ Первая мировая война: Пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 14.

Различия в подходах российских историков к проблеме происхождения войны

Важное место в современной дискуссии российских ученых занимает проблема определения места Первой мировой войны в истории евро-американской цивилизации. При этом можно выделить две несовпадающие концепции. Одна группа авторов (В. Л. Мальков, Л. Г. Истягин, З. П. Яхимович, А. М. Родригес, М. В. Пономарев и другие) вполне аргументированно пишет, что на рубеже XIX–XX веков капиталистический мир переживал глубокий цивилизационный кризис, который проявлялся в социально-экономической, политической и духовной сферах. Война 1914–1918 годов стала порождением и трагическим следствием этого кризиса. Так, по мнению Яхимович, война «стала весомым выражением цивилизационного кризиса»⁶.

Другая концепция сводится к тому, что до 1914 г. Европа жила вполне благополучно, и именно война положила начало длительному кризису западной цивилизации. В предисловии к изданной в 2010 г. книге «Кто развязал Первую мировую войну. Тайна сараевского убийства» ее редактор-составитель В. Л. Гончаров утверждает, что выстрелами в эрцгерцога Франца-Фердинанда закончился «XIX век – век разума, просвещения и конституционных монархий»⁷. При этом как-то забывается, что история столетия отмечена многочисленными революционными событиями в разных станах западного мира, войнами, в том числе и гражданскими. Только во второй половине XIX – начале XX веков европейский континент восемь раз становился ареной военных действий (в 1853–1856 гг., в 1859 г., 1864 г., 1866 г., 1870–1871 гг., 1877–1878 гг., 1911–1912 гг., 1912–1913 гг.). А если к ним добавить испано-американскую, англо-бурскую и русско-японскую войны, то получается, что Первая мировая война явилась продолжением этой кровавой эстафеты.

Дискуссия об историческом месте Первой мировой войны важна не только сама по себе. Она имеет принципиальное значение в контексте изучения и понимания причин катастрофы 1914–1918 годов, альтернативности ее восприятия либо как закономерного результата, либо как непредсказуемого следствия трагических случайностей. Относительно данной постановки во-

⁶ Там же. С. 21.

⁷ *Кто развязал Первую мировую. Тайна сараевского убийства* / ред.-сост. В.Л.Гончаров. М.: Вече, 2010. С. 3.

проса в современной российской историографии наблюдается широкий спектр суждений и позиций. Ряд авторов воспринимает Первую мировую войны как трагическую случайность. В учебнике А. С. Медякова по истории международных отношений эта позиция сформулирована так: «Несмотря на противостояние блоков, гонку вооружений, националистическое общественное мнение, мировая война не являлась закономерным и неизбежным следствием этих обстоятельств...»⁸. Есть историки (например, В. А. Брюханов, О. Ю. Данилов, М. В. Оськин), которые в своих работах склоняются к конспирологическому объяснению причин войны, к подчеркиванию особой роли в ее возникновении масонских лож⁹.

Еще один подход к интерпретации причин войны и ее характера для России представлен в недавнем издании трехтомной коллективной монографии «Первая мировая война: историографические мифы и историческая память». Он сводится к тому, чтобы отделить Российскую империю от других инициаторов и участников войны, представить Россию в роли единственной миролюбивой державы, вынужденной вести оборонительную войну. Один из авторов монографии Р. Н. Рахимов утверждает, что Россия не играла ведущей роли в противостоянии главных субъектов глобальной политики и стремилась сохранить мир¹⁰.

Большинство же российских историков приходят к выводу об исторической обусловленности войны. В их исследованиях преобладает комплексный подход к выявлению причин Первой мировой войны. При этом объектом изучения выступают такие факторы, как столкновение интересов мировых держав, соперничество двух военно-политических блоков, милитаризация экономики и общественного сознания в ведущих странах Европы, развернувшаяся между ними гонка сухопутных и морских вооружений, архаизм мышления и отсутствие политической воли к миру у руководителей большинства госу-

⁸ Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007. С. 453.

⁹ Брюханов В.А. Заговор против мира. Кто развязал Первую мировую войну. М.: Астрель: Аст, 2005; Данилов О.Ю. Пролог Великой войны. 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М.: Поколение, 2010; Оськин М.В. Первая мировая война. М.: Вече, 2010.

¹⁰ Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. В 3 кн. / под ред. д-ра ист. наук О.В.Петровской. Книга 1: Народы Российской империи. М., 2014. С. 53.

дарств. Начало войны, пишет Е. Ю. Сергеев, «стало неизбежным благодаря взаимодействию комплекса факторов объективного характера...»¹¹.

При подходе к проблеме причин Первой мировой войны представляется весьма важным различать процесс ее происхождения, занявший несколько десятилетий, и время непосредственного развязывания военного конфликта (июльский кризис). Именно в рамках происхождения войны складывался комплекс обусловивших ее объективных причин. Более частный вопрос о конкретных виновниках войны, в том числе европейских монархах, и о роли случайных обстоятельств целесообразно рассматривать в рамках июльского кризиса 1914 г.

Рост научного интереса профессиональных историков к проблематике Первой мировой войны, а также широкий общественный резонанс, вызванный 100-летней годовщиной начала войны, несомненно послужат импульсом для дальнейшего всестороннего исследования ее истории новым поколением российских ученых.

¹¹ *Первая мировая война в истории и культуре России и Европы.* С. 194.

В. В. КАЛАШНИКОВ

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

«РУССКИЕ КОРНИ» ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Отсутствующий консенсус. 100-летний юбилей первой мировой войны породил на Западе поток литературы, конференций, лекций ведущих специалистов. При этом большое внимание западные историки традиционно уделяли проблеме происхождения войны. Повышенный интерес к этой проблеме всегда был связан с вопросом о том, кто несет главную ответственность за развязывание глобального конфликта. Литература и доклады, подготовленные к юбилею, показывают, что и через 100 лет после войны историческая наука на Западе не смогла прийти к консолидированной позиции в этом вопросе. Показательным примером служит опрос, который в начале юбилейного 2014 г. провела Британская вещательная корпорация (Би-би-си), обратившись к десяти историкам из Великобритании, США и Германии с просьбой высказать мнение о том, кто виноват в развязывании первой мировой войны. Все историки высказали разные точки зрения, причем ряд из них были противоположенными¹. Та же ситуация была зафиксирована в ходе дебатов, которые прошли в Британской библиотеке в феврале², и на конференции в Белграде в мае того же года³.

Три версии. Анализ новейшей литературы позволяет говорить о существовании трех версий или трех основных точек зрения по вопросу.

¹ Кто развязал Первую мировую войну: 10 версий. http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/02/140213_wwi_start_10_versions.

² World War One - The Debate - The British Library - 17.02.14.
<http://www.youtube.com/watch?v=AhcmlsAvN8E>.

³ The European Tragedy of 1914 and the Multipolar World of 2014: Lessons learned. Belgrade. 30–31 may 2014: <http://www.youtube.com/watch?v=V-B5cjZd21Y>.

Сторонники *первой* возлагают главную вину на Германию, повторяя тем самым официальную позицию Версальской мирной конференции 1919 г. Эту точку зрения можно считать доминирующей. Она имеет долгую историографическую традицию, которая утвердилась в западной историографии благодаря работам двух немецких историков: Бернадотта Шмитта, который обосновал ее в двухтомнике «Пришествие Войны 1914 года», вышедшем в 1930 г. в США ⁴, а также Фрица Фишера, который в 1961 г., опираясь на архивы, открытые в Германии после второй мировой войны, выпустил знаменитую книгу «Рывок к мировому господству: военные цели кайзеровской Германии, 1914–1918» ⁵.

Сегодня эту точку зрения защищают такие историки как Макс Хэйстингс, автор книги «Катастрофа 1914 года: Европа входит в войну» (2013), Анника Момбауэр, автор книги «Происхождение первой мировой войны: споры и консенсус» (2002), Дэвид Стивенсон, автор книги «Развязывание Первой мировой войны: 1914 в перспективе» (1997) и др. ⁶

Согласно *второй* точке зрения, в развязывании войны виноваты в той или иной степени все ее участники, хотя никто из главных политических фигур не хотел общеевропейской войны, и поэтому вопрос о поиске главного виновника не имеет особого смысла. Этот тезис в 1920-е годы разрабатывал американский историк С. Фей в книге «Происхождение мировой войны», впервые опубликованной в 1928 г., и затем переиздававшейся ⁷. Сегодня тезис об общей ответственности с теми или иными нюансами защищают такие историки, как Кристофер Кларк, автор книги «Лунатики: как Европа пришла к войне в 1914 году» (2012), и Гордон Мартел, автор книги «Месяц, который изменил мир. Июль 1914» (2014). Обе работы специально посвящены анализу событий июльского кризиса 1914 г., и авторов отличает стремление показать, что война стала результатом крайне неблагоприятного стечения обстоя-

⁴ Schmitt, B. The Coming of the War 1914. In 2 vols. New York – London. 1930.

⁵ Fischer F. Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland, 1914–18, 1961. Переведена на англ. под более мягким названием «Цели Германии в первой мировой войне». См.: Fischer F. Germany's Aims in the First World War. W. W. Norton & Company. 1968. 652 pages.

⁶ Hastings M. Catastrophe 1914. Europe Goes to War. Deckle Edge. 2013; Mombauer A. The Origins of the First World War: Controversies and Consensus. London. Pearson. 2002; Stevenson D. The Outbreak of The First World War: 1914 in Perspective. New York: St. Martin's Press, Inc., 1997.

⁷ Fay, Sidney. The origins of the world war, 2nd edition. 1930.

тельств, когда действия одних держав вызывали подозрения у других и порождали ответные действия, которые усугубляли ситуацию, и так, вопреки воле всех участников, они оказались втянуты в общеевропейскую войну⁸.

Согласно *третьей* точке зрения в развязывании войны больше всех виновата Россия. Родоначальником этой точки зрения порой считают упомянутого С. Фея, который действительно давал повод для такого мнения, поскольку занимал неоднозначную позицию. Признавая вину Германии, он делал сильный акцент на общую мобилизацию, объявленную Николаем II, как на событие, сделавшее войну неизбежной: «Именно поспешная русская мобилизация, решенная 29 июля и введенная в действие приказом от 30 июля, в то время как Германия еще стремилась уговорить Австрию принять предложения о посредничестве, окончательно сделала общеевропейскую войну неизбежной»⁹.

Главным разработчиком третьей точки на сегодняшний момент является американский историк Шон Макмикин. По понятным причинам эта точка зрения представляет наибольший интерес для российской исторической науки и нуждается в обстоятельном анализе.

Концепция Макмикина. В 2011 г. Ш. Макмикин написал книгу «Русские корни первой мировой войны», вызвавшую дискуссию и ряд критических замечаний. С учетом этих замечаний Ш. Макмикин в 2013 г. выпустил новую книгу «Июль 1914. Обратный отсчет к войне», в которой более подробно изложил свою позицию.

В первой книге Макмикин подверг критике западных историков за то, что они так долго находятся в «тени Фишера» и заявил, что «серьезный анализ не оставляет места для существования нынешнего консенсуса», согласно которому большинство считает главной виновницей войны Германию¹⁰.

По мнению Макмикина, именно Россия сыграла «ведущую роль» в разжигании мирового конфликта, а министр иностранных дел России Сергей Сазонов «манипулировал» такими британскими политиками как Асквит,

⁸ Clark Chr. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. Harper. N.Y. 2012; Martel G. The Month that Changed the World: July 1914. OUP. 2014.

⁹ Fay, Sidney. The origins of the world war, 2nd edition. Vol.2. 1930. P.556.

¹⁰ McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 2011. P. 1, 5.

Грей и Черчилль, которые воплощали, не ведая того, «вековые амбиции России контролировать Константинополь и проливы»¹¹.

Что побудило Макмикина занять такую позицию? Важную роль сыграл тот факт, что Макмикин работает в Турции, преподает историю в частном университете Коча (Стамбул). Поэтому он смотрит на историю мировой войны как бы с турецкого берега и переносит акцент с европейских проблем на Турцию, на зону проливов. И в этом регионе он видит, прежде всего, интересы России. Для него первая мировая война – это «война за оттоманское наследие» и поэтому «это больше война России, чем Германии»¹².

Отметим, что занятая Макмикиным позиция смотрится достаточно неожиданной на фоне его более ранней книги «Экспресс Берлин-Багдад: Оттоманская империя и Германия в борьбе за мировое господство». В этой книге он показал, насколько важной именно в британо-германских отношениях была борьба за Ближний Восток, и как боялись англичане проникновения Германии в Ирак и ее выхода в Персидский залив. Автор показал, как старался кайзер Вильгельм II укрепить свои позиции в Турции, прежде всего в зоне проливов, а также разжечь «джихад» на всем Ближнем Востоке: поднять мусульман на борьбу против британского владычества. Рассказал о германской довоенной карте, на которой германские железные дороги доходили до Бомбея, и о том, что Вильгельм II имел более обширные экспансионистские планы, чем Гитлер, претендуя «на Египет и Индию, жемчужины в короне Британской империи»¹³.

А теперь автор как бы отодвигает эти стремления Германии и опасения Лондона на второй план и делает акцент на Россию: она все затеяла, всех втянула, всеми «манипулировала».

Концепция строится на двух тезисах, которые подробно раскрыты во второй книге Макмикина. Она специально посвящена июльскому кризису 1914 г. Первый тезис гласит, что после убийства в Сараево наследника австрийского престола кайзер Вильгельм II и канцлер Бетман-Гольвег поддержали план Вены «наказать» Сербию, полагая, что Россия не станет воевать за интересы сербов, так же как она не сделала этого в периоды боснийского

¹¹ *McMeekin S. Op. cit. P. 238, 241–242.*

¹² *McMeekin S. Op. cit. P. 5.*

¹³ *McMeekin S. The Berlin-Baghdad Express: The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power. The Belknap Press of Harvard University Press, 2010. P. 2–4.*

кризиса и Балканских войн: «Вильгельм и Бетман не ожидали, что Россия будет воевать. ... они не имели намерение провоцировать европейскую войну»¹⁴. Этот тезис Макмикин доказывает ссылками на тот факт, что германские дипломаты с самого начала предложили всем государствам план «локализации» конфликта, т. е. невмешательства в австро-сербский конфликт, и долго настаивали на своем плане. В этой связи все воинственные заявления и действия Германии автор рассматривает только как нажим на Россию с целью побудить ее к невмешательству в австро-сербский конфликт.

Второй тезис гласит, что Россия с самого начала решила использовать и использовала сараевское убийство для развязывания войны и втянула в эту войну как своих союзников, так и Германию. Россия сумела это сделать, полагает Макмикин, используя ошибки Вены. Во-первых, Вена нарушила план, на который получила санкцию Берлина: не смогла быстро захватить Сербию и тем поставить мир перед свершившимся фактом. Во-вторых, Вена, не согласовав с Берлином текст, предъявила Сербии ультиматум, который якобы шел дальше того, на что был согласен Берлин. В-третьих, Вена объявила войну Сербии, не согласовав и этот шаг с Берлином. Тем самым Вена не дала Берлину возможность отступить от своего союзника и втянула его в войну, поскольку эти ошибки Вены, утверждает Макмикин, дали Петербургу повод в последние дни перед войной открыто объявить о том, что он делал тайно: с самого начала готовил войну¹⁵.

Аргументы и контраргументы. Рассматривая изначально заявленный план Германии «локализовать» конфликт на Балканах, т. е. убедить другие державы не вмешиваться в австро-сербский конфликт и позволить Австрии безнаказанно разгромить Сербию, необходимо учитывать три обстоятельства. Первое. Такой план действий не позволял Германии решить главную задачу: разгромить Францию и Россию раньше, чем они укрепят свой военный потенциал. Особенно это относилось к России, которая начала масштабную программу перевооружения со сроками завершения в 1917 г. Хорошо извест-

¹⁴ *McMeekin S.* July 1914. Countdown to War. Icon Books. Electronic edition. London. 2013. P. 312–313.

¹⁵ *Ibid.* P. 115–116, 199–202, 204–205, 314.

но, что германский Генштаб прекрасно понимал, какую угрозу несет в себе эта программа, и настаивал на том, чтобы упредить ее выполнение¹⁶.

Второе. Есть целый ряд свидетельств тому, что кайзер, выдвигая план «локализации», с самого начала понимал, что Россия на этот раз может не отступить, как это было раньше, и был готов принять вариант перерастания локального конфликта в европейскую войну. О неизбежности такой войны он прямо говорил российским чиновникам уже в конце 1913 г.¹⁷

Третье. Нельзя забывать, что с точки зрения и внутреннего, и внешнего факторов Берлину было необходимо сделать все, чтобы в случае начала общеевропейской войны предстать перед миром невиновной стороной, которая вынуждена обороняться против враждебного окружения, созданного франко-российским военным союзом. Внутренние условия требовали учитывать наличие сильной социал-демократической фракции в парламенте, которая придерживалась пацифистских позиций и заранее разоблачала империалистический характер назревавшей войны. Социал-демократы, в случае выступления Германии в качестве инициатора европейской войны, могли голосовать против военных кредитов, а также создавать дополнительные проблемы своими антивоенными действиями. С точки зрения внешнего фактора Берлин также не мог быть агрессором, ибо тогда исчезала имевшаяся надежда на то, что Лондон сохранит нейтралитет. В Берлине понимали, что войну против трех держав Германия выиграть не могла.

В свете этих факторов план «локализации» совсем не смотрится как стремление избежать европейской войны. В любом случае такая позиция Берлина была необходима для того, чтобы нейтрализовать обвинения в ее развязывании. Иными словами, понять действительную позицию Германии можно только с учетом всех ее действий в ходе июльского кризиса. А эти действия показывают, что на всех этапах этого кризиса Германия могла удержать Вену от агрессивных действий и направить конфликт в русло мирных переговоров и международного посредничества, но не делала этого. Напротив, Берлин постоянно толкал Вену к решительным действиям, несмотря на растущую угрозу общеевропейской войны.

¹⁶ Fischer F. *Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914*. Dusseldorf. 1978. S. 623–627.

¹⁷ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж. 1933. Т. 2. С. 241

Однако Макмикин не принимает такой логики, и для того, чтобы ее разрушить дает предвзятую трактовку ряда ключевых моментов в истории июльского кризиса. Рассмотрим эти моменты.

Нота. Вначале обратимся к версии Макмикина о том, что коварные австрийцы не показали заранее Берлину текст ультиматума, предъявленного Сербии и тем самым неожиданно втянули Германию в европейскую войну. На первый взгляд, действительно, Вена только вечером 22 июля через посла в Берлине формально предоставила статс-секретарю по иностранным делам Г. фон Ягову текст ноты, которую венский посол вручил правительству Сербии в 18 часов 23 июля. Отметим, что советский историк Н. П. Полетика, который сделал самый детальный анализ событий июльского кризиса в советской историографии, также полагал, что Вена хотела поставить Берлин перед свершившимся фактом. Однако вместе с тем Н. П. Полетика обратил внимание на три обстоятельства. Во-первых, он показал, что Берлин не хотел участвовать в разработке текста ноты и не хотел, чтобы эта нота была формально с ним согласована с тем, чтобы никто не смог обвинить Германию в соучастии с Австрией в деле разжигания войны. Ягов дал специальную инструкцию своему послу в Вене на этот счет. Во-вторых, Н. П. Полетика показал, что Ягов из разных источников заранее знал основное содержание ноты и первоначальное время ее вручения – 17 часов 23 июля. Более того, именно Ягов, получив сведения о том, что французский президент Р. Пуанкаре, находившийся с визитом в России, покинет Петербург 23 июля в 23 часа, предупредил Вену о необходимости отложить на час вручение ноты в Белграде. И это было сделано для того, чтобы Пуанкаре и Николай II не успели получить известие о содержании ноты и согласовать свою реакцию на нее до отъезда Пуанкаре из Петербурга¹⁸.

Таким образом, даже если считать, что Ягов только вечером 22 июля узнал *точный* текст ноты, он также знал, что у него были сутки – достаточное время для того, чтобы потребовать от Вены внести в нее те изменения, которые Берлин считал необходимыми. Сроки обмена телеграммами между Веной и Берлином, Веной и Белградом колебались от получаса до двух часов. Берлин не потребовал внести в текст ноты какие-либо изменения. И это опровергает тезис Макмикина о том, что коварная Вена своей нотой поставила Берлин перед фактом.

¹⁸ Полетика Н.П. Возникновение первой мировой войны. М. Мысль. 1964. С. 145–152.

Не убедительно смотрится и утверждение Макмикина о том, что текст ноты шел дальше, чем ожидал Берлин. Самый неприятный пункт ноты об участии австрийских чиновников в расследовании сараевского убийства на территории самой Сербии был известен Берлину не позднее 18 июля¹⁹. И Берлин против него не возражал.

Потсдамское совещание. Обратимся к трактовке Макмикиным решения принципиально важного совещания, которое состоялось в Потсдаме 27 июля после 15 часов. Это было первое совещание Вильгельма II с канцлером Бетманом-Гольвегом, Яговым и высшими военными, проведенное после возвращения кайзера из морской поездки. Официальные записи совещания не найдены или не доступны для исследования, но есть дневники участников. Макмикин обращается к этим дневникам и рисует совещание и его итоги таким образом: к моменту совещания кайзер и канцлер не читали примирительного ответа Белграда на ноту Вены, не владели полной информацией о сложившейся ситуации и поэтому «совет в Потсдаме ничего не решил»²⁰.

Однако участник совещания адмирал Г. фон Мюллер в своем дневнике так передает суть решения: «оставаться спокойными, *позволить России делать ошибки, но не отступать перед войной, если она будет неизбежной*»²¹. По нашему мнению, это точная передача смысла принятого решения: *сделать Россию ответственной за войну*. Именно так далее и действовали германские дипломаты.

Телеграмма Сегени. Вечером того же дня австрийский посол Сегени после встречи с Яговым отправил в Вену очень важную телеграмму. В ней говорилось, что Берлин получил настоятельную просьбу Лондона удержать Австрию от начала военных действий и выступить в роли посредника. Но, писал посол, германское правительство самым убедительным образом заверило, что оно никоим образом не солидаризируется с этими предложениями, и передает их только для того, чтобы выполнить просьбу Англии, поскольку «в высшей степени важно, чтобы Англия в настоящий момент не приняла сторону России и Франции»²².

Из этой телеграммы ясно следует, что Берлин не собирался удерживать Вену от войны против Сербии, и германское правительство понимало, что

¹⁹ См.: Полетика Н.П. Указ. соч. С. 147.

²⁰ McMeekin S. July 1914. P. 186.

²¹ Цит. по: Turner L. Origins of the First World War. L. 1970. P. 102.

²² Цит. по: Полетика Н.П. Указ. соч. С. 175.

эта война не оставит в стороне Россию и Францию. И Берлин ставил перед собой только одну задачу: удержать Англию от вступления в эту войну, демонстрируя готовность принять английское предложение о посредничестве. Подчеркнем, что Ягов информировал венского посла от имени «германского правительства» и сделал это сразу после совещания в Потсдаме. На наш взгляд, одной этой телеграммы достаточно, чтобы показать несостоятельность тезисов Макмикина о том, что в Потсдаме «ничего не решили».

Отметим и то, что к моменту встречи с Сегени Ягов уже получил известие о намерении Вены на следующий день, т. е. 28 июля, объявить Сербии войну, и Ягов не высказал никаких возражений по этому поводу. В телеграмме Сегени нет ни слова на эту тему. Фактически вся телеграмма говорила об одном: Вена может спокойно делать все то, что запланировала.

Макмикин упоминает о телеграмме Сегени, но всячески старается принизить ее значение, а затем делает акцент на том, что кайзер на следующее утро после совещания прочитал ответ сербов на венскую ноту и заявил, что этот *ответ устраняет повод для войны*, поскольку Сербия унижена, и Вена должна быть довольна, достигнув «большого морального успеха»²³.

«*Остановка в Белграде*». Чтобы понять истинный смысл слов кайзера об устранении повода для войны достаточно почитать меморандум, который кайзер написал Ягову тем же утром после того как прочитал сербский ответ. В меморандуме говорилось: чтобы заставить сербов выполнить свои обещания, данные в ответе на ультиматум, Австрия должна временно захватить Белград; *на этой основе* кайзер готов *посредничать о мире*²⁴.

Макмикин, излагая этот сюжет, делает акцент на готовности кайзера посредничать о мире и обходит стороной вопрос о том, что ни Сербия, ни Россия не были готовы согласиться с оккупацией Белграда. Тезис об оккупации – еще одно свидетельство, что на Совете в Потсдаме все решили.

Объявление войны. Макмикин, отрицая нацеленность Берлина на европейскую войну, выдвигает версию о том, что объявление Веной войны Сербии 28 июля было неожиданностью для Берлина, и кайзер упрекал канцлера в том, что «его *втянули в неприятную ситуацию*»²⁵.

²³ McMeekin S. July 1914. С. 196–198. Комментарий кайзера на сербскую ноту см.: Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. Berlin 1919. Vol. 1. № 271. S. 264.

²⁴ Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. Berlin 1919. Vol. 2. № 293. S. 18.

²⁵ McMeekin S. July 1914. P. 197–199.

Известные источники не дают возможности точно выяснить обстоятельства, при которых была сказана эта фраза, равно как и причину недовольства кайзера. Скорее всего, это недовольство было связано с тем фактом, что Вена, получив уступчивый ответ сербов на австрийский ультиматум, объявила сербам войну без всяких хитростей, хотя Берлин постоянно настаивал на таком дипломатическом прикрытии, которое снимет ответственность за войну с Австрии и Германии. Кроме того, кайзер мог быть крайне раздражен и тем фактом, что Вена, объявив войну Сербии, заявила Берлину, что воевать она будет готова только с 12 августа, так как солдаты отпущены в отпуска на уборку урожая. Такая затяжка для Берлина была обременительна, поскольку ставила его перед необходимостью раз за разом отклонять предложения о мирном решении конфликта, которые делала Англия.

В пользу такого предположения свидетельствует текст телеграммы, которую отправил германский канцлер Бетман-Гольвег своему послу в Вене вечером 28 июля. В ней ставилась задача добиться того, что *ответственность* за возможное распространение конфликта *«пала на Россию»*. Канцлер отмечал и неприятную возможность получения новых предложений о мирном посредничестве до начала реальной войны, которые ему было трудно отвергать. Кроме того, Бетман-Гольвег раскрывал смысл идеи кайзера предложить России переговоры на основе пункта о временной оккупации Белграда. Канцлер писал, что если Петербург откажется вести переговоры на такой основе, то он восстановит против себя общественное мнение Европы, которое сейчас настроено против Австрии. Показательна и концовка этого письма: *«Вы должны избегать впечатления, что мы желали бы сдержать Австрию»*²⁶. Эта концовка перечеркивает тезис Макмикина о коварной Вене, которая втягивала Германию в войну помимо желания кайзера Вильгельма II и германского правительства.

«Русские корни». Казалось бы, тот анализ германо-австрийских отношений, который предложил Макмикин, должен был привести его к выводу о том, что главный виновник войны – Вена. Однако Макмикин считает, что это не так, ибо Вена стремилась только к локальной войне. Главный виновник европейской войны, по мнению Макмикина, Россия, потому что она уже с 24 июля находилась на тропе войны, и ошибки Вены только дали ей повод в подходящий момент открыто объявить о мобилизации.

²⁶ Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. Berlin 1919. Vol. 2. № 323. S. 38–40.

Главное внимание Макмикин уделяет решению царя о введении «периода подготовительного к войне», принятому уже 25 июля, т. е. за три дня до объявления Австрией войны Сербии. Макмикин подчеркивает, что такой период вводился тогда, когда война считалась неизбежной, и был предназначен для того, чтобы вести скрытую подготовку к войне, не объявляя формально мобилизацию. В ходе этой тайной подготовки дипломатия должна была создавать у противника впечатление, что все еще остаются возможности мирного разрешения конфликта. Макмикин также подчеркивает, что подготовительный период был введен даже до того, как стал известен ответ Сербии на венский ультиматум. Упирая на этот шаг царя, Макмикин стремится показать, что именно Россия первой приняла решение вести общеевропейскую войну, и поэтому упомянутые ошибки Вены имели вторичный характер: давали России лишь повод для того, чтобы реализовать принятое решение.

Слабость этого построения состоит в том, что Макмикин игнорирует главное: решение царя от 25 июля о введении подготовительного периода было реакцией на тот ультиматум, который Вена поставила Белграду 23 июля. Характер ультиматума ясно говорил о желании Вены начать войну против Сербии. И этот основной факт уже тогда поставил Россию перед выбором: либо уступить Австрии, как это было в период Боснийского кризиса и Балканских войн, либо не уступать и тогда готовиться к войне с Австрией и Германией, которая однозначно заявила о поддержке Австрии. Царь принял решение не уступать и начал подготовку к войне уже 24–25 июля. Такая подготовка диктовалась очевидными военными соображениями: России нужно было больше времени на мобилизацию, чем Австрии и Германии. Важно отметить, что о решении России не отступать министр С. Сазонов проинформировал германского посла уже 24 июля, сразу после знакомства с текстом венского ультиматума. И таким образом теперь Берлин оказался перед выбором. Если Берлин не хотел европейской войны, он мог остановить Вену на всех этапах июльского кризиса, но он этого не делал. Напротив он ее поощрял и тем детерминировал последовательность событий: австрийская нота с угрозой Сербии войной стала причиной появления решения о введении подготовительного к войне периода в России, а объявление Австрией войны Сербии вызвала частичную, а затем полную мобилизацию в России.

Вопрос о мобилизации (частичной и полной) Макмикин также трактует как инициативный шаг России, обусловивший войну. Однако Макмикин умалчивает о том, что к полной мобилизации Россию подтолкнула Германия. Утром 29 июля канцлер Бетман-Гольвег отправил германскому послу в Рос-

сии Пурталесу телеграмму: «Укажите весьма серьезно господину Сазонову, что дальнейшее *продолжение русских мобилизационных мероприятий вынудило бы к мобилизации и у нас и что тогда вряд ли можно было бы задержать европейскую войну*»²⁷. Сазонов воспринял это заявление как очевидную угрозу со стороны Берлина и встал на сторону военных, которые по техническим соображениям выступали против частичной мобилизации и настаивали на полной. Ведь фактически Берлин говорил: в ответ на вашу частичную мобилизацию против Австрии мы объявим свою мобилизацию. Поскольку сроки германской мобилизации были в три раза меньше, чем российской, постольку Россия должна была ответить на эту угрозу полной мобилизацией, т. е. мобилизацией против Германии.

Макмикин всячески подчеркивает, что царь, все министры и военачальники прекрасно понимали, что мобилизация означает войну. Однако она означала войну только в том случае, если Германия решила воевать. Если бы Германия в ответ на мобилизацию в России действительно остановила Австрию и приняла тот или иной вариант мирного урегулирования спора, которые предлагали ей и Англия и Россия, царь был бы вынужден остановить мобилизацию, иначе Россия становилась главным виновником войны в глазах всего мира. Берлин же ответил на начало русской мобилизации немедленным объявлением войны. Он торопился, чтобы успеть разгромить Францию до полной мобилизации русской армии. И именно это решение Германии говорит о том, что инициатором и главным виновником мировой войны является Германия. Готовность Берлина поддержать агрессивные шаги Вены на всех этапах июльского кризиса была тем ключевым фактором, который последовательно вел к европейской войне.

Это не означает, что Россия, Франция и Англия не несут никакой ответственности за развязывание общеевропейского военного конфликта. Слабость концепции Макмикина заключается еще и в том, что он не поставил июльский кризис в контекст тех уроков, которые были извлечены державами из итогов Балканских войн. Эти войны показали Лондону и Парижу, что именно на Балканах Россия может быть втянута в войну против Германии. Уже с конца 1912 года, т. е. после того, как было заключено секретное англо-французское соглашение, которое гарантировало Франции помощь со стороны Англии в случае войны с Германией, Франция заявила о своей готовности выполнить свои союзнические обязательства перед Россией в случае войны с

²⁷ Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. Berlin 1919. Vol. 2. № 343. S. 59.

Австрией. Париж стал толкать Россию на войну с Австрией, понимая, что она приведет к войне с Германией, которая получит войну с Антантой на двух фронтах одновременно, и не сможет ее выиграть.

России Балканские войны показали, что ее вековая цель (захват Константинополя и проливов) может быть реализована только в рамках общеевропейской войны, поскольку Германия прочно утвердилась в Турции и не собиралась отдавать России проливы. Действия России в дни июльского кризиса, конечно же, не были связаны только со стремлением спасти Сербию. Царь считал, что общий расклад сил благоприятен для того, чтобы решить главную внешнеполитическую задачу России того времени: захватить Константинополь и проливы.

В свою очередь Англия также понимала, что сараевский кризис дает благоприятный шанс в коалиции с Францией и Россией разгромить растущую мощь Германии. Лондон сделал все, чтобы уверить Германию в своем нейтралитете и тем фактически спровоцировал Берлин начать европейскую войну. Тем не менее, действия стран Антанты были ответом на инициативу Австрии и Германии. Германия в любой момент могла прервать то, что Макмикин назвал «обратным отсчетом» к войне, но она этого не сделала.

Явная односторонность анализа, предложенного Макмикиным, вызвала критику со стороны его коллег. И в интервью Би-Би-Си, данном в феврале 2014 г. он высказал два противоречивых положения:

– «Без германской поддержки жесткой позиции Австро-Венгрии по отношению к Сербии после Сараево, "карт-бланша", Первая мировая война очевидно бы не началась. Соответственно, Германия виновата».

– «Первой объявила мобилизацию Россия, а не Германия. И война против двух центральных держав, в которой Россию и Сербию поддержали Франция и Британия, была желанием России, а не Германии»²⁸.

Как бы то ни было, последние две книги Макмикина остаются самой откровенной и развернутой попыткой обосновать тезис о России как главной виновнице войны. Однако, как мы стремились показать, этот тезис не может быть признан обоснованным.

²⁸ Кто развязал Первую мировую войну: 10 версий Би-Би-Си передача от 14 февраля 2014 г. http://www.bbc.co.uk/russian/international /2014/02/140213_wwi_start_10_versions.

Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

КАДЕТЫ И ВОПРОС О СЕПАРАТНОМ МИРЕ С ГЕРМАНИЕЙ: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Сразу после того как реализация плана Шлиффена сорвалась, и Германия оказалась перед угрозой длительной войны на два фронта, немецкое военнополитическое руководство поставило перед своей дипломатией задачу заключить сепаратный мир с Россией². Для Англии и Франции выход России из войны грозил катастрофой. Поэтому две эти ведущие державы Антанты пытались исключить даже самую малую возможность подобного исхода событий.

Насколько он был вероятен? Вопрос об этом является одним из самым актуальных в отечественной историографии Первой мировой войны. В 1920 – 1960-е гг. он решался советскими историками в рамках «теории двух заговоров». Суть её в том, что конфликт между «либеральной буржуазией» и самодержавием в 1915–1916 гг. был связан с вопросом о дальнейшем продолжении войны. Императорская чета стремилась к сепаратному миру с Германией («заговор царизма»), либеральная оппозиция, чтобы предотвратить выход России из войны готовила дворцовый переворот («заговор буржуазии»).

В конце 1960-х гг. советская историография отказалась от теории «двух заговоров». Первым это сделал В. С. Дякин. Концепция этого историка не-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914–1918)», проект № 14-01-00032

² Евдокимова Н.П. Между востоком и западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985. С.11, 47.

давно была рассмотрена автором особо³. Она оказала большое влияние на современную историографию проблемы.

В. С. Дякин отделил проблему подготовки дворцового переворота накануне Февральской революции от вопроса о сепаратном мире. Он нарисовал такую картину кануна Февральской революции, в которой вопрос о предотвращении сепаратного мира не имел для либералов самостоятельного и сколько-нибудь серьезного значения. Иными словами, В. С. Дякин не опроверг теорию «двух заговоров», а сконструировал игнорирующую её историческую реальность, которая была воспринята и последующими историками.

Степенью реальности заключения сепаратного мира между Россией и Германией теперь стали заниматься исключительно историки-международники⁴. Что касается подготовки дворцового переворота, то эта проблема начала анализироваться только в контексте внутривнутриполитических реалий. Вопросы же так или иначе связанные с борьбой вокруг сепаратного мира оказались на периферии внимания специалистов, занимавшихся политической историей России, и затрагивались лишь эпизодически.

Так, Е. Д. Черменский коснулся проблемы сепаратного мира в сюжете, посвященном заграничной поездке русской парламентской делегации весной 1916 г. Ей предшествовал визит в Россию английских парламентариев. На банкете в их честь (17 февраля 1916 г.) П. Н. Миллюков, как обратил внимание Черменский, выразил уверенность, что «война не может кончиться вничью»⁵.

Далее Е. Д. Черменский проанализировал программную речь лидера кадетов в Государственной думе 11 марта 1916 г., основной темой которой стали интересы России при заключении мира и предостережения против его

³ Селезнев Ф.А. Партия кадетов в борьбе против сепаратного мира между Россией и Германией: судьба теории «двух заговоров» в советской историографии 1920-х – 1960-х гг. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сент. 2014 г. Орел, 2014.

⁴ Историографические обзоры проблемы см: Лебедев В.В. К историографии проблемы выхода России из войны накануне Февральской революции. Обзор // Вопросы истории. 1971. № 8; Евдокимова Н.П. Проблема сепаратных переговоров о мире между Германией и Россией в годы первой мировой войны в работах советских историков // Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории. Вып. 6. Л., 1981; Васюков В.С. К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Исторические записки. Т.107. М., 1982; Соколов Б.В. К вопросу о сепаратном мире между Россией и Германией (1914–1917 гг.) // История СССР. 1985. № 5.

⁵ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 174.

преждевременного заключения. При этом мишенью нападок Милюкова стали крайне правые, будто бы желавшие заключить мир ранее решающих побед над Германией. Е. Д. Черменский задался целью выяснить справедливость этих обвинений. Он очертил круг прогермански настроенных деятелей в дворцовой камарилье, Совете министров, дипломатическом корпусе, Государственном совете и правой фракции Государственной думы. Затем Черменский проанализировал маневры германской дипломатии, пытавшейся вступить в сепаратные контакты с российской стороной, включая знаменитое свидание Варбурга с А. Д. Протопоповым в Стокгольме. Он отверг возможность того, что во время стокгольмского свидания глава русской парламентской делегации показал себя сторонником сепаратного мира и поэтому получил министерский пост.

Историк отметил, что поначалу назначение Протопопова управляющим МВД было благожелательно воспринято фракциями Прогрессивного блока, включая кадетов. Однако, по мнению Черменского, престиж нового управляющего МВД в глазах «буржуазной общественности», уронили провал его продовольственной политики, «его явное бессилие остановить надвигающийся революционный ураган», готовность действовать в согласии со Штюрмером. Свою роль сыграли также слухи об участии Распутина в назначении Протопопова, приближение им к себе генерала Курлова, освобождение В. А. Сухомлинова, молва о получении Протопоповым денег от банков на издание газеты с германофильским оттенком. В результате в «буржуазной прессе» началась травля Протопопова как «перебежчика» и «германофила», холопа реакции, провоцирующего народные беспорядки, чтобы иметь основание заключить сепаратный мир⁶.

Однако, подобно В. С. Дякину, Е. Д. Черменский полагал, что причиной активизации антиправительственной деятельности кадетов в конце октября 1916 г. стало не стремление предотвратить заключение мира с немцами, а желание укрепить свою популярность среди оппозиционно настроенных масс. Поэтому было решено поднять тон направленных против власти выступлений в Думе, объявив «беспощадную войну режиму». В качестве «новой ноты» кадеты решили выдвинуть мотив измены правительства⁷. Откры-

⁶ Там же. С. 200–202.

⁷ Там же. С. 204.

тие думской сессии (1 ноября) совпало с опубликованием Германией манифеста о создании польского государства. Это ещё более ожесточило участников Прогрессивного блока против главы кабинета Штюрмера. Его обвиняли в том, что, готовя мост к сепаратным мирным переговорам, он умышленно откладывал издание акта о будущем устройстве Польши, уступая в данном вопросе инициативу противнику⁸.

Если В. С. Дякин передавая содержание декларации Прогрессивного блока, зачитанной 1 ноября с думской трибуны, ограничился упоминанием того, что в ней содержалось требование немедленной отставки Штюрмера, то Е. Д. Черменский обратил внимание на то, что она начиналась с заявления о недопущении даже мысли о сепаратном мире. Правда, Черменский не сделал из названного факта никаких выводов. Однако, в отличие В. С. Дякина, при изложении речи Милюкова 1 ноября Черменский подробно изложил содержащиеся в ней обвинения против Штюрмера и императрицы Александры Федоровны в тайной подготовке сепаратного мира⁹. Кроме того он констатировал, что «поход» оппозиции против Штюрмера был энергично поддержан союзными дипломатами «подозревавшими русского премьер-министра в прогерманских симпатиях»¹⁰.

А. Г. Слонимский в отличие от В. С. Дякина и Е. Д. Черменского не считал, что резкая речь П. Н. Милюкова 1 ноября была вызвана стремлением кадетов завоевать симпатии оппозиционно настроенных масс. Он связал её с поездкой руководителя кадетов за границу. Опорой для Слонимского послужило полицейское донесение о пленарном заседании кадетского ЦК в Москве 1 и 2 октября 1916 г. Слонимский подчеркнул, что по сообщению начальника московского охранного отделения «центром внимания заседания послужили заграничные впечатления Милюкова». Лидер кадетов рассказал о недоверии в Англии и Франции к Штюрмеру, назначение которого там было истолковано как шаг в поисках путей примирения с Германией. Милюков ободрил своих единомышленников тем, что сам Ллойд-Джордж является застрельщиком кампании против правящей русской бюрократии и в этой связи возлагает большие надежды на конституционно-демократическую партию.

⁸ Там же. С.203–204, 207.

⁹ Там же. С.211.

¹⁰ Там же. С.217.

Поэтому Милюков решил выступить в Государственной думе со всем полученным им за границей материалом о деятельности Штюрмера, дабы во что-бы то ни стало свалить его¹¹. Слонимский очень подробно изложил речь Милюкова 1 ноября 1916 г., включая все его выпады против «темных сил, борющихся в пользу Германии»¹².

Описание событий 1 ноября 1916 г. В. И. Старцевым по углу освещения ближе к версии В. С. Дякина. Передавая содержание декларации Прогрессивного блока, Старцев не упомянул о том, что она содержала протест против сепаратного мира. Излагая речь П. Н. Милюкова, историк процитировал содержащиеся в ней комментарии германских газет, ограничившись констатацией того, что они «давали объяснение и выход смутным предчувствиям измены в верхах»¹³. Словосочетание «сепаратный мир» в этом контексте Старцевым употреблено не было.

В. И. Старцев шёл вслед за Дякиным и в интерпретации отношений Антанты и либеральной оппозиции. По мысли Дякина в своем стремлении добиться уступок от самодержавия оппозиция «неизменно искала сочувствия общественного мнения Антанты и содействия официальных представителей Англии и Франции, приезжавших в Россию»¹⁴. Иными словами во внутри-российские коллизии западных дипломатов втягивали оппозиционеры, в то время как представители Антанты старались удержать либеральных лидеров от резких выступлений. В изложении В. И. Старцева либеральная оппозиция тоже старается энергично опереться на союзников, «преследуя свои цели»¹⁵. Под пером Старцева английский посол Бьюкенен выглядит даже более безобидным, чем в книге Дякина. У Дякина британский дипломат, хотя и не участвует в подготовке государственного переворота, но все же активно вмешивается во внутренние дела России. В. С. Дякин даже находил не лишними оснований «слухи, что Милюков согласовывал с Бьюкененом свою

¹¹ Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975. С. 20.

¹² Там же. С. 43–44.

¹³ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 212.

¹⁴ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 304.

¹⁵ Старцев В. И. Указ. соч. С. 198.

речь против Штюмерера»¹⁶. В книге же В. И. Старцева английский посол всего лишь пытается наладить связи с либеральной общественностью Москвы, причем самым невинным способом – путем вручения московскому городскому голове кадету М. В. Челнокову британского ордена¹⁷.

И. В. Алексеева, наоборот, привела целый ряд фактов, показывавших активное взаимодействие Бьюкенена и либеральной оппозиции на почве борьбы против царского правительства. Однако, подойдя к вопросу об участии английского посла в «заговоре буржуазии» исследовательница сделала вывод о том, что Бьюкенен не только не подстрекал Февральскую революцию, но и всячески старался предотвратить её «в том виде, в котором она произошла, т. е. как широкое народное движение». Максимум, на который был тогда согласен английский посол, – «маленькая дворцовая революция», направленная на то, чтобы сменить одного Романова на другого или даже оставить прежнего, но с дарованием стране конституции¹⁸.

Помимо британского посольства И. В. Алексеева назвала ещё один центр притяжения «русской буржуазной оппозиции» – общества сближения с Англией. В этой связи она выразила уверенность в том, что выступление Бьюкенена на заседании Общества английского флага 27 октября 1916 г., направленное против «германских влияний» в России, «послужило последним толчком» к заявлениям, сделанным П. Н. Милюковым 1 ноября¹⁹.

Как полагает И. В. Алексеева, мнение о том, что назначение Штюмерера министром иностранных дел является фактором, знаменующим изменение внешнеполитического курса России в сторону сепаратного мира, преобладало и в кругах Антанты, и среди русской либеральной оппозиции. Однако, утверждает автор, многочисленные факты, которые сторонники версии о сепаратном мире приводят в качестве аргументов укладываются в рамки обычного для любой войны зондажа мирных предложений противника. Назначение же Штюмерера на взгляд Алексеевой означало лишь то, что Николай II и Александра Федоровна желали в тот момент видеть руководство внешней и внутренней политикой в руках одного из немногих государственных деяте-

¹⁶ Дякин В.С. Указ. соч. С. 307.

¹⁷ Старцев В.И. Указ. соч. С. 199.

¹⁸ Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. С. 39–44.

¹⁹ Там же. С. 126, 138.

лей, преданных династии. В свою очередь либеральная оппозиция и союзники зачастую сами инспирировали слухи о германофильских симпатиях Штюрмера и о связанных с его приходом переменах во внешнеполитической ориентации страны. Это делалось, чтобы дискредитировать царское правительство в глазах страны и в глазах европейского общественного мнения, что значительно бы облегчило впоследствии русским либералам возможность мирного, «парламентского» получения политической власти²⁰.

И. В. Алексеева впервые ввела в научный оборот записи из дневника, который П.Н. Милюков вел во время поездки в Англию, Францию и Швейцарию в августе – сентябре 1916 г., в ходе которой лидер кадетов вёл сбор «порочающей сепаратные колебания правительства Николая II информации в целях полной дискредитации внешнеполитической линии последнего»²¹.

А. Я. Аврех при анализе проекта декларации Прогрессивного блока отметил, что включение Милюковым в свой проект слова «измена» полностью идентифицировалось с обвинением «распутинской клики и, следовательно, самого царя в желании пойти на заключение сепаратного мира с немцами»²². При этом «измена» верхов стала «единственной темой» речи П. Н. Милюкова 1 ноября, определившей её тональность и содержание. Впрочем, с точки зрения фактов, полагал Аврех, речь Милюкова не выдерживала никакой критики и представляла собой «окрошку из голословных газетных выдержек, слухов и сплетен, сдобренных ловкой демагогией и откровенными инсинуациями»²³. Видимо, поэтому ученый не стал разбирать логику действий лидера кадетов.

Совсем устранилась от анализа этой речи П. Н. Милюкова Н. Г. Думова, ограничившись указанием на то, что в ней он «подверг резкой критике военную и хозяйственную политику царского правительства»²⁴. Для В. В. Шелохаева речь Милюкова 1 ноября 1916 г. была только «громоотводом» от революции²⁵.

²⁰ Там же. С. 212–213.

²¹ Там же. С. 220.

²² Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С.111.

²³ Там же. С. 122.

²⁴ Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 76.

²⁵ Шелохаев В.В. Позиция русских либералов в годы первой мировой войны: от «священного единения» к конфронтации с исполнительной властью // Первая мировая война.

О стремлении кадетов предотвратить сепаратный мир ни Н. Г. Думова, ни В. В. Шелохаев не упоминают. Однако с другой стороны В. В. Шелохаев сделал важное заключение о том, что доминантой либеральной политики в течение всей войны было заявление лидера прогрессистов И. Н. Ефремова, сделанное им с трибуны Государственной думы 27 января 1915 г.: «преждевременное заключение мира было бы предательством жизненных интересов России»²⁶.

Эдвард Вишневски проблему сепаратного мира не затронул вообще. Резкость речи Милюкова 1 ноября 1916 г. он объяснил «дальнейшим левением страны»²⁷.

Новые подходы к изучению деятельности либеральной оппозиции в годы первой мировой войны предложил Ф. А. Гайда. Он рассматривает все события 1914 – начала 1917 гг. с точки зрения борьбы либеральной оппозиции за политическое влияние, а, в конечном счете, за власть. Проблема сепаратного мира появляется на страницах книги Ф. А. Гайды в виде слухов, использовавшихся в этой борьбе²⁸.

Так, рассказывая читателю о поездке П. Н. Милюкова за границу в июле – сентябре 1916 г., Ф. А. Гайда пишет, что её целью был «сбор слухов» о попытках русского правительства пойти на сепаратный мир с Германией. Причем информация черпалась им из европейских газет и встреч с русской эмиграцией в Швейцарии, т. е. «была заранее недостоверной». Собранные Милюковым материалы якобы свидетельствовали о неких шагах Штюрмера в направлении заключения мира, но, как утверждает Ф. А. Гайда, в «действительности ничего подобного не было». Как пишет историк, «сознательная дискредитация и клевета становились основным оружием в ситуации, когда оппозиция должна была выбирать между необходимостью сохранить легальные методы борьбы и желанием не потерять политическую ини-

Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. Сборник статей. Нижний Новгород, 2014. С. 78.

²⁶ Шелохаев В.В. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 31.

²⁷ Вишневски Э. Оппозиция: Прогрессивный блок в 1914 – 1917 гг. М., 2000. С. 28.

²⁸ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 156, 230.

циативу»²⁹. Эта «клеветническая речь», считает Ф. А. Гайда, «открыла новую предвыборную кампанию»³⁰.

Таким образом, современные историки полагают, что вопрос о предотвращении сепаратного мира с Германией имел для русских либералов не самостоятельное, а подчиненное значение. Проблема возможности выхода царизма из войны не воспринималась либералами как первостепенная, а лишь использовалась для дискредитации власти. Однако введенный в научный оборот фактический материал противоречить подобной установке. В этой связи весьма плодотворной представляется мысль В. В. Шелохаева о том, что доминантой либеральной политики в течение всей войны было восприятие «преждевременного заключения мира» как предательства жизненных интересов России. На наш взгляд она должна стимулировать проведение дополнительного анализа этой проблемы.

²⁹ Там же. С. 156, 230.

³⁰ Там же. С. 156, 232.

С. Н. ПОЛТОРАК
Журнал «Клио»

БРЕСТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1918 г.: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Процесс подготовки и подписания Брестского мирного договора как историческое событие до сих пор не изучен. Имея колоссальное значение для последующей судьбы России и ряда других государств, эта страница прошлого на протяжении многих десятилетий исследовалась лишь фрагментарно. До сих пор не написан комплексный научный труд, который дал бы ответы на многочисленные вопросы, связанные с историей Брестского мирного договора.

Это представляется странным, поскольку многие документы, связанные с подготовкой и подписанием Брестского мирного договора, были известны общественности, в том числе и научной, еще в 1918 г.¹ А два года спустя, в 1920 г., Народный комиссариат иностранных дел опубликовал полный текст стенограмм пленарных заседаний, заседаний политической комиссии², что давало возможность уже тогда судить о ходе переговоров в Брест-Литовске не только на основании изданных материалов VII съезда РКП(б) и IV Чрезвычайного съезда Советов. Кстати, современные российские историки почему-то оперируют преимущественно только материалами этих двух съездов.

Кроме того, совместными усилиями министерств иностранных дел СССР и ГДР в 1968 г. был выпущен первый том сборника документов «Со-

¹ Например: Инструкции, циркуляры и приказы с приложением мирного Брестского договора, декретов Совнаркома, извлечений из протоколов заседаний Совета экспертов, протокола совещания о ликвидации бывших частных банков и прочих справочных материалов. Пг.: Тип. АО «Фридрих Кан», 1918. 364 с.

² Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1. Пленарные заседания, заседания политической комиссии. Полный текст стенограммы под ред. и с прим. А.А. Иоффе (В. Крымского), с пред. Л.Д. Троцкого. М.: Наркоминдел, 1920. 268 с.

ветско-германские отношения», в который вошли многие документы, освещающие процесс дипломатического взаимодействия двух стран с конца октября 1917 до конца 1918 г.³

Во многом проливают свет на события той поры и опубликованные недавно в России мемуары германского генерала Эриха Людендорфа, бывшего непосредственным участником переговоров в Бресте.⁴

В начале 1918 г. существовали три основные точки зрения на процесс заключения мира с Германией и ее союзницами. Самая известная по советской историографии – ленинская, нацеленная на перспективу победы мировой и социалистической революции и связанная с временной уступкой «мировому капитализму» – с подписанием Брестского мира. Вторая – точка зрения Л. Д. Троцкого и его сторонников, известная формулой «ни мира, ни войны». Но была и третья, сущность которой сводилась к решительному неприятию подписания договора с Германией и ее союзницами, поскольку подписание договора, по мнению сторонников такой точки зрения, означало бы предательство по отношению к идеям революции и к своему государству. Такую позицию занимали представители многих революционных партий, в том числе и часть большевиков. Особую активность в отстаивании этой позиции проявляли представители левого крыла партии социалистов-революционеров. В частности, отношение левых эсеров к заключению Брестского мира отражено в брошюре одного из ее членов – Георгия Земледельца⁵. Даже из ее названия, похожего на лозунг «Брестский мир несет смерть России, рабство и нищету трудящимся» видно, что, по мнению автора и его товарищей, следствием подписания Брестского мирного договора неминуемо должно было бы стать падение молодого советского государства.

Пожалуй, первым, кто попытался осмыслить значение заключения Брестского мира для судьбы молодого советского государства был М. П. Павлович (Вельтман). Уже в 1918 г. он издал небольшой научный труд, использо-

³ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов. Т. 1. (1917–1918 гг.). М.: Политиздат, 1968. 758 с.

⁴ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М.: Центрполиграф, 2007. С. 242–251.

⁵ Земледелец Г. Брестский мир несет смерть России, рабство и нищету трудящимся. Самара: Самар. губком партии социалистов-революционеров, 1918. 75 с.

вавшийся и для пропаганды позиции ленинских сторонников среди населения советской России⁶.

Одним из первых историографов проблемы следовало бы считать и В. И. Ленина. Через 6 лет после подписания Брестского мирного договора сборник ленинских речей, посвященных вопросам его заключения, разъяснения сути ленинской позиции по поводу этого договора, был опубликован в Харькове⁷.

В 1924 г. в Москве была выпущена брошюра ленинских статей и речей, посвященных не только Брестскому миру, но и роли Ленина в его заключении и реализации. Автором вводной статьи и примечаний к тому изданию был Н. Н. Овсянников⁸.

Позже, накануне Великой Отечественной войны, похожее издание было выпущено в свет в Ижевске⁹. Вероятно, поводом к изданию той брошюры было стремление издателей провести параллель между событиями 1918 г. и ситуацией, сложившейся в преддверии подписания пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г. Издатели словно давали понять читателю, что подписание пакта – это проверенный историей способ ухода от обострения отношений между Германией и Советским государством, возможность потянуть время, чтобы укрепить свои внутрисполитические и внешнеполитические позиции.

Следует отметить, что эти издания были осуществлены на основе уже вышедших из печати материалов 15-го тома собраний сочинений В. И. Ленина.

Спустя несколько лет после завершения Гражданской войны в России, в условиях утвердившейся советской власти, власти большевиков, правильность ленинской позиции в вопросе подписания Брестского мира больше не вызывала публичных споров как среди руководства страны, так и у широкой общественности. Но это не означало, что проблема себя изжила: она просто перестала обсуждаться. Вероятно, из-за того, что многие политические деятели 1920–1930-х гг. не разделяли ленинских взглядов, тема подписания Брестского мирного договора, как правило, благополучно обходилась стороной советской историографией, или отмечалась в научной и политической лите-

⁶ Павлович (Вельтман) М.П. Брестский мир и условия экономического возрождения России. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 87 с.

⁷ Ленин В.И. О Брестском мире: [Сб. речей]. Харьков: Пролетарий, 1924. 56 с.

⁸ Ленин В.И. Ленин и Брестский мир / Ст. и речи Н. Ленина в 1918 году о Брестском мире. М.: Госиздат, 1924. 118 с.

⁹ Ленин В.И. Брестский мир – мирная передышка. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. 44 с.

ратуре скороговоркой, одним и тем же штампом, не ставившим под сомнение правильность ленинской позиции и того, что И. В. Сталин и его ближайшие соратники разделяли позицию В. И. Ленина.

Только в 1963 г. А. О. Чубарьян в работе «Брестский мир» дал более развернутую характеристику процесса подписания того договора и его последствий¹⁰. С того момента чаще всего было принято считать, что история Брестского мирного договора, как научная проблема, в принципе исчерпана.

В самом начале постсоветского периода из печати вышла большая по объему и «рыхлая» по содержанию монография Ю. Фельштинского¹¹. В своей работе, больше похожей на журналистское эссе, чем на научный труд, автор осуществил попытку доказать, что Брестский мирный договор – результат некомпетентности и неумелых действий В. И. Ленина и его сторонников.

Представляет несомненный интерес монография екатеринбургского автора О. С. Поршневой, вышедшая из печати в 2000 г. В этой основательной работе, написанной на основе синтеза социологии, истории, исторической психологии, культурной антропологии, философии, лингвистики, отдельный параграф посвящен изучению отношения широких народных масс в России к подписанию Брестского мирного договора. По мнению Ольги Сергеевны, следствием принятия этого документа стало разворачивание широкомасштабной Гражданской войны в России и военной интервенции¹².

Одной из последних крупных попыткой осмысления событий, связанных с подписанием Брестского мирного договора стала монография доктора исторических наук И. Михутиной, вышедшая из печати в 2007 г.¹³ Автор монографии, существенно сместив привычные акценты, попытался доказать, что подписание Брестского мирного договора было удачным лишь для украинской Центральной рады. Представляется, что публикации Ю. Фельштинского и И. Михутиной мало что внесли в развитие историографии, став лишь своеобразной авторской визитной карточкой, не способствовавшей укреплению их научного авторитета. Что же касается других крупных публикаций,

¹⁰ Чубарьян А. О. Брестский мир. М.: Госполитиздат, 1963. 46 с.

¹¹ Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: ТЕРРА, 1992. 656 с.

¹² Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2000. С. 320.

¹³ Михутина И. Украинский Брестский мир. М.: Европа, 2007. 288 с.

то при всем многообразии мнений заложенные в них идеи представляют собой важную ступень на пути исследования истории Брестского мирного договора как научной проблемы.

Представляет интерес взгляд на проблему петербургского исследователя В. В. Калашникова, считающего ленинскую позицию в период переговоров в Бресте следствием реалистичного подхода к оценке перспектив формирования постимперского государства. Ценно и то, что ученый расценивает Брестский мирный договор как своеобразный аналог пакта Молотова-Риббентропа. Важно и то, что Владимир Валерьянович обратил внимание на международное значение переговоров в Брест-Литовске¹⁴, что очень созвучно с мнением нижегородского профессора Ф. А. Селезнева.¹⁵

Одним из самых слабых мест современной российской историографии является незнание отечественными историками зарубежной историографии проблемы, особенно – немецкой и турецкой. К примеру, турецкими коллегами за долгие годы наработан большой исследовательский материал, который за пределами Турции не используется.¹⁶

До настоящего времени этому крупному событию в истории советского государства не посвящено ни одного докторского диссертационного исследования. С отдельными сторонами проблемы связаны лишь две кандидатские диссертации, защищенные в Москве и в Ленинграде в середине 1980-х го-

¹⁴ Калашников В.В. Брест-1918: иной взгляд // Санкт-Петербургские ведомости. 2008. 14 марта.

¹⁵ Селезнев Ф.А. Судьба учредительного собрания и вопрос о сепаратном мире с Германией / Сб.ст. Первая мировая война. Взгляд из XX века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. С. 232–233.

¹⁶ Cere G.L.-R. İki Dünya Savaşı (1914–1918/1939–1945), Çeviren: Nihal Önal. İstanbul, 1966; Kurat A.N. Brest-Litovsk Müzakereleri ve Barışı, Belleten, XXXI/121-124. Ankara, 1967; Ülman H. Birinci Dünya Savaşına Giden Yol ve Savaş. Ankara, 1973; Renouvin P. Birinci Dünya Savaşı ve Türkiye (1914–1918), Çeviren: Adnan Cevgil, Örgün Yay. İstanbul, 1982; TAŞ N.F. Erzincan Mütarekesi ve Brest-Litovsk, Özyurt Matbaacılık. Ankara, 1995; KILIÇ S. Türk-Sovyet İlişkilerinin Doğuşu: Brest- Litovsk Barışı Ve Müzakereleri (22 Aralık 1917-3 Mart 1918), Ülke Kitapları. İstanbul, 1999; Yerasimos S. Kurtuluş Savaşı'nda Türk-Sovyet İlişkileri (1917–1923). Boyut Yayın Grubu, 2000; Gülboy B. I. Dünya Savaşı Tarihi. Ankara: Altın Kitaplar, 2004; Sander O. Siyasi Tarih-İlk Çağlardan 1918'e. Ankara: İmge Kitabevi Yayınları, 2012; Sander O. Siyasi Tarih 1918-1994. Ankara: İmge Kitabevi Yayınları, 2013; Sander O. Türkiye'nin Dış Politikası. Ankara: İmge Kitabevi Yayınları, 2013; Armaoğlu F. 20.Yüzyıl Siyasi Tarihi (1914–1995). Timaş Yayınları, 2014.

дов,¹⁷ а так же докторская диссертация саратовского историка Э. В. Костяева, исследовавшего деятельность Г. В. Плеханова и меньшевистской партии в период Первой мировой войны.¹⁸

Брестский мирный договор между кайзеровской Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с одной стороны и Советской Россией с другой до сих пор представляет собой спорную проблему, по поводу многих аспектов которой продолжают вести споры отечественные и зарубежные исследователи.

Не стремясь окончательно разрешить многие споры, попытаемся выяснить, что представлял собой Брестский мир с точки зрения зарождения и утверждения среди широких слоев российского населения нового по тем временам мировоззрения, основы которого были еще в 1848 г. заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом в их «Манифесте коммунистической партии». Сформулированная основоположниками марксизма идея мировой пролетарской революции в ленинской интерпретации превратилась в обоснованную концепцию. Именно она – концепция мировой социалистической революции – стала стержнем государственной политики Советской России. Она же стала основой внутригосударственной политики и идеологии, стала той питательной средой, в которой с октября 1917 г. новой властью с невиданным прежде размахом осуществлялось влияние на граждан страны Советов.

Суть Брестского мирного договора общеизвестна. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан договор, согласно которому от Советской России отторгались Польша, Литва, часть Белоруссии и Лифляндии, т. е. современной Латвии. В соответствии с тем договором Советское государство выводило из Лифляндии и Эстляндии (современная Эстония) свои войска, а на их место вводились войска Германии. За Германией сохранялись большая часть Рижского залива и Моонзундские острова. Кроме того, войска Красной армии покидали Украину, Финляндию, Батум, а также другие территории – в общей сложности около 1 миллиона квадратных километров.

¹⁷ Ермушина Н.Н. Социальный состав делегатов IV съезда Советов РСФСР и расстановка политических сил в период ратификации Брестского мира: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 23 с.; Юрковский Н.К. Борьба советского правительства за сохранение Брестского мира и вопрос о Черноморском флоте в марте–июне 1918 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 18 с.

¹⁸ Костяев Э.В. Проблемы войны и мира в платформах и деятельности Г.В. Плеханова и меньшевиков в 1914 – марте 1918 года: диссертация ... д.и.н. Саратов, 2015. С. 443–459.

Россия обязывалась выплатить Германии 6 миллиардов марок контрибуции и предоставить Германии значительные торгово-экономические льготы, полностью демобилизовать свои армию и флот, признать мирный договор между Германией и украинской Центральной радой, установив государственную границу с Украиной.¹⁹ 15 марта 1918 г. тот договор был ратифицирован Четвертым чрезвычайным Всероссийским съездом Советов, а 26 марта 1918 г. императором Германии Вильгельмом Вторым.²⁰

Еще до Всероссийского съезда Советов, 6–8 марта 1918 г. в Петрограде прошел VII съезд РКП(б), в ходе которого разгорелась дискуссия по поводу подписания Брестского мирного договора. На следующий день после окончания съезда в центральном печатном органе большевиков – в газете «Правда» – было опубликовано сообщение о том, что «большинством 30 голосов против 12 при 4 воздержавшихся решено мирный договор ратифицировать»²¹.

То сообщение стало своеобразным эквивалентом резолюции съезда, принятой по политическому отчету ЦК РКП(б), с которым выступил В. И. Ленин. Резолюцию съезда было решено не публиковать. Возможно, потому, что в ней в значительной мере была сформулирована стратегическая линия Советской России: «Съезд уверен, что с точки зрения интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим.

В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран».²²

Новое мировоззрение – мировоззрение человека, видящего перспективу утверждения трудящихся людей в планетарном масштабе – утверждалось на фоне внутрипартийной и межпартийной борьбы. Внутри большевистской партии верх взяли сторонники В. И. Ленина. Между тем, сразу же после подписания Брестского мирного договора среди оппозиционной части больше-

¹⁹ Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 2007. С. 102.

²⁰ Гражданская война и военная интервенция в СССР. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 73.

²¹ Цит. по: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1924. М.: Госполитиздат, 1954. С. 404.

²² Там же. С. 405.

виков были заметны не только недовольство, но и стремление к организации государственного переворота. Бывший военный министр Временного правительства А. И. Верховский, содержась в «Крестах», во время допросов чекистами сообщал, что в марте 1918 года некоторые члены большевистской партии, фамилии которых назвать он отказался, предлагали ему после скорого переворота возглавить военный комиссариат.²³

Значительное противостояние после подписания Брестского мирного договора возникло между большевиками и представителями других политических партий. Так, американский исследователь А. Рабинович писал: «Во второй половине марта, когда Советское правительство бежало в Москву, отношения между большевиками и левыми эсерами в Москве и Петрограде стали различаться. В Москве «медовый месяц» в отношениях ленинского большинства большевиков и левых эсерах на высшем уровне оборвался во второй половине марта, после ратификации Брестского мира IV Всероссийским съездом Советов. Левые эсеры вышли из Совнаркома по причине неприятия большинством их лидеров Брестского мира (я опускаю при рассмотрении продолжавшееся сотрудничество между левыми эсерами и левыми коммунистами в правительстве Московской области). С апреля до конца июня отношения лидеров двух партий неуклонно ухудшались из-за продолжавшихся уступок Германии со стороны большевиков, а также из-за разных аспектов внутренней политики».²⁴

Между тем, Германия после подписания Брестского мирного договора планировала укрепить свой политический успех. Один из чиновников имперского ведомства хозяйства в записке для заместителя статс-секретаря в имперской канцелярии писал 6 марта 1918 г.: «...нам следовало бы в определенном смысле оставаться хозяевами в Литве, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, напротив того, в Финляндии и на Украине нам следовало бы действовать с величайшей осторожностью, чтобы завоевать их доверие».²⁵

²³ Полтораки С.Н. Первый арест генерала А.И. Верховского // Материалы 37-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2003. С. 159.

²⁴ Рабинович А. Раскол между большевиками и левыми эсерами: поворотный пункт в ранней советской истории? // Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб.: Д.А.Р.К., 2006. С. 351.

²⁵ Советско-Германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов. Ч. 1. 1917–1918 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 438.

Жителям Германии и всей Европы навязывалась мысль о том, что Брестский мир – это пример дипломатической договоренности. Глава немецких фашистов, будущий фюрер Германии А. Гитлер в 1919 г. свое первое публичное выступление посвятил Брестскому мирному договору. Он уверял своих слушателей, что Брестский мир не является унижительным или несправедливым, что он – образец мира.²⁶ Таким образом, была осуществлена еще одна попытка формирования понимания итогов подписания Брестского мира – проблемы, переросшей со временем из политической в научно-историческую.

У исследователей до сих пор не сложилось однозначного мнения об историческом значении Брестского мирного договора. Частично это связано с тем, что огромные массивы архивных документов еще не введены в научный оборот. Это, в частности, касается многих документов, хранящихся в Политическом архиве министерства иностранных дел Германии (Politisches Archiv Auswärtiges Amt).²⁷

Сейчас отечественная и зарубежная историография накопили немалый объем научной литературы, способный с более взвешенных позиций дать оценку еще неизученным архивным документам, что в результате приблизит исследователей к пониманию итогов подписания Брестского мирного договора и их исторических последствий.

²⁶ Минц И.И. Брестский мир // История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). М.; Л.: ОГИЗ, 1945. С. 344–345.

²⁷ Politisches Archiv Auswärtiges Amt. R 22902; R 22886 и др.

II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

А. А. ИВАНОВ

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

«ЯРЫЙ ОБОРОНЕЦ», ДОСТОЙНЫЙ РУССКОГО СОБРАНИЯ: ВЗГЛЯД В. М. ПУРИШКЕВИЧА НА СОЦИАЛИСТА Г. В. ПЛЕХАНОВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бывший народоволец, затем теоретик и пропагандист марксизма, видный деятель российского и международного социалистического движения Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) в годы Первой мировой войны неожиданно для многих проявил себя как «ярый оборонец» и «сторонник победы русской армии».¹ В открытом письме в редакцию кадетской газеты «Речь», с броским названием «Желаю поражения виновному», Плеханов обосновывал свою позицию тем, что «в войне Австро-Венгрии и Германии с Францией, Бельгией и Англией интересы прогресса находятся на стороне трех последних государств и что поэтому каждый, дорожащий указанными интересами, должен желать победы именно этим государствам».² В отношении самодержавной России, продолжал далее Плеханов, он исходит из того, что в случае ее поражения, Германия предприняла бы попытку превратить ее в своего экономического вассала, что «очень вредно отразилось бы на даль-

¹ Тютюкин С.В. Плеханов Георгий Валентинович // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия: в 3 тт. М., 2014. Т. 2. С. 740.

² Речь. 1914. 2 (15) октября; Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 т. М., 2014. Т. 4: Демократия «страны нарушенного равновесия» / Отв. ред. А.Н. Ненароков; сост., предисл. и коммент. А.Н. Ненароков, Р.М. Гайнуллина. С. 40.

нейшем ходе русского экономического развития», которое, по его мнению, являлось источником освободительного движения.³ Поясняя далее, что он «принципиальный противник войны», Плеханов заключал: «но раз война началась, я не могу не следовать совету пушкинской капитанши: “разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи”. Я желаю поражения виновному, т. е. нападающей стороне. А нападающей стороной, по моему глубокому убеждению, явились Германия и ее союзница Австро-Венгрия».⁴

В следующем 1915 г. вышла книга Плеханова «О войне», в которой он более подробно разъяснял свои оборонческие взгляды и выступал с критикой немецкой социал-демократии, считавшейся «авангардом международной армии пролетариата», но в итоге поддержавшей империалистическую политику германского кайзера. Понимая, что социалисты-пораженцы будут обвинять его в том, что он льет воду на мельницу русской реакции, Плеханов отвечал своим оппонентам из левого лагеря: «...Справившись с внешним врагом, необходимо покончить с застоєм в русской жизни. Однако, скажете Вы, если Россия выйдет победительницей из нынешней войны, то ее население отнесет победу на счет старого порядка. Пусть будет так. Даже усилив на время реакцию, победа приведет, в конце концов к ее исчезновению, так как благодаря победе Россия избежит тех препятствий, которые были бы воздвигнуты поражением на пути ее экономического развития».⁵ В итоге, как отмечает С. В. Тютюкин, «революционность Плеханова в то время была скорее чисто декларативной, т. к. он советовал рабочим даже бастовать с большой осторожностью, чтобы не повредить делу обороны страны».⁶

В России взгляды Плеханова вызвали резкое осуждение В. И. Ленина и большевиков, стоявших на пораженческих позициях, но совершенно не ожи-

³ «Теперь спрашивается: где же надо искать источник нашего освободительного движения? — писал Г. В. Плеханов. — На этот вопрос я вот уже более тридцати лет с непоколебимым убеждением отвечаю: в экономическом развитии России, точнее говоря, в ее капиталистическом развитии. <...> Все, что замедляет наше экономическое развитие, поддерживает нашу реакцию, представляющую собою своеобразное политическое следствие экономической отсталости русской земли» (*Плеханов Г. В.* Из письма к болгарскому социалисту // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. Т. 4. С. 86–87).

⁴ Речь. 1914. 2 (15) октября; Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. Т. 4. С. 40.

⁵ *Плеханов Г. В.* Из письма к болгарскому социалисту // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. Т. 4. С. 88.

⁶ *Тютюкин С. В.* Плеханов Георгий Валентинович. С. 740.

данно нашли поддержку у председателя Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела, одного из лидеров черной сотни и думской фракции правых В. М. Пуришкевича. Парижская газета меньшевиков-интернационалистов «Наше слово» в январе 1916 г. сообщала о докладе Пуришкевича в Русском собрании, посвященного германо-русским отношениям, в ходе которого правый политик «выступил горячим защитником русских социал-демократов, отправившихся со всем русским народом на передовые позиции, чтобы там отдать свою жизнь в борьбе с германским деспотизмом».⁷ При этом, подчеркивало издание, особенно одобрительно Пуришкевич отзывался о патриотических выступлениях Плеханова. «Эта речь, – заявил Пуришкевич, – могла бы быть произнесена в стенах Русского собрания».⁸

Сообщение меньшевистского издания не было преувеличением. Ровно через месяц после выхода в свет данной заметки, лидер правых повторил свое заявление на всю страну с кафедры Государственной думы. Выступая 12 февраля 1916 г., Пуришкевич, оппонируя думским социал-демократам, заявившим, что принцип «все для победы» для них неприемлем, стал обильно цитировать книгу Плеханова «О войне», чтобы, по его собственным словам, популяризировать это малотиражное издание, «дабы обмен мнениями социал-демократов по этому вопросу попал на станицы печати и дабы это стало достоянием широких общественных кругов».⁹ Перечислив основные тезисы работы Плеханова, обосновывавшей необходимость ведения оборонительной войны против Германии, Пуришкевич солидаризовался с ее автором в том, что русские социалисты-пораженцы «играют в руку только одним немцам, только одним немецким социал-демократам».¹⁰ «Поражение России привело бы, говорит Плеханов, к замедлению ее экономического развития, к зависимости ее от Германии, задержало бы дело народной свободы, как он ее понимает, и полезно для старого порядка, – говорил Пуришкевич с думской кафедры. – Так говорит Плеханов, и это поняли все русские социал-демократические рабочие, ибо нет более доблестного солдата, как солдат, который борется на войне. Они все забыли о том, к

⁷ Наше слово. (Париж). 1916. 11 января.

⁸ Там же.

⁹ Речь В.М. Пуришкевича в Государственной думе 12 февраля 1916 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 т. М., 2014. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв. ред. А.В. Репников, сост., предисл., и коммент. А.В. Репников, А.А. Иванов. С. 359.

¹⁰ Там же. С. 361.

какой они партии принадлежали, они все пошли, они все страдают, они все на передовых позициях в окопах. И вы, гг., которые пытаетесь переменить, так сказать, заставить нас верить в другое, которые стараетесь отшибить социал-демократические течения от общего порыва, охватившего Россию, вы делаете величайшее преступление, гг., и против России и против своих же собратий. <...> Плеханов в своей книге приводит мнения выдающихся вождей немецкой социал-демократии Бебеля и Либкнехта, которые говорили, что социал-демократия обязана защищать свое отечество, и за что выдающиеся вожди германской социал-демократии подвергались обвинению также, как и вы обвиняетесь в шовинизме».¹¹ Резюмируя, Пуришкевич заявил, что книга Плеханова «должна была бы быть настольной в настоящее время для каждого русского социал-демократа», поскольку в ней немало «высоких патриотических страниц» и «если закрыть имя автора, то не знаешь, кто это произносил».¹² «Как, – говорит он (Плеханов. – *А.И.*), <...> вы требуете у меня, противника участия социал-демократов в войне, вы требуете у меня конца России? Как, конца России? Всей той России, которая трудилась, мыслила, страдала и боролась, и наши обскуранты хотят, чтобы я оставался равнодушным в виду такой перспективы? За кого же они принимаю меня, – говорит социал-демократ Плеханов. – Я еще не определился на службу к акулам германского империализма, я еще не вступал в "союз освобождения Украины". Россия, – говорит он, – принадлежит своему трудящемуся населению. Кому дороги интересы этого населения, тот не может быть равнодушным к судьбам России. Так говорит русский социал-демократ, проникнутый высокой идеей русского патриотизма и сознающий все значение той мировой борьбы, невиданной борьбы, которая разыгрывается сейчас – перед глазами всего изумленного мира», – заканчивал Пуришкевич пересказ книги Плеханова.¹³

Соглашаясь с Плехановым в том, что в настоящих условиях добиваться мира означает «мириться с угнетением», Пуришкевич заключал: «Вот это, гг., говорит социал-демократ Плеханов. Он понимает, что война должна быть доведена до победоносного конца; он понимает, что только по окончании этой войны может быть прибегнуто к достижению тех целей, которые со своей точки зрения преследует социал-демократия, или, по крайней мере, добиваться этих

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 361–362.

целей, если им будут – а это, конечно, будет – противодействовать другие партии, но он понимает, что теперь, когда выступает на очередь вопрос о существовании государства, всякое разномыслие способов борьбы и участия в этой борьбе могут привести к поражению. <...> ...Плеханов даже понимает, что борьба с правительством, борьба с властью в тяжелые минуты, переживаемые отечеством, может привести к катаклизмам для самого этого отечества. Вот те взгляды, которых придерживается выдающийся социал-демократ...».¹⁴

Об этом же Пуришкевич писал и в брошюре «Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов», заявляя, что даже «непримиримый Плеханов», «сторонник Маркса и Энгельса», «интернационал по своим убеждениям» признает, что «социализм отнюдь не исключает любви к отечеству».¹⁵ Обильно цитирую плехановскую книгу «О войне», Пуришкевич заключал: «Эта речь могла бы быть спокойно произнесена в стенах Русского Собрания, а не социал-демократом Плехановым на страницах своей книги, проникнутой всею силой и верой в наше историческое будущее. <...> Если так говорит социал-демократ Плеханов, то как же должны говорить представители других фракций, стоящих правее?».¹⁶

Такая активная популяризация оборонческих взглядов Плеханова, которые Пуришкевич на протяжении 1915–1916 г. противопоставлял позиции социалистов-пораженцев, вызвали тревогу в рядах крайне правых. На Нижегородском совещании монархистов, состоявшемся в 1915 г. лидер Всероссийского Дубровинского Союза русского народа А. И. Дубровин, остановившись на отношении российских социал-демократов к войне, призвал черносотенцев «не верить словам Плеханова и других русских социал-демократов, которые иногда говорят о необходимости борьбы с германским милитаризмом».¹⁷ «Не верьте им, так как они говорят неискренно, – убеждал Дубровин, – на самом деле все социал-демократы, руководимые германскими социалистами, хотят отдать немцам завоеванные ими земли, чтобы заключить мир и начать гражданскую войну внутри».¹⁸

¹⁴ Там же. С. 362–363.

¹⁵ Пуришкевич В.М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 72–73.

¹⁶ Там же. С. 75–76.

¹⁷ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Петроград, 1916. С. 32.

¹⁸ Там же.

Но заметно сдвинувшийся к этому времени влево Пуришкевич¹⁹ считал иначе. Ему казалось, что доводы и авторитет Плеханова способны лишить пораженческое крыло российской социал-демократии поддержки в солдатской и рабочей среде. Кроме того, Пуришкевич действительно поверил в искренность патриотизма Плеханова и оценил ее. В этом отношении очень показательным является поступок Пуришкевича в апреле 1917 г., когда, видя, что все, что ему дорого, летит под откос, а в правительстве нет людей, способных вывести страну из политического кризиса, в который она с каждым днем все глубже и глубже погружалась, Пуришкевич нанес теоретику марксизма неожиданный визит, чтобы «попросить Плеханова войти в министерство, так как только Георгий Валентинович может спасти Россию от анархии».²⁰ «Пуришкевич встал, слегка побледнел, видимо, сильно взволновался, узнав вошедшего Плеханова. Я представила их друг другу, – вспоминала супруга лидера российской социал-демократии Р. М. Плеханова. – С волнением в голосе Пуришкевич начал упрашивать мужа взять на себя управление страной, которой грозит гибель. "Вы мой политический враг, но я знаю, что Вы любите Россию. И это сознание внушает мне глубокое доверие к Вам. Войдите в министерство. Это Ваша обязанность". Муж не вступил с Пуришкевичем в длинный разговор, и он ушел, оставив впечатление больного, нервного человека, искренно любящего родину. "Это русский Дерулед"²¹ – сказал муж».²² И хотя разговор у двух политиков тогда не заладился, после смерти своего оппонента в 1918 г., только что освобожденный большевиками из тюрьмы Пуришкевич прислал на похороны Плеханова венок с символичной эпитафией: «Политическому врагу, великому русскому патриоту Георгию Валентиновичу Плеханову».²³

¹⁹ См.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 218–253.

²⁰ *Плеханова Р. М.* Год на родине // Диалог. 1991. № 10. С. 83.

²¹ Дерулед (Deroulede) Поль (1846–1914). Французский политический деятель, поэт и литератор. Принимал участие в подавлении Парижской коммуны. В 1889 г. был избран в парламент, где отстаивал монархические взгляды. Во время процесса Дрейфуса выступил как убежденный французский националист и антисемит. За связь с монархическими организациями и попытку произвести государственный переворот в 1899 г. был арестован и приговорен к 10 годам изгнания из Франции. В 1905 г. амнистирован.

²² *Плеханова Р. М.* Год на родине // Диалог. 1991. № 10. С. 83.

²³ *Шуб Д.* Политические деятели России. (1850-х–1920-х гг.). Нью-Йорк, 1969. С. 265.

В. С. Измозик

*Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
имени проф. М.А. Бонч-Бруевича*

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1915 г. ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЛЮСТРАЦИИ

Для представления о настроениях российского общества в 1915 г., за второй год Первой мировой войны, я использовал годовой отчет о перлюстрации. Сам этот отчет за 1915 г. составляет 288 машинописных страниц.¹ Его составители во вступлении писали: «Яркую картину напряжения всех сил страны и неизбежных при этом разногласий, споров, нареканий дает материал, собранный Особой частью в 1915 г.»² Отчет включал тридцать два раздела: Общие положения, Оценка деятельности правящих сфер, Критика деятельности членов Кабинета; О законодательных палатах; О майском погроме в Москве; Московские беспорядки и образование прогрессивного блока; Земский и городской союзы и монархические организации; Мобилизация промышленности; Железные дороги в связи с продовольственным вопросом; Эвакуация казенных учреждений, беженцы, жители; Крестьяне; Запрещение продажи водки; О кооперативах; Положение сельского хозяйства; Об иностранцах; О Галиции; О евреях; О немцах; Украинский вопрос; О латышах, татарах и других; Кавказ; Революционное движение; Народное просвещение; Министерство финансов; Вопросы международной политики; О печати; Об армии; О предательстве Мясоедова; Санитарная часть; О госпиталях; О флоте; Слухи о мире.³

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп.265. Д.1042. Л.1-144об.

² Там же. Л.1.

³ Там же. Л.1, 4, 8, 12об., 17, 18об., 47, 53, 62об., 70об., 74об., 76об., 77об., 79, 88об., 90об., 96, 106об., 108, 109об., 113, 116, 119, 121, 128, 128об., 134, 135, 137, 140, 140об.

Как во все времена в подобных документах, прежде всего, подчеркивались благожелательные для высших сфер отклики. Например, депутат Думы А. И. Савенко писал 6 января в действующую армию: «В стране царит полное единодушие».⁴ Сохранялись, особенно в начале года, надежды на скорую и безусловную победу. Епископ Холмский и Люблинский Анастасий 22 января из Холма в письме известному общественному деятелю графу С. Д. Шереметеву восторженно отзывался о русской армии: «Наш солдат – прямо святой человек. ... и военачальники вполне достойны своих подчиненных».⁵ Один из активнейших деятелей Союза русского народа граф А. И. Коновницын 4 января писал симферопольскому помещику К. А. Дуранте в Одессу: «Мы должны исполнить историческую задачу России, и мы, только мы, должны ... быть в Константинополе и поднять православный крест на Св. Софии, взяв в свои руки владение проливами».⁶ Ему вторил Е. А. Берс из Богородицка Тульской губернии. В письме от 22 февраля министру земледелия А. В. Кривошеину он настаивал, что «проливы для нас не только дверь в Средиземное море, но и в Азию, Америку и Африку».⁷ Некий И. Волкович из Нижнего Новгорода в письме выдающемуся хирургу и ученому, профессору Н. М. Волковичу в Киев считал, что «страна отрезвела: война открыла нам глаза на наше рабство перед немцами», добавляя, однако, что «мы вместо немца посадим себе на шею кого-нибудь другого, но и то хорошо, что хоть смена произойдет».⁸ Священник А. Крылов из Орла 5 марта уверял врача В. В. Семянникову, жившую в г. Ниш (Сербия), что крестьяне «готовы идти на дальнейшие жертвы безропотно».⁹ Сами составители отчета, рассуждая о настроении многомиллионной крестьянской массы, приходили к следующему оптимистическому выводу: «Миллионы русских крестьян безропотно приносили кровавые жертвы на алтарь Отечества. ... Никакие неудачи, никакие лишения не заставляли крестьян падать духом. ... Ничто не колебало ее твердой решимости победить врага во что бы то ни стало и спасти

⁴ Там же. Л.1об.

⁵ Там же. Л.129.

⁶ Там же. Л.121-121об.

⁷ Там же. Л.126об.

⁸ Там же. Л.2.

⁹ Там же. Л.72.

родину».¹⁰ Даже после тяжелых поражений русской армии летом 1915 г. неизвестный корреспондент из Киева с большим оптимизмом писал 14 августа депутату IV Государственной думы, помещику Полтавской губернии Д. И. Герценвицу о слухах относительно переноса столицы из Петрограда в Москву: «Кончился петербургский период русской истории. Надо начинать новую «национальную» главу. ... Подъем духа получится в публике колоссальный».¹¹

Предваряя раздел «Запрещение продажи водки» составители отчета писали, что «глубокие, неизгладимые следы оставил в народной жизни Высочайший указ о прекращении продажи водки [22 августа 1914 г.], предвещавший светлое будущее: расцвет духовной жизни, развитие народных сил, обновление и перерождение страны».¹² В доказательство данного тезиса приводилась фраза из письма, отправленного из Москвы 11 февраля М. Хераскову в Париж: «Запрещение водки сделало чудеса».¹³ Этот взгляд поддерживал священник Ф. Богословский из Ранненбурга Рязанской губернии, писавший в Петроград П.П. Бельтюкову, члену Александро-Невского общества трезвости, сотруднику журнала «Вестник трезвости», 17 марта: «За семь месяцев трезвости деревня словно переродилась».¹⁴

Относительно решения Государя принять на себя непосредственное командование армией приводилась цитата из письма епископу Новогеоргиевскому Иосафу: «Рескрипт ... дал нам больше радости, чем десятки неприятельских пленных».¹⁵ О революционном движении в отчете указывалось, что «охвативший всю страну патриотический подъем совершенно парализовал эту агитацию».¹⁶ Бывший первый председатель Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г., последовательный оборонец Г. С. Носарь-Хрусталеv в письме князю П. Крапоткину в Брайтон (Англия) от 11 ноября уверял, что «рабочие Петрограда стоят за войну до победоносного конца».¹⁷

¹⁰ Там же. Л.70об.

¹¹ Там же. Л.4.

¹² Там же. Л.74об.

¹³ Там же. Л.75.

¹⁴ Там же. Л.74об.

¹⁵ Там же. Л.3об.

¹⁶ Там же. Л.113.

¹⁷ Там же. Л.115.

Вместе с тем, перлюстраторы не могли скрыть распространенность совсем других мнений. Отмечалось, что «некоторые лица находили, что это «единение» не так уж полно», «не всех, однако, успокоил Высочайший манифест» и «корреспонденты старались выяснить причины наших неудач».¹⁸ Относительно принятия «сухого закона» составители отчета отмечали, что «во многих письмах однако высказывались опасения не слишком ли радикальна данная мера, ... указывали на развитие тайной продажи крепких напитков, появление различных суррогатов водки и т. п.».¹⁹ Философ и активный деятель монархических организаций Д. А. Хомяков из Москвы сообщал Т. М. Аверину в Туру: «Новый заместитель водки окрещен народом ханжой. Ханжества в этом винном деле очень много, и народ это хорошо понял и остроумно выразил».²⁰ Из Сибири 26 апреля писали Ф. Д. Герасимову в Одессу: «Мы, сибиряки, стоим на первом месте по изготовлению домашним способом спирта. Называем мы этот спирт «самосидка», а спирт, переработанный из денатурата, «гамыра»».²¹ С. Т. Варун-Секрет, старший товарищ председателя Государственной думы, из Тифлиса 28 апреля в письме С. С. Хрипунову в Петроград отмечал, что «есть местности, как, например, Кахетия [часть Грузии], Елисаветпольская [часть Азербайджана и Грузии] и Эриванская [часть Армении] губернии, где запрещение продажи вина равнозначно полному экономическому краху».²²

Вступление в командование русской армией 23 августа Николая II также частью корреспондентов было воспринято весьма критично. 26 августа неизвестный корреспондент писал в Петроград П. А. Лелюхину: «Какой злой дух внушил Ему это решение? И неужели не нашлось честного человека, который указал бы Ему насколько Он не популярен в народе, что о Нем и близких Его говорят в самых глухих деревнях... Он, по-моему, ставит вместе с Собою на карту не одну только бедную нашу Россию».²³

Люди правых взглядов винили либеральных деятелей, немецких агентов и евреев. Н. Высотский из Москвы 17 августа делился с известным музыкан-

¹⁸ Там же. Л.2, 4.

¹⁹ Там же. Л.75.

²⁰ Там же. Л.75об.

²¹ Там же. Л.75об.

²² Там же. Л.76об.

²³ Там же. Л.132.

том и директором Российского телеграфного агентства А. Н. Алфераки: «Нужен человек типа Петра Великого, Кромвеля и т. п. Бюрократы князь [Н. Б.] Щербатов, [А. В.] Кривошеин и их товарищи, а также думские [П. Н.] Милюков, [А. И.] Шингарев и т. п. не способны спасти Россию».²⁴ Из села Мурзихи Казанской губернии корреспондент 14 августа делился с уполномоченным Красного Креста камергером В. Д. Евреиновым в Киеве: «Сокрушаюсь о смене [Н. А.] Маклакова. ... [Н. Б.] Щербатов, расшаркивающийся перед Думой и выгоняющий губернаторов – вред для России и игрушка в руках ловкого интригана [А. В.] Кривошеина, Роль последнего напоминает бесчестную роль [С. Ю.] Витте».²⁵ Сам отставленный с поста министра внутренних дел Н. А. Маклаков писал 30 июля одному из идеологов правых К. Н. Пасхалову в Алексин Тульской губернии о А. В. Кривошеине, что этот «помесь жида и польки теперь стал во внутренней России фактическим главнокомандующим».²⁶ Московский промышленник П. П. Дюшен из Москвы писал председателю Главного военно-морского суда С. П. Дюшену в Петроград 30 сентября, что нельзя винить только правительство, ибо «все эти сановники и министры взяты из нашей среды. ... Наше правительство плохо, пресловутые представители общественных учреждений... еще хуже.... со дня уничтожения крепостного порядка наша интеллигенция занималась все время колебанием верховной государственной власти и авторитета вообще власти. ... В недостатке снарядов виновата также Дума».²⁷ Профессор Харьковского университета А. Л. Погодин 15 декабря в письме функционеру партии правового порядка Б. М. Добротворскому в Петроград доказывал, что «пока такие вредные и темные люди, как Милюков, задают тон нашему обществу» ничего положительного быть не может и необходимо «воспитание общества в национальном духе».²⁸ Поэтому правые с удовлетворением встречали вести о закрытии сессий Думы 29 января, через два дня после её начала, и 3 сентября

²⁴ Там же. Л.4. Н.Б. Щербатов – министр внутренних дел в июне-сентябре 1915 г., А.В. Кривошеин – с 17.08.1915 по 26.10.1915 Главноуправляющий Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, П.Н. Милюков – лидер партии кадетов. А.И. Шингарев – член II-IV Государственных дум, председатель фракции кадетов.

²⁵ Там же. Л.9.

²⁶ Там же. Л.28.

²⁷ Там же. Л.5об.-6.

²⁸ Там же. Л.7об.

после нового ее созыва 19 июля; об отставке либеральных министров. Философ и активный деятель монархических организаций Д. А. Хомяков писал 3 февраля К. Н. Пасхалову в Алексин Тульской губернии: «Как приятно, что думу распустили и как фальшиво звучали ее восторги».²⁹ Профессор химии Московского университета Н. Н. Любавин из Москвы сообщал И. Н. Любавину 4 сентября в Петроград: «Слава Богу, распустили Думу!».³⁰

В. Бузни из Петрограда 31 октября делился радостью с членом Государственного совета графом С. Д. Шереметевым: «Более всего удовлетворила меня отставка Кривошеина. Наконец-то этот ужасный микроб интриг и двойственности обезврежен».³¹ П. Веселов из Москвы 6 декабря делился с полковником, начальником отдела Главного военно-технического управления П. В. Веселовым в Петрограде о созданном, в основном, либеральной частью Государственной думы в августе Прогрессивном блоке: «Почти никто не видит, что этот умеренный блок грозит нам жидовским равноправием и порабощением немцу, уничтожением Церкви и расчленением России».³²

Миф о «немецком засилье» прочно овладел умами не только малограмотной толпы, но и многих сановников, и интеллигентов. Петроградский градоначальник, генерал-майор князь А. Н. Оболенский в письме в Ашхабад от 31 января делился своими мыслями с князем А. Н. Трубецким: «Относительно немцев меры нужны радикальные. Надо отнять всякое имущество: дома, имения, торговые предприятия и капиталы». Одновременно градоначальник признавал, что под флагом казенного патриотизма извлекаются доходы, в частности, издателем газеты «Новое время» А. А. Сувориным. По этому поводу он писал в том же письме: «Ты пишешь, что я напрасно штрафую Суворина, но ведь он ведет шантажную борьбу, требуя денег с разных немцев и вообще лиц с немецкими фамилиями».³³ Н. Н. Любавин из Москвы 15 августа писал И. Н. Любавину в Петроград: «Похоже на то, что дерзящее меньшинство в ней (Думе) подкуплено германским правительством».³⁴ Корреспондент из Киева в письме от 16 ноября скандально известному лидеру

²⁹ Там же. Л.14.

³⁰ Там же. Л.38об.

³¹ Там же. Л.11.

³² Там же. Л.46.

³³ Там же. Л.98.

³⁴ Там же. Л.32.

правых Н. Е. Маркову уверял, что «все недочеты продовольственного дела – деятельность тайных немецких агентов».³⁵ Некоторые из правых осознавали опасность для самой российской монархии этой антинемецкой кампании. Председатель Союза русских людей в Одессе Н. Н. Родзевич писал 2 августа К. Н. Пасхалову: «У нас слишком уж усердно обвиняют всех немцев и даже носителей немецких фамилий, а ведь между ними очень многие верой и правдой служат России. ... Особенно в этом плане усердствует «Новое время». ... Это натравливание на немцев поднимается очень высоко и становится орудием антидинастической пропаганды».³⁶ Составители отчета указывали, что «некоторые корреспонденты приписывают начало смут влиянию еврейских беженцев» и тут же в подтверждение приводили фразу из письма Гладков из Муромы от 9 августа Н. Н. Жиденеву в Петроград: «Жида, воспользовавшись последними военными неудачами, начинают сеять смуту среди народа на революционной почве».³⁷ У некоторых явно присутствовал плюрализм в одной голове. Так некий Прибытков из г. Лопатина Саратовской губернии соединял вместе евреев и монархистов как немецких агентов. Он писал 15 августа А. И. Гучкову, что причина всех неудач в немецком шпионаже, ибо «жида всегда были и будут преданы немецким прогрессистам, а не русским..., а правые являются соучастниками создания немецкого засилья».³⁸

Но даже в этой среде росло сознание, что причины нарастающего кризиса значительно глубже. А. Гладкий из действующей армии 14 ноября делился своими впечатлениями с представителем правой группы Государственного совета князем А. А. Ширинским-Шахматовым: «Кругом какая-то оргия взыточничества, казнокрадства и прямого предательства. ... Купечество – это предатели, христопродавцы».³⁹ С ним соглашался неизвестный автор, писавший 24 ноября из Симбирска одному из руководителей правомонархического движения в Одессе Н. Н. Родзевичу: «Тыловая работа вся состоит из писанья, гнусной канцелярской волокиты... Православное купечество не лучше жидовского, такие же гады жадные, ... в своей собачьей жадности доходят до

³⁵ Там же. Л.58об.-59.

³⁶ Там же. Л.103.

³⁷ Там же. Л.30.

³⁸ Там же. Л.32об.

³⁹ Там же. Л.58об.

цинизма высших степеней».⁴⁰ Из Чернигова писали 29 августа известному правому журналисту М. О. Меньшикову: «Дайте народу право избирать священников, старшин, земского начальника, гласных земской управы и Вы увидите, что избранники заговорят другим языком».⁴¹

Люди с либеральными взглядами видели причины неудач, прежде всего, в политике правительства. Некто Ф. Недоховский из села Ильинского Калужской губернии 20 августа в письме А. И. Шингареву так оценивал ситуацию: «Бедственное положение Отечества, поразительная нераспорядительность административных властей, недальновидность и неупорядоченность беженского движения привели к тому, что паника все растет и растет».⁴² Многие из них возлагали надежды на союз либеральной общественности с либеральными бюрократами. Писатель и публицист, активный деятель Лиги обновления флота Н. М. Португалов из Москвы 5 августа советовал морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу: «Берегите Государственную Думу – в ней залог внешних побед и внутреннего спокойствия страны».⁴³ Даже действительный статский советник, член Совета Министерства финансов Г. Д. Крупенский в письме от 12 сентября из Петрограда Ф. Н. Шипову считал перерыв в занятиях Государственной Думы «большой и опасной ошибкой».⁴⁴

Одной из важнейших тем были нераспорядительность властей и ухудшение экономической ситуации. На это жаловались не только обыватели, но и ответственные администраторы. Архангельский воинский начальник Г. Д. Дитерихс 3 марта делился с начальником Главного технического управления генерал-лейтенантом бароном Е. Э. Роппом: «Навигация на носу, а у железной дороги нет никаких приготовлений... Опять отдел военных сообщений будет давать заглазные наряды вагонов и будут простои. ... Опять будут делить вагоны по ведомствам и вагоны будут уходить недогруженными».⁴⁵ Симбирский вице-губернатор А. В. Арапов 9 ноября жаловался сенатору А. А. Римскому-Корсакову, одному из активнейших деятелей правого движения: «Не в вагонах дело, а в заводах и банках. Для сахарного песку ва-

⁴⁰ Там же. Л.7.

⁴¹ Там же. Л.4.

⁴² Там же. Л.4.

⁴³ Там же. Л.27об.

⁴⁴ Там же. Л.38.

⁴⁵ Там же. Л.61.

гонов сколько хотите дают..., а с тех же заводов для рафинада вагонов нет. ... у нас здесь все в руках двух комиссионеров... Эти комиссионеры делятся с самими заводчиками и от данного завода можно получить сахар только через комиссионеров. Без реквизиции на заводах и в банках дело не наладится».⁴⁶ 14 октября из Петрограда сообщали в Оренбург: «Настала страшная неурядица с подвозом продуктов первой необходимости».⁴⁷ Из Борисоглебска В. М. Люце 17 декабря жаловался М. Ф. Люце в Петроград: «Борьба с дороговизной ни к каким результатам не приводит».⁴⁸

Постепенно в письмах росло опасение за будущее страны. К. Н. Пасхалов уже 23 апреля писал Д. А. Хомякову: «Будущее готовит России ряд таких испытаний, которые могут разрешиться весьма бедственно».⁴⁹ Известный деятель правого движения, протоиерей И. Восторгов 29 мая писал лучшей подруге императрицы А. А. Вырубовой в связи с немецким погромом в Москве: «Вчера тысячные толпы громили и ... грабили немецкие магазины в лучших частях города, а ночью все жгли. ... движение народа проглядели и не приняли мер, ... его пулями и нагайками одними не остановить... не следует испытывать терпение народа».⁵⁰ Пользовавшийся большим уважением в общественных кругах, витебский губернатор М.В. Арцимович считал, что ««последние события доказали присутствие электричества в настроении разных слоев общества», поэтому полезно установить громоотвод», которым мог бы служить созыв Думы, ибо «эта мера полезная и безопасная».⁵¹

29 декабря в письме из деревни Липовка Самарской губернии в Петроград подчеркивалось: «В деревне живет одна надежда, что вся земля будет разделена крестьянам».⁵² Неизвестный автор писал княгине Н. П. Голицыной из Тифлиса 5 сентября: «Прямо ужас берет за будущее при теперешнем положении вещей».⁵³ Корреспондент из Одессы 14 сентября предупреждал: «Рос-

⁴⁶ Там же. Л.58-58об.

⁴⁷ Там же. Л.58.

⁴⁸ Там же. Л.60.

⁴⁹ Там же. Л.3а.

⁵⁰ Там же. Л.17-17об.

⁵¹ Там же. Л.19об.

⁵² Там же. Л. 74об.

⁵³ Там же. Л. 4.

сии не обойтись без смуты».⁵⁴ Эти настроения касались и правых кругов. Фактически уже отставленный с поста министра внутренних дел Н. А. Маклаков из Петрограда 30 июля с грустью делился с видным деятелем правого движения К. Н. Пасхаловым, жившим в г. Алексин Тульской губернии: «Вижу, что Помазанника Божьего взяли в плен. Вокруг него волнуется море людской суеты, интриги и подлости. Он все понимает и все чувствует, так как сердце у него чуткое, а ум тонкий и острый, но сделать Он ничего не может».⁵⁵

А. Готовцев 24 декабря из Ярославля писал А. А. Римскому-Корсакову в Петроград: «... крайнее расстройство железнодорожного движения и все растущая дороговизна вносят озлобление в малоимущие классы и положение становится крайне серьезным». А. Маклаков, возможно, сын М. Л. Маклаковой, жены министра внутренних дел Н. А. Маклакова, отправленного в отставку в сентябре 1915 г., писал матери из Москвы 4 декабря в Петроград: «Наше дело внутри очень плохо. Вероятно, мы очень близки к банкротству государственному».⁵⁶ Некий Андреев из Петрограда 25 ноября сообщал А. Е. Тихомирову в Харьков: «По выносимым резолюциям видно, что рабочие относятся к войне отрицательно. До сих пор большевики имели перевес на всех заводах»⁵⁷.

Таким образом, в течение 1915 г. пессимистические настроения постепенно нарастали в самых различных частях общественного политического спектра. Правые, либералы и левые, при всем различии своих взглядов и мнений на возможные пути решения проблем, сходились в том, что внутреннее положение становится все более кризисным и грозит России невиданными бедствиями.

⁵⁴ Там же. Л.4.

⁵⁵ Там же. Л.28.

⁵⁶ Там же. Л. 7об.

⁵⁷ Там же. Л. 116.

К. Б. НАЗАРЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории

РУССКИЙ ФЛОТ И ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проблема овладения Черноморскими проливами неоднократно возникала в различных контекстах в планах русского политического и военного руководства. Но гораздо чаще эта проблема ставилась людьми, далекими от принятия политических или оперативных решений. В результате сложилась ситуация, когда историку необходимо тщательно отделять разговоры о захвате Черноморских проливов от планов их захвата.

Не удаляясь далеко в прошлое, представляется несомненным, что в 30-40-е гг. XIX в. этот вопрос был поставлен в практической плоскости¹. В декабре 1852 г. – январе 1853 г. план десантной операции для захвата Босфора и Дарданелл был утвержден Николаем I, затем он корректировался до начала 1853 г. Планировалось привлечь к высадке свыше 40 тыс. человек сухопутных войск, но приказ начать операцию так и не был отдан².

После поражения России в Крымской войне и потери Черноморского флота ситуация полностью изменилась. Нечего было и думать о высадке десанта в Босфоре, тем более, что Турция построила в 70-е гг. XIX в. шестнадцать броненосных судов в Англии, которые неизмеримо превосходили русские морские силы на Черном море.

В конце 70-х гг. XIX в. в руководстве России вновь обсуждали вопрос о возможности высадки в проливах, но лишь в случае начала полного распада Османской империи, когда ни о каком организованном сопротивлении на суше и на море с ее стороны говорить не придется³.

¹ Гребенищикова Г.А. Российский флот при Николае I. СПб.: Остров, 2014. С. 587–596 и др.

² Там же. С. 622–623.

³ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: «ЛеКо», 2006. С. 23–26.

В 80-е гг. начинается строительство броненосного флота на Черном море и одновременно практическая подготовка к броску в проливы, что потребовало решить множество непростых задач⁴.

Важнейшей предпосылкой успеха высадки десанта является владение морем. Эта мысль неоднократно обсуждалась в военно-морской литературе и получила классическое толкование в знаменитых трудах А. Мэхена⁵. Рассмотрение связанных с этим утверждением проблем не входит в наши задачи, достаточно констатировать, что на рубеже XIX – XX вв. военно-морским специалистам эта мысль представлялась аксиомой. Также точно безоговорочно признавалось, что решающую роль в войне на море сыграют линейные корабли. Эти выводы, кстати, полностью подтверждались опытом русско-японской войны.

Поэтому имеет смысл рассмотреть перспективы десантной операции в Босфоре в годы, предшествовавшие Первой мировой войне через призму соотношения линейных сил русского Черноморского, турецкого, а также австро-венгерского флотов. Дело в том, что Австро-Венгрия с 80-х гг. XIX в. рассматривалась как несомненный вероятный противник России. Существовала вероятность участия австро-венгерского флота в обороне Черноморских проливов на стороне Турции.

В 90-е гг. XIX в. ситуация выглядела очень благоприятно для Черноморского флота. Он имел в строю сначала три броненосца типа «Императрица Екатерина II» вступивших в строй в 1889 г. Затем к ним прибавился четвертый корабль этого типа, «Георгий Победоносец», пополнивший флот в 1894 г., и броненосцы «Двенадцать апостолов» (1892 г.) и «Три святителя» (1895 г.) Турки не могли противопоставить этим силам практически ничего – построенные в 70-е гг. XIX в. корабли не только устарели, но и находились в ужасном техническом состоянии, а подготовка экипажей практически отсутствовала. Австро-Венгрия также не имела в это время в своем флоте броненосцев. Русский Черноморский флот к тому же в 90-е гг. XIX в. обладал сравнительно хорошей подготовкой для высадки десанта. В то же время координация действий сухопутного и морского ведомств – очевидно, ключевое обстоятельство для успеха десанта – оставляла желать лучшего. При всем

⁴ Там же. С. 257–274.

⁵ Мэхен А.-Т. Влияние морской силы на историю. 1660-1783. СПб.: Типография Морского корпуса, 1895. Он же. Влияние морской силы на Французскую революцию и империю. М., Л.: Военмориздат, 1940.

этом, вероятно, наибольшие шансы для осуществления десанта в Босфоре сложились во второй половине 90-х гг. XIX в., если говорить точнее – то во время Критских событий 1896 г. и греко-турецкой войны 1897 г. Правда, всегда оставалась вероятность вступления в дело британского Средиземноморского флота, появление которого в проливах делало русский десант невозможным. Это обстоятельство постоянно учитывалось и охлаждало горячие головы. Впрочем, к этому времени внимание российского руководства было уже отвлечено на Дальний Восток⁶.

В 1902–1904 гг. в строй вступили три австро-венгерских броненосца типа «Габсбург», которые не были серьезным противником для русских черноморских броненосцев, тем более, что русский флот в это время пополнился броненосцами «Ростислав» и «Князь Потемкин-Таврический» («Пантелеймон»). Затем в 1904–1906 гг. Австрия построила еще три броненосца типа «Эрцгерцог Карл». Эти корабли уже были сравнимы по своим возможностям с русскими, но Черноморский флот продолжал сохранять численное превосходство – восемь кораблей против трех полноценных и трех слабых броненосцев у австрийцев. На фоне полного уничтожения Тихоокеанских эскадр Балтийского флота в Порт-Артуре и Цусиме, положение на Черном море выглядело благополучно. Даже закладка австрийцами в 1907 г. трех новых броненосцев типа «Радецкий» не слишком его ухудшило – австрийский флот (учитывая качества броненосцев) лишь сравнялся численно с Черноморским. Появление новых австрийских кораблей было частично уравновешено достройкой двух новых черноморских броненосцев типа «Евстафий». Если подвести баланс сил австро-венгерского и русского Черноморского флотов на конец 1911 г., исключив явно устаревшие и слабые корабли (русские типа «Екатерина II» и «Двенадцать апостолов» и австрийские типа «Габсбург»), то соотношение получается 5 к 6 в пользу австрийцев, то есть близкое к равному.

В 1910 г. Османская империя купила два броненосца в Германии. Это были старые корабли типа «Бранденбург» («Торгут Рейс» и «Барбарос Хайреддин»), которые очевидно проигрывали любым русским броненосцам Черноморского флота, кроме «Ростислава». Несколько раньше турки модернизировали старый броненосец «Мессудие», но после модернизации его следовало бы классифицировать как крейсер, поскольку ни вооружение, ни бронирование этого корабля не

⁶ Подробнее см.: *Болдырев А.В.* Черноморские проливы во внешней политике России на рубеже XIX – XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003.

соответствовали стандартам броненосца. Понятно, что эти приобретения турецкого флота не могли изменить соотношения сил на Черном море.

Лишь начало строительства dreadnoughtов поставило под угрозу господство русского флота на Черном море. В 1910 – начале 1912 гг. Австро-Венгрия начинает строительство линейных кораблей типа «Вирибус Унитис», которые отличались серьезными боевыми качествами – при сравнительно небольшом водоизмещении они несли вооружение полноценных dreadnoughtов – двенадцать 305-мм орудий. В октябре 1911 г. Россия начинает строительство трех линкоров типа «Императрица Мария», имевших примерно такое же вооружение, как австрийские, но лучше защищенных от снарядов и особенно – от торпед. Правда, в случае боя на встречных курсах австрийцы получили бы серьезное преимущество – их линкоры впервые в мире несли артиллерию в башнях, размещенную по линейно-возвышенной схеме и позволявшей вести огонь по носу или корме из шести орудий главного калибра, тогда как при линейной схеме, принятой на русских линкорах это могли делать лишь три орудия.

Еще опаснее было то, что Турция заказывает в Великобритании в 1911 г. два полноценных линейных корабля типа «Решадие», залп главного калибра которых превышал залп русских линкоров более чем в два раза. 343-мм снаряды новых турецких кораблей могли наносить русским линкорам серьезные повреждения. Теоретически два турецких линкора типа «Решадие» были сильнее трех русских типа «Императрица Мария». Правда, недостаток средств в турецкой казне скорректировал положение. От второго линкора турки почти сразу отказались, но в 1913 г. заключили снова контракт на постройку линкора, близкого по типу к «Решадие». В 1912 г. они перекупили начатый постройкой в Великобритании бразильский линкор «Рио-де-Жанейро», переименованный в «Султан Осман I». Выбор 305-мм калибра артиллерии этого корабля объяснялся желанием руководства бразильского флота сохранить традиционный главный калибр орудий, чтобы использовать накопленные запасы снарядов. Увеличение количества орудий главного калибра до четырнадцати вынудили удлинить корпус, что повлекло за собой увеличение водоизмещения и уменьшение толщины главного броневых пояса. Этот корабль был несколько слабее «Решадие», но ни в чем не уступал русским линкорам. Если бы судостроительные планы Турции увенчались успехом, то ее линейная эскадра превзошла бы силы Черноморского флота, даже несмотря на закладку в 1914 г. четвертого черноморского линкора «Император Николай I».

В качестве срочного ответа на судостроительные планы Турции русское правительство рассматривало даже перспективу покупки линкоров типа «Ривадавия» (две единицы) и «Альмиранте Латорре», которые строились в США и Великобритании для Аргентины и Чили. Доводя до конца сравнение предполагаемых флотов России и ее противников в случае получения нашей страной этих линкоров, надо признать, что они стали бы достойным ответом кораблям типа «Решадие» и «Султан Осман I». Корабли типа «Ривадавия» были лучше бронированы, а по вооружению не уступали русским линкорам типа «Императрица Мария», а «Альмиранте Латорре» обладал чрезвычайно мощным вооружением, превосходившим «Решадие» при равном ему бронировании.

Турции так и не довелось получить ни одного линкора из заказанных. Линейный корабль «Решадие» был реквизирован с началом Первой мировой войны и служил в британском флоте под названием «Эрин». «Султан Осман I» также реквизировали и называли «Эджинкорт». Второй линкор по типу «Решадие» был разобран на стапеле. Такой исход дела совсем не был предопределен – начнись война на несколько месяцев позже, и турки получили бы и «Решадие» и «Султан Осман I», тогда как первый русский черноморский линкор вступил в строй лишь в мае 1915 г., второй – в октябре того же года, а третий – лишь в июне 1917 г. Перспективы же прохода в Черное море купленных Россией линкоров были более чем неопределенными – трудно представить себе ситуацию, в которой Турция пропустила бы их через Проливы.

О масштабе неприятностей для Черноморского флота, которые могло повлечь появление у турок двух современных линкоров свидетельствуют реальные события 1914–1915 гг., когда турецкий флот пополнился немецким линейным крейсером «Гебен» («Явуз султан Селим»). Этот корабль был вооружен и бронирован слабее, чем линейные корабли, однако до вступления в строй русских линкоров, оставался чрезвычайно грозным противником для эскадры Черноморского флота, состоявшей из устаревших «додредноутных» линейных кораблей. Лишь появление в составе русского флота «Императрицы Марии», а потом и «Императрицы Екатерины II» вновь вернули ему господство на море.

Становится понятно, почему в период 1910–1915 гг. любое планирование десантной операции на Босфор представлялось для военно-морских специалистов русского флота очевидной авантюрой. Естественно, что в условиях ограниченного финансирования, готовить заведомо авантюрную операцию никто не собирался. Поэтому, когда осенью 1912 г. Министерством иностранных дел был поднят вопрос о возможной переброске в Константино-

поль 5-тысячного отряда русских войск для «защиты христианского населения» в случае поражения турецкой армии от болгар оказалось, что Черноморский флот не имеет средств для перевозки даже столь скромного десанта⁷. Проблема возникла с неожиданной стороны – во время Первой Балканской войны Болгария оказалась в одном шаге от овладения проливами и русский отряд должен был бы не защищать христианское население, а не допустить входа в Константинополь болгарских войск.

Когда выяснилось, что проливы могут уйти в чужие руки, подготовка десанта вновь возобновилась. В феврале 1914 г. особое совещание рассматривало вопрос о подготовке Черноморского флота к десантной операции, в том числе путем покупки трех линкоров которые строились в США и Великобритании для Аргентины и Чили⁸.

После начала Первой мировой войны и вступления в нее Турции вопрос о Проливах встал вновь. В литературе широко дискутируется вопрос о значении Проливов для воюющих коалиций. Существует точка зрения, что захват Босфора и Дарданелл странами антигерманской коалиции привел бы к немедленному краху Турции, резкому улучшению снабжения России оружием и военным снаряжением и означал бы коренной перелом в войне в пользу Антанты. Поэтому отказ руководства России бросить все силы на захват проливов представляется фатальной ошибкой⁹. Подобная точка зрения высказывается и в более взвешенном варианте¹⁰.

Следует учитывать, что попытка союзников России захватить Дарданеллы (февраль 1915 – январь 1916 гг.) вновь вызвала в русском МИДе опасения, что в случае успеха англо-французских сил Россия лишится Проливов.

В руководстве России в течение всей войны обсуждался вопрос о высадке десанта в Босфоре, но инициаторами этих предложений выступали дипломаты, тогда как морское и, особенно, сухопутное командование выступали со сдержанных позиций. Согласно показаниям А. В. Колчака, которые он дал в

⁷ Лунева Ю. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010. С. 136–137.

⁸ Там же. С. 203–209.

⁹ Пожалуй, наиболее определенно эта точка зрения представлена в работе: Мультатули П. В. «Господь да благословит решение мое...» СПб.: Сатисъ, 2002.

¹⁰ Борисевич С. П. Военно-политическое руководство Великобритании и борьба за Черноморские проливы в годы Первой мировой войны. 1914–1916 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Уссурийский государственный педагогический институт. Владивосток, 2003.

1920 г., летом 1916 г. разрабатывались планы десантной операции для захвата Босфора, которую намечалось провести весной 1917 г., при условии, что Румыния останется нейтральной. Однако вступление Румынии в войну и ее неудачные боевые действия оттянули ресурсы русской армии и отодвинули десант в Босфор на неопределенное время. В начале 1917 г. идею десанта поддерживал П. Н. Милюков, но она уже была неосуществима по внутривнутриполитическим причинам¹¹.

В общем, можно сделать вывод, что накануне и во время Первой мировой войны военным специалистам (как сухопутным, так и морским) было ясно, что десант на Босфор является авантюрой. Для руководства сухопутной армии было аксиомой, что исход войны решится на сухопутном фронте путем поражения основных противников России – Германии и Австро-Венгрии. Выделение сколь-нибудь крупных сил для операции на периферийном театре, каким представлялись Черноморские проливы, было недопустимо.

Главными сторонниками этой операции все время выступали министры иностранных дел, которые исходили из общеполитической ситуации, но были далеки от технических проблем подготовки десанта. Главной причиной отказа от высадки в Проливах в это время был общий недостаток военных и военно-морских сил России для выполнения такой серьезной операции.

Сравнительные характеристики броненосцев русского Черноморского, турецкого и австро-венгерского флотов

Название типа корабля	«Евстафий» (Россия)	«Пантелеймон» (Россия)	«Ростислав» (Россия)	«Три святителя» (Россия)	«Двенадцать апостолов» (Россия)	«Бранденбург» (Турция / Германия ¹²)	«Месудие» (Турция / Великобритания)	«Радецкий» (Австро-Венгрия)	«Эрцгерцог Карл» (Австро-Венгрия)	«Габсбург» (Австро-Венгрия)
Водоизмещение	13950	13450	11000	14100	8700	10700	9700	15900	10650	8250
Скорость, узлов	16	16	16	16	15	16	17	20,5	20,5	19,5

¹¹ Урбан В. Мог ли появиться Колчак-Босфорский // ВПК: Военно-промышленный курьер: Общероссийская еженедельная газета. 30 августа 2006 г. URL: <http://vpk-news.ru/articles/5405>.

¹² Через косую черту указаны страна заказчик и страна, в которой строился корабль (если они различаются).

Продолжение таблицы

Орудия главно- го ка- либра	4 х 305 мм 4 х 203 мм	4 х 305 мм	4 х 254 мм	4 х 305 мм	4 х 305 мм	6 х 280 мм	2 х 234	4 х 305 мм 8 х 240 мм	4 х 240	3 х 240
Орудия средне- го ка- либра	12 х 152 мм	12 х 152 мм	8 х 152 мм	8 х 152 мм ¹³	4 х 152 мм	6 х 105 мм	12 х 152	20 х 100	12 х 190	
Брони- рование пояса до ..., мм	230	230	368 (180- 240) *	457 (250- 220) **	356 (170- 200)**	400 (200- 270) *	300 (100- 120) ***	230	210	220
Брони- рование башен до ..., мм	254	254	254 (130- 170) *	406 (225- 190) **	305 (150- 170)**	300 (150- 200) *	152 (50-60) ***	250	240	210
Количе- ство, шт.	2	1	1	1	1	2	1	3	3	
Заложен	Ок- тябрь- ноябрь 1904	1898	1895	1891	1888	1890	1872	Сен- тябрь – ноябрь 1907 Январь 1909	1902– 1904	1899– 1901
Спущен на воду	Апрель- октябрь 1906	1900	1896	1893	1890	1891	1874	Сен- тябрь 1908 Июль 1909 Апрель 1910	1903– 1905	1900– 1902
Введен в строй	Март- май 1911	1905	1899	1895	1892	1894	1875, капи- тально модер- низи- рован в 1903	Июнь 1910 Январь 1911 Сен- тябрь 1911	1906– 1907	1902- 1904

* «Стальная» броня, обладавшая примерно в 1,5–2 раза более низкой сопротивляемостью снарядам, чем «крупповская» броня более поздних броненосцев. В скобках указана толщина брони, эквивалентная «крупповской».

** «Сталежелезная» броня («компаунд»), обладавшая примерно в 1,8–2,1 раза более низкой сопротивляемостью снарядам, чем «крупповская» броня более поздних броненосцев. В скобках указана толщина брони, эквивалентная «крупповской».

*** «Железная» броня, обладавшая примерно в 2,5–3 раза более низкой сопротивляемостью снарядам, чем «крупповская» броня более поздних броненосцев. В скобках указана толщина брони, эквивалентная «крупповской».

¹³ После перевооружения в 1911 г.

Сравнительные характеристики линейных кораблей русского Черноморского, турецкого и австро-венгерского флотов

Название типа корабля	«Император Николай I» (Россия)	«Императрица Мария» (Россия)	«Решадие» (Турция / Великобритания)	«Султан Осман I» (Турция / Великобритания)	«Вирибус Унитис» (Австро-Венгрия)	«Гебен» (Германия)	«Ривадавия» (Аргентина / США)	«Альмиранте Латорре» (Чили / Великобритания)
Водоизмещение полное, т	28500	25400	25250	30250	21600	25400	30700	32500
Скорость, узлов	21	21	21	22	20	28	22,5	22,5
Орудия главного калибра	12 х 305 мм	12 х 305 мм	10 х 343 мм	14 х 305 мм	12 х 305 мм	10 х 280 мм	12 х 305 мм	10 х 356 мм
Орудия среднего калибра	20 х 130 мм	20 х 130 мм	16 х 152 мм	20 х 152 мм	12 х 150 мм	12 х 150 мм	12 х 152 мм	16 х 152 мм
Бронирование пояса до ..., мм	260	260	305	230	280	270	305	230
Бронирование башен до ..., мм	250	250	280	305	280	230	305	254
Количество, шт.	1	3	2	1	4	1	2	1
Заложен	Июнь 1914	Октябрь 1911	Август–декабрь 1911	Сентябрь 1911	Июль–сентябрь 1910 Январь 1912 (2 ед)	Август 1909	Май–июль 1910	Ноябрь 1911
Спущен на воду	Октябрь 1916	Октябрь 1913 Апрель 1914 Май 1914	Сентябрь 1913 Второй – разобран на стапеле	Январь 1913	Июль 1911 Март–ноябрь 1912 Январь 1914	Март 1911	Август–сентябрь 1911	Ноябрь 1913
Введен в строй	Не введен	Май 1915 Октябрь 1915 Июнь 1917	Август 1914	Август 1914	Декабрь 1912 Июль 1913 Июль 1914 Декабрь 1915	Июль 1912	Август 1914 Март 1915	Сентябрь 1914

А. С. Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет

«НИКИ» И «ДЯДЯ НИКОЛАША»: ИЗ ИСТОРИИ АВГУСТОВСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1915 г.

Несомненно, что начало войны с Центральными Державами было встречено в России с энтузиазмом, В. В. Шульгин назвал это явление «смерч патриотизма»,¹ в то время как историк С. П. Мельгунов заявлял об «искусственно взвинченном патриотизме» и «шовинистическом дурмане», «никогда», дескать, глубоко не затрагивавшем народных масс.² О том, что война в общественном сознании россиян (благодаря тому, что Германия объявила войну России) изначально воспринималась как война справедливая, а патриотический подъем в первые дни охватил практически все слои населения, включая рабочих и крестьян, пишет и крупный специалист по проблеме О. С. Поршнева.³ Вдумчивый историк и журналист М. К. Лемке в изначальном, еще не подвергнутом позднейшей правке, тексте своего дневника, записывал в те дни: «Общество настроено против немцев, народ тоже и это прочная ненависть. Манифестации повсюду. Государь не хочет войны – очень упорно сто-

¹ Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 237. Ср. с мнением кадета, профессора А.А. Кизеветтера: «объявление войны налетело, как внезапный смерч». (См.: Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. (Воспоминания 1881–1914). Прага, 1929. С. 523.).

² Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 25, 38. Мнение Мельгунова можно сравнить с известной фразой «Из предсмертных мыслей» Розанова: «Мы начинали войну самоупоенные...». (См.: Розанов В.В. Из предсмертных мыслей // Несовместимые контрасты жития. М., 1990. С. 545.).

³ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 88. Об отношении русской интеллигенции к войне см.: Юдин Н. «Ужасное время, противное...». Реакция русской интеллигенции на начало Первой мировой войны // Родина. 2014. №11. С. 14–16; Смирнов Н.Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 257–270.

ял против нее в военном Совете».⁴ 21 июля 1914 г., через 2 дня после начала войны с Германией, упомянутый автор отмечал: «Германия нам объявила войну. Пресса единодушно настроена... Публика и народ все за войну... Настроение везде одно, партии исчезли... все как один. Момент этого объединения – объявление войны. Оно произошло как-то вдруг, у всех... Вообще наверху совершенно поражены преобразованием общества воедино...».⁵

Известно, что П. Н. Милюков писал о «вечно неготовой воле и мысли императора» Николая II.⁶ Как на самом деле проявил себя император на войне? К этому вопросу вплотную примыкает и другой вопрос: обоснованна ли была замена летом 1915 г. великого князя Николая Николаевича – Верховного Главнокомандующего Русской императорской армией – государем? Советская историческая литература, избрав Николая II излюбленным объектом своей уничтожающей критики, всячески подчеркивала «ничтожность» императора как государственного деятеля.⁷ Не собираясь дискутировать по этому вопросу, поговорим о Николае II именно как о Верховном Главнокомандующем. Представляется, что в годы Первой мировой войны последний царь попытался, прекрасно сознавая всю важность значения исхода этой войны для исторического будущего России, мобилизовать всю имеющуюся у него волю,

⁴ Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом). (ИРЛИ). Ф. 661. Ед. хр. 15. Лемке М. К. Дневник, 1914–1915 гг. Запись от 17 июля 1914 г. Л. 47. Ср. с опубликованным текстом: «Манифестации на улицах имеют величественный характер. Все, кроме крайних левых, принимают в них то или иное участие. Царь-немец боится войны, и упорно стоит против нее, в особенности в военном совете». (См.: Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Мн., 2003. С. 10.). На то, что в книжном варианте дневника Лемке, впервые опубликованном в 1920 г., автор, или кто-то за него, «редактировали» текст, придавая ему антимонархическую направленность, указывал в своей интересной монографии петербургский историк Б.И. Колоницкий. К сожалению, как справедливо заметил Колоницкий, в архивном фонде Лемке отсутствуют дневники, использовавшиеся в основной части книги, что позволяет предположить, что и на других страницах «250 дней в царской ставке» присутствует позднейшая «редактура». (См.: Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 34.)

⁵ ОР ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 15. Л. 48-49. Лемке М. К. Дневник. 1914-1915 гг. Запись от 21 июля 1914.

⁶ Милюков П.Н. Роковые годы // Русские записки. Париж. 1939. Т. XIV. С. 121.

⁷ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С. 151. Вдумчивый и глубокий публицист М. О. Меньшиков также писал о Николае II как о «роковом» государе, абсолютно несостоятельном и «ничтожном» «в смысле хозяина» великой Державы; «более трагической фигуры «Человека не на месте» я не знаю», – писал в своем дневнике Меньшиков. (См.: Меньшиков М. О. Дневник 1918 года // Российский Архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.) Выпуск IV. М., 1993. С. 130, 169.).

властно проводя в жизнь те политические решения, которые ему представлялись максимально полезными и целесообразными для достижения победы, стараясь при этом не оглядываться на те советы семьи, двора или «общественности», которые противоречили его представлениям о благе государства. Прежнее представление о монархе, управляемом капризами амбициозной жены и советами всевластного Распутина, должно быть по крайней мере скорректировано. Попытка объяснить поступки царя прежней упрощенной схемой выглядит устаревшей и не отвечающей реалиям эпохи.

Первая мировая война, поставив перед самодержавием сложные и подчас неразрешимые проблемы, явилась, конечно, серьезнейшим испытанием для самой русской государственности.⁸ Война, по выражению А. А. Блока, «расшатывала государственный организм, обнаруживая всю его ветхость и лишая его последних творческих сил».⁹ В. И. Ленин в «Письмах из далека» также писал о «всемирной империалистической войне» как «могучем ускорителе», «всесильном «режиссере», который позволил опрокинуть телегу «залитой кровью и грязью романовской монархии».¹⁰ В условиях небывалого по масштабам вооруженного конфликта проблема упорядочения взаимоотношений между военными и гражданскими властями выходила на первый план. Вместе с тем назначение на пост Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича усиливало обособленность военного управления от общегражданского. Николай Николаевич мог чувствовать себя абсолютно независимым от кабинета министров не только в силу своего служебного положения, но и как член императорской фамилии. Последнее обстоятельство расширяло и возможность Верховного Главнокомандующего бесконтрольно вмешиваться в вопросы гражданского управления.¹¹ И по сути, и в соответствии с утвержденным Николаем II буквально накануне войны Положением о полевом управлении войск в военное время, у великого князя

⁸ Как тут не вспомнить оценку знаменитого философа Г. Федотова: «рок войны, непосильной для России». (См.: Федотов Г. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2-х тт. / Составл., вступительная статья, примечания Бойкова В.Ф. СПб., 1991. Т. 1. С. 172.).

⁹ Блок А.А. Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Пб., 1921. С. 7–8.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч.. М., 1962. Т. 31. С. 13.

¹¹ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. Л., 1988. С. 155, 158.

был только один начальник – царь.¹² В условиях разрастания войны, Николай Николаевич закономерно становился все более и более самостоятельной фигурой; обстановка военного времени, естественно, не позволяла ему согласовывать *абсолютно все* свои действия в сфере гражданского управления ни с царем, ни уж тем более – с Советом Министров. В силу этого Николай Николаевич понемногу превращался в глазах части России в фигуру ничуть не менее значимую, чем государь, зачастую воспринимаясь, по наблюдению Б. И. Колоницкого, не только «как полководец-победитель, но и как единственный уникальный вождь-спаситель России».¹³ Безусловно, что император не мог не опасаться излишнего влияния Николая Николаевича в области гражданского управления и существования реальной возможности узурпации великим князем части прерогатив короны; думается, что это стало, по сути, одним из главных мотивов решения государя о вступлении им в должность, ранее занимаемую «дядей Николашей».¹⁴ Однако, не следует забывать и о возникшей еще до начала войны решимости царя лично возглавить армию, причем именно по собственному побуждению,¹⁵ ибо Александра Федоровна тогда отнюдь не поддерживала это желание мужа. Кроме того, вступлением царя в Верховное командование осуществлялось, по его мнению, объединение руководства военной и гражданской администрации.¹⁶ Вдумчивый и ос-

¹² Там же. С. 155.

¹³ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 441. Ср. с оценкой, данной в известной работе генерала Н.Н. Головина: «Вокруг имени Великого Князя стали создаваться легенды. Народные массы стремились воплотить в нем черты любимого вождя». (См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 320.). Также см.: Аксенов В. Царь в кривом зеркале. Образы монарха и их народная интерпретация в 1914–1917 годах // Родина. 2014. №11. С. 31–34.

¹⁴ «Николаша» вечно подозревался царицей и ее окружением в намерении узурпировать верховную власть и в сочувствии к «обществу». Поэтому после летних поражений, когда необходимо было найти виновного, царь решил сместить Верховного главнокомандующего и самому встать во главе действующей армии», – писал ленинградский историк В.И. Старцев. (См.: Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия». Л., 1977. С. 151.). Между тем в беседах с чинами Ставки великий князь Николай Николаевич всегда подчеркивал свои верноподданнические чувства по отношению к императору. (Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 60).

¹⁵ «Он давно решил, что станет сам во главе войск», – писал Солженицын в «Красном колесе», описывая июльский кризис 1914 г. (Солженицын А.И. Царь. Столыпин. Ленин: из «Красного колеса». М., 2008. С. 312).

¹⁶ Флоринский М.Ф. Указ. соч. С. 189.

ведомленный мемуарист, член Государственной Думы октябрист Б. А. Энгельгардт писал в своих воспоминаниях: «В Николае II было развито чувство долга, правда, своеобразно понятого. Он считал, что должен разделить тяготы войны с каждым солдатом армии и наивно думал, что он это осуществит, переехав в Могилев и выслушивая ежедневно доклады начальника штаба о положении на фронте. Однако на его решении возглавить армию, еще больше сказалось опасение, которое в нем усиленно поддерживала жена, что если Николай Николаевич победоносно закончит войну, то его популярность возрастет настолько, что он начнет мечтать о престоле... Царь всегда ревниво относился к популярности своих родственников и министров, как ни странно видя в ней умаление своего авторитета. Он готов был даже подозревать верноподданного великого князя в покушении занять престол».¹⁷

Итак, в августе 1915 г. император сменил Николая Николаевича на посту Верховного Главнокомандующего; по меткому выражению биографа последнего государя, драматурга Э. С. Радзинского, царь «стал Главнокомандующим отступающей армии»,¹⁸ возложив тем самым на себя всю полноту ответственности за дальнейший исход войны.¹⁹ Традиционно это расценивается как роковая ошибка императора. К тому же недостаточно волевой и решительный Николай II всегда противопоставлялся подчеркнуто суровому и непреклонному великому князю, сохранившему, по словам историка Б. И.

¹⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. (ОР РНБ). Ф. 1052. Оп. 1. Д. 57. Энгельгардт Б.А. Развал власти в 1915 г. Л. 2, 6.

¹⁸ *Радзинский Э.С.* «Господи... спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993. С. 176.

¹⁹ Согласно свидетельству тогдашнего исправляющего должность военного министра генерала А.А. Поливанова, царь сообщил ему о намерении принять на себя верховное главнокомандование 4 августа 1915, после зачитывания генералом своего обычного доклада в Царскосельском Александровском дворце. «Он [Николай II. – Авт.] намеревался исполнить это уже после объявления войны, но уступил тогда убеждениям Совета Министров, отговорившего его от этого намерения, а теперь, когда армия в трудном положении, он считает себя нравственно обязанным присоединиться к ней и взять на себя руководство дальнейшим ведением войны», – вспоминал А.А. Поливанов. На возражения Поливанова, заключающиеся в том, что император берет на себя задачу, «превосходящую силы человека, ибо положение страны требует ныне большого к себе внимания и непрерывного общения с правительством, я получил ответ, что министры будут ездить в ставку, и он сам от времени до времени будет приезжать в Царское Село и что вообще он долго и много размышлял по поводу своего намерения, и его решение принято им твердо». (См.: Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. I. С. 203.).

Колоницкого, «громадную популярность... несмотря на поражение российских армий».²⁰ Известно также и то, что даже после удаления с поста главноверха, великий князь сохранил свою популярность и даже своеобразный ореол, по-видимому, связанный с его очевидной харизмой и «имиджем» вождя. Не случайно, конечно, и то, что именно Николай Николаевич, будет столь котируются в антибольшевистском лагере в период Гражданской войны, а позднее и в эмиграции. Между тем, представляется, что Николай Николаевич «не дотягивал» до масштаба по-настоящему государственного лидера. В исследовательской литературе, к слову, существует представление и о том, что великий князь в силу самого масштаба своей личности не был готов занять то положение, на которое его выдвигали сторонники. Так, В. Г. Бортневский, отрецензировавший книгу воспоминаний приверженца Николая Николаевича Н. В. Савича, утверждал: «Великий князь не совсем соответствовал той роли, которую ему многие предназначали. Увы, он не проявил необходимой воли, решительности и инициативы ни в роковые для страны дни февральской революции, ни в гражданскую войну, ни на чужбине, когда, благодаря прежде всего бескорыстной поддержке генерала Врангеля, стал во главе русского зарубежного воинства...».²¹ Можно вспомнить и растерянное, близкое едва ли не к истерике, поведение Николая Николаевича в дни, предшествующие подписанию Николаем II октябрьского манифеста 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка».²² В чем-то показательно и его подчеркнутое, намеренно актерское,²³ хотя по некоторым оценкам и кажущееся,²⁴ безразли-

²⁰ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 478. О «громадной популярности» Великого князя Николая Николаевича пишет в своих воспоминаниях и осведомленный генерал А.С. Лукомский. (Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 271.).

²¹ Бортневский В.Г. «Судить нас будет Господь Бог...» (К публикации мемуаров Н.В. Савича) // Избранные труды. СПб., 1999. С. 200.

²² Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 211–214.

²³ «Когда после моих слов о том, что в виду трудного положения нашей армии, государь не считает себя в праве оставаться вдали от нее и решил принять верховное командование на себя, Николай Николаевич широким жестом перекрестился, а когда я добавил, что государь просил его занять должность главнокомандующего и наместника на Кавказе, то удовольствие его от этого известия сделалось ясно видимым», – вспоминал А.А. Поливанов. (Поливанов А.А. Указ. соч. С. 209.).

²⁴ Пученков А.С. Украина и Крым в 1918–начале 1919 гг. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 199–201.

чие и после известия о предстоящем уходе в отставку с поста Верховного Главнокомандующего, и в вопросе о выдвижении его в качестве объединенного Главнокомандующего всеми антибольшевистскими силами Юга России, обсуждавшемся на Ясском совещании ноября 1918 г. На самом деле, характера великому князю в полной мере не доставало. Быть может, это было характерно для почти всех представителей Дома Романовых эпохи Николая II.

Существенный интерес вызывает и вопрос и мотивация, которой руководствовался царь при принятии своего решения. По словам безвременно ушедшего петербургского историка Д. В. Эйдука, «для Николая II смысл принятия им верховного командования состоял в том, чтобы дать отвлеченно звучащему понятию об императоре, как о «Верховном Вожде» армии, а значит и всей борющейся с врагом нации, реальное обоснование».²⁵ Исследователь полагал, что в «основе поступка Государя лежало представление об особой связи народа и царя. Николаю II казалось, что если во главе войск станет царь, Помазанник Божий, то солдаты воспрянут духом, будет храбрее драться с врагом».²⁶ В свою очередь, историк И. В. Алексеева полагает, что со стороны Николая это «была последняя, отчаянная попытка остановить падение своего престижа в армии и спасти находящуюся у «последней черты» монархию».²⁷ Забегая вперед, скажем, что решение царя вызвало не только решительное осуждение высшей сановной бюрократии, но и резкое неприятие в самом Доме Романовых. Так, Вдовствующая Императрица Мария Федоровна в своем дневнике сделала запись о том, что ее невестка, Александра Федоровна, хочет, чтобы «Ники взял на себя Верховное командование вместо великого князя Николая Николаевича, нужно быть безумным, чтобы желать этого!» В беседе с сыном вдова Александра III умоляла царя «не делать этого, когда все плохо для нас, и добавила, что если он сделает это, все увидят, что это приказ Распутина». По словам матери императора, Николай II «совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может принести нам и

²⁵ Эйдук Д.В. К истории политического кризиса лета 1915 г.: смена верховного главнокомандующего глазами русской общественности // Материалы студенческого научного общества исторического факультета СПбГУ. Выпуск первый. СПб., 2003. С. 260.

²⁶ Там же. С. 261.

²⁷ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009. С. 359.

всей стране».²⁸ Великий князь Андрей Владимирович гораздо осторожнее высказался по поводу решения царя: «Николай Николаевич случайно попал на этот пост, после того, что Совет министров упросил Государя не брать верховное управление армией, в начале войны».²⁹ Андрей Владимирович был убежден в том, что государь «должен быть вне возможных на него нападков. Он должен стоять высоко, вне непосредственного управления».³⁰ В дневниковой же записи от 1 сентября 1915 г., Андрей Владимирович констатировал то, что «Государь, опираясь непосредственно на свою армию, представляет куда большую силу, нежели, когда во главе армии был Николай Николаевич, а он сидел в Царском Селе. Большинство же приветствовало эту перемену и мало обратило внимание на смещение Николая Николаевича».³¹ Вместе с тем, несколькими днями ранее, Андрей Владимирович высказал справедливое соображение о том, что «С принятием Государем командования армией, естественно, все взоры будут устремлены на него с еще большим вниманием. И ежели на первых порах на фронте будут неудачи, кого винить? Еще соображение. Ежели дела государства потребуют его присутствия в Петрограде, на кого он оставит армию?»³² «Господи, помоги и вразуми меня!» – именно таким, достаточно традиционным для себя образом, царь дополнил свою дневниковую запись, в которой отмечалось, что 24-го августа государем подписан «приказ по армии о принятии мною верховного командования со вчерашнего числа».³³ В официозе – «Правительственном вестнике» – приказ армии и флоту также был датирован 23-м августа 1915 года. Сообщая о приня-

²⁸ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2006. С. 89.

²⁹ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 175. Запись от 24 августа 1915.

³⁰ Там же. С. 178.

³¹ Там же. С. 179. Запись от 1 сентября 1915 г. Ср. с реакцией генерала А.А. Самойло, вспоминавшего о том, что увольнение Николая Николаевича «получило характер неожиданности». (Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С. 155).

³² Там же. С. 177–178. Запись от 24 августа 1915 г. О своей «двойкой реакции» на получение известия о решении царя принять на себя должность Верховного Главнокомандующего пишет в своих воспоминаниях двоюродный брат Николая II – Сандро – великий князь Александр Михайлович: «Хотя и можно было сомневаться в полезности его длительного отсутствия из столицы для нашей внутренней политики, все же принятие им на себя этого ответственного опыта было в отношении армии совершенно правильным...». (Великий князь Александр Михайлович: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004. С. 252.).

³³ Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 544.

тии на себя Главнокомандования, царь завершил приказ словами «не посра-
мим Земли Русской».³⁴ «Мы не сомневаемся, – писал по этому поводу шуль-
гинский «Киевлянин», – что в этом высоком молитвенном призыве весь рус-
ский народ всею душою, всеми помыслами и стремлениями сольется со сво-
им Царем. Не посрадим Земли Русской, – вторил словам монарха «Киевля-
нин», ибо Русь все вынесет, кроме срама».³⁵ В свою очередь, Николай Нико-
лаевич отбыл из Ставки к «новому месту служения на Кавказе» 25 августа в 6
часов вечера. При этом в «Правительственном вестнике», несомненно, для
демонстрации того, что «дядя Николаша» не попал в опалу к монарху, а его
снятие с занимаемого прежде поста не может и не должно свидетельствовать
о существовании каких-либо группировок в Доме Романовых и в Действующей
армии, особо оговаривалось, что царь лично участвовал в проводах
бывшего Верховного на вокзале и «сердечно простился с Его Императорским
Высочеством».³⁶ Кадетская «Речь» сообщала о том, что Великий Князь, стоя
в дверях, «отдавал честь Его Величеству. Государь Император также отдавал
честь, оставался на платформе, пока поезд не прошел».³⁷

В письме жене Николай сообщил о том, что принял на себя «новую от-
ветственность», особо оговорив то, что испытывает «такое спокойствие, как
после Святого причастия».³⁸ Заслышавший о возможности принятия на себя
Николаем II поста Верховного, петроградский городской голова И. И. Тол-
стой записал в дневнике: «Нельзя не сказать, что решение, если рассказы
верны, крайне необдуманное и опасное, а для хода военных действий едва ли
полезное, или, вернее, абсолютно вредное...».³⁹

Подводя итог нашим размышлениям по этому вопросу, подчеркнем, что
речь может идти о целой сумме факторов, которые подтолкнули царя к при-
нятию его решения; главным же, как кажется, все-таки было желание царя
как главы государства и венценосца, мистически воспринимавшего свой долг
перед Россией и Богом, возложить на себя всю полноту ответственности за ее

³⁴ Правительственный вестник. Петроград. 1915. 26 августа (8 сентября).

³⁵ Киевлянин. 1915. 27 августа.

³⁶ Правительственный вестник. 1915. 27 августа (9 сентября).

³⁷ Речь. Петроград. 1915. 27 августа (9 сентября).

³⁸ Переписка Николая и Александры / [сост. А.А. Сергеев]. М., 2013. С. 223.

³⁹ Толстой И.И. Дневник. 1906 – 1916. СПб., 1997. С. 668. Запись в дневнике от 23 августа 1915.

судьбу в тяжелейший момент существования русской государственности.⁴⁰ Именно это соображение было главнейшим, на наш взгляд, при принятии императором его решения. Кроме того, нельзя не обратить внимание и на обстоятельство, замеченное О. Р. Айрапетовым: «к лету 1915 г. почти все монархи, стоявшие во главе стран-участниц войны, лично возглавили свои вооруженные силы».⁴¹ Думается, что внутренне Николай II считал подобный поступок своих августейших коллег естественным и целесообразным. Неслыханный демарш министров, выступивших против решения «несчастливого» царя и подписавших в этой связи коллективное письмо государю,⁴² лишь разозлил Николая и заставил его убедиться в своей правоте.⁴³

⁴⁰ По утверждению петербургского ученого С.В. Куликова, «Импульс, обусловивший взятие Николаем верховного главнокомандования, дал его мистицизм», а именно посещение императором церковной службы, вероятно, обедни. (Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 79.). В свою очередь, церемониймейстер двора барон Штакельберг утверждал, что «Государь был убежден, что Он должен быть в ближайшем соприкосновении с войсками, так как Армия была опорой Трону...». (См.: Штакельберг, барон. Отречение Императора Николая II // Михайлов день. 2-й. СПб., 2010. С. 402).

⁴¹ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне. М., 2014. Т. 2. 1915 год. Апогей. С. 186.

⁴² *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия». Л., 1977. С. 161–162. Автор одной из лучших биографий последнего царя С. Л. Фирсов остроумно назвал это «министерской забастовкой». (Фирсов С.Л. Николай II. М., 2010. С. 371.).

⁴³ По этому вопросу существует обширная исследовательская литература и мемуаристика. Укажем лишь основные из них: *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 98–101; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1990. С. 360–368; Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. М., 1993. Т. XVIII. С. 52–99 – воспоминания; Флоринский М.Ф. К истории политического кризиса лета 1915 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 235–244; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны, 1914–1917. Л., 1967. С. 112–114; *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1915 год. Апогей. М., 2014. Т. 2. С. 194–196 – исследования. Решение императора вызвало недоумение у чиновников министерства иностранных дел: так, например, директор департамента МИДа В.Б. Лопухин, «не веря своим глазам», прочитал в газете о том, что «верховное командование на себя взял царь». «Доминировала мысль, – вспоминал Лопухин, – что царь – незадачливый, несчастливый человек, которому никогда ничто не удавалось, чей почин неизменно всякий раз оказывался непоправимой ошибкой, чье царствование с самого его начала было отмечено несчастным роком. Интуиция и подкреплявшая ее неотразимая логика говорили, что верховное командование царя повлечет за собою тяжчайшие бедствия». (Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Отв. ред. С.В. Куликов;

С самого начала для высшего генералитета было очевидно то, что верховное командование царя будет в значительной степени номинальным. «Слишком уж мало подходил Николай II к роли вождя в этой великой войне и по своим дарованиям, и по характеру, и по своей роковой незадачливости», – утверждал генерал А. А. Поливанов.⁴⁴ Схожим образом рассуждает и самый, наверное, известный русский генерал Великой войны – А. А. Брусилов. В его, быть может, предвзятых, но, в силу авторитета мемуариста, заслуживающих внимания, строчках воспоминаний можно прочесть: «Было общеизвестно, что Николай II в военном деле решительно ничего не понимал, и что взятое им на себя звание будет только номинальным, а за него все должен будет решать его начальник штаба...».⁴⁵ По словам А. И. Деникина, «генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос:

– Кто будет начальником штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство».⁴⁶ По утверждению того же мемуариста, с назначением на пост начальника штаба Верховного М. В. Алексеева, последний стал «фактическим распорядителем всех вооруженных сил Российского государства».⁴⁷

вступ. ст. С.В. Куликова, подгот. текста и коммент. С.В. Куликова, Д.Н. Шилова. СПб., 2008. С. 249–250.).

⁴⁴ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 209.

⁴⁵ Брусилов А.А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 145. Любопытно, что и Брусилов, и командующий Западным фронтом генерал В.И. Гурко серьезно не воспринимали давно циркулировавшие в армейской среде слухи о том, что царь намерен возложить на себя Верховное Главнокомандование, воспринимая их как «домыслы». (Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 189.). Ср. с оценкой управляющего министерством внутренних дел князя Н. Б. Щербатова: «Мы полагали, что государь лично, не обладая никакими способностями военными, ни тактическими, ни стратегическими, ничего не внесет полезного в смысле военном, но внесет в ставку все те отрицательные стороны, которые всегда двор приносит в военную среду; это раз. Затем, пребывание государя в ставке технически делало невозможным правильное управление страной... А затем отдавали себе отчет, что оставление императрицы здесь [в Петрограде. – Авт.] могло грозить стремлением в той или иной форме, если не регентствовать, то близко к этому, что во всех отношениях было крайне опасно». (Падение царского режима. Стенографические отчеты. М., 1927. Т. VII. С. 220.).

⁴⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. I. С. 135.

⁴⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 294. Ср. с оценкой М.К. Касвинова, автора одной из самых известных советских обличительных биографий последнего царя:

Советская историография и партийная публицистика традиционно изображала М. В. Алексеева, то «ограниченной фигурой»,⁴⁸ то «серым штабным ничтожеством», как это сделал Троцкий.⁴⁹ Перешедший на сторону Советской власти генерал М. Д. Бонч-Бруевич в более ранней, чем опубликованная в книжном варианте, без «литературной обработки» или «литературной записи» редакции своих воспоминаний, назвав основоположника Белого движения на Юге России М. В. Алексеева «большим тружеником», все же считал необходимым, видимо, следуя неписанным «правилам игры» советской мемуаристики, подвергнуть критике Михаила Васильевича, заявив о том, что «Алексеев смотрел на войска как на какие-то шашки, направляемые и перемещаемые распоряжениями высшего командования...», а его «военное творчество» «поистине являлось убогим творчеством».⁵⁰ Последние исследования показывают неправдоподобность таких оценок.⁵¹ Несомненно, что Алексеева можно считать – и по общему военному кругозору, и по масштабам его полководческой и государственной деятельности – одной из центральных, столбовых фигур русской военной истории начала XX века.

Император, по утверждению историка С. В. Куликова, питал к М. В. Алексееву «личную симпатию», базировавшуюся «на сходстве их индивидуальностей».⁵² Однако, помимо симпатии, «фавор» Алексеева у царя объяснялся также – и главным образом – высочайшим профессионализмом Михаила Васильевича, а не какими-то придворными интригами, к которым Алексеев никакой склонности не имел. К тому же и «фавор» того или иного чиновника или иного высокопоставленного лица у императора заканчивался

«[Николай II] будет с помощью Алексеева полтора года упражняться в высшей военно-стратегической деятельности, пока ее не оборвет февраль 1917 года». (Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 275.). Ср. с записками адмирала А. Д. Бубнова: «фактически он, генерал Алексеев, а не император Николай II исполнял функции верховного командования». (Бубнов А. Д. В Царской ставке // В Ставке Верховного Главнокомандующего. М., 2014. С. 108.).

⁴⁸ *Тарле Е. В.* Наполеон. Мн., 1993. С. 5.

⁴⁹ *Троцкий Л. Д.* История русской революции: В 2 т. Т. 1: Февральская революция. М., 1997. С. 47.

⁵⁰ Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки. (ОР РГБ). Ф. 369. Карт. 422. Ед. хр. 1. *Бонч-Бруевич М. Д.* Воспоминания. Война 1914–1918 гг. Ч. 2. Л. 72, 281, 410. [1931 г.]. Ср с.: *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1958.

⁵¹ *Цветков В. Ж.* Генерал Алексеев. М., 2013.

⁵² *Куликов С. В.* Указ. соч. С. 206.

быстро, как только Николай менял свое отношение к вчерашнему любимцу: объяснялось это вовсе не только пресловутым лицемерием или неискренностью монарха: царь видел в любом приближенном ему лице всего лишь чиновника, которого он может уволить в любой момент. В случае же с Алексеевым все было иначе: император сохранил к нему благосклонность вплоть до своего отречения, видя в нем преданного ему лично человека. Сам же Алексеев воспринял свой взлет как «большое и ответственное дело, в котором нет и не будет для меня какой-либо поддержки и нравственной, и советом, и словом».⁵³

Между тем офицерами-фронтовиками и солдатами вступление императора в должность было воспринято как само собой разумеющееся. Генерал А. И. Деникин авторитетно свидетельствовал, что в «армии перемена Верховного не вызвала большого впечатления... Государь в их [солдат. – Авт.] глазах всегда был главой армии».⁵⁴ Некоторые офицеры отмечали, что «произошло в буквальном смысле чудо!», имея в виду улучшение уровня снабжения действующей армии.⁵⁵ Нельзя игнорировать и мнение автора в чем-то знаковой для своего времени 4-х томной «Истории русской армии» Антона Керсновского, полагавшего, что летом 1915 года «На Россию надвинулась военная катастрофа, но катастрофу эту предотвратил Царь», и что решение Николая стать во главе армии «было единственным выходом из создавшейся критической обстановки».⁵⁶ Не вдаваясь в дискуссии о «никудошности» или – наоборот – «талантливости» руководства императором армиями отметим, что, на наш взгляд: во-первых, в бытность Николаем II Верховным Главнокомандующим русский фронт – благодаря, или, вопреки царю, но все же: русский фронт мировой войны стабилизировался; ситуация со снабжением русской армии продовольствием и боеприпасами в значительной степени улучшилась; в-третьих, научное изучение деятельности Николая II как военного деятеля должно быть продолжено.

⁵³ Из письма генерала М.В. Алексева жене. 23 августа 1915 г. Цит. по: Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 404.

⁵⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 294.

⁵⁵ Гуаццинов Э.Н. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 55–56.

⁵⁶ Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х тт. Т. III. М., 1994. С. 306.

В. Н. Сухов

*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический
университет имени С.М. Кирова*

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ВКЛАД В ИСТОРИЮ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Война как средство достижения цели и способ разрешения конфликтов издавна находится в арсенале человечества. Специалисты насчитали несколько тысяч войн на долгом и сложном пути мировой истории, включая и наши дни. Казалось бы, можно было бы и «привыкнуть», несмотря на жертвы, ужас и лишения, которые всегда идут вместе с войнами. Но то, что принесла с собой первая мировая война 1914–1918 гг., сделало ее исключительной. Она заняла особое место в истории. Абсолютно прав министр иностранных дел России С. Лавров, заявивший на всемирной тематической конференции «Первая мировая война и судьбы российских соотечественников»: «По сути, Великая, или Большая война, как ее тогда называли, положила началом новой истории во всем мировом развитии.»

Уверены, что министр имел ввиду не только глобальность трагедии, количество жертв, колоссальность экономических потерь, кардинальность геополитических сдвигов, изменивших политическую карту мира. Война была принципиально иной, чем ранее происходившие конфликты, и она действительно положила начало многим процессам, имевшим место после нее и, увы, происходящих и в наши дни. Именно на этот аспект мы и хотим обратить внимание.

Понятно, что в рамках заданного формата (выступление) всеобъемлюще раскрыть заявленную тему вряд ли возможно, поэтому мы лишь тезисно изложим свое видение данной проблемы.

1) Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что и период, предстоявший конфликту 1914–1918 гг., и в ходе его развития, особую роль стало играть общественное мнение в странах, ставших участниками войны. Подчас

оно даже опережало действия правительств. Совершенно уникальную роль в «разогреве» ситуации стали играть средства массовой коммуникации. Тогда, конечно, в первую очередь это были газеты. Они активно формировали отношение к потенциальному противнику, декларировали «святые» цели и «национальные» задачи, возвышали патриотические приоритеты и ценности, демонизировали врага. Это была целенаправленная деятельность по мобилизации масс. Этот опыт был активно развит и в последующие времена. Только масштаб стал еще массивнее, а средств воздействия стало много больше. Вспомним предысторию второй мировой войны, обратим внимание на конфликты XXI века и заметим, что опыт первой мировой жив и только совершенствуется.

2) Раскрытые архивохранилища, опубликованные документы периода, предстоящего 1914 г., свидетельствуют, что все участники войны 1914–1918 гг. исходили из предположения о скоротечности боевых действий. Готовились к «блицкригу». Но ожидаемое и предполагаемое не состоялось. Война приобрела затяжной, изматывающий характер. Она, как известно, продолжалась 1568 дней или 224 недели. И день ото дня масштаб конфликта, количество людей, вовлеченных в него, объем средств, необходимых для достижения цели только возрастали. Так же стали развиваться конфликты и в последующем. Вспомним, что и вторая мировая, и события в Афганистане, в Ираке и Сирии также развиваются по сходной логике, демонстрируя жизненность сложившегося опыта событий 1914–1918 гг.

3) Война, как свидетельствует история, это чаще всего военный конфликт. Это сражения армий, фронтов, флотов и людей, т.е. прежде всего тех, кто умеет, обучен и готов воевать с оружием в руках. Первая мировая и сюда внесла свой вклад. Она стала войной не только армий, но и народов – десятков и сотен миллионов людей. Известно, что в той или иной степени, в орбиту военных действий было вовлечено 87 % жителей всей земли. Только под ружье было поставлено 73,5 млн человек. Более 10 млн человек было убито и 20 млн – ранено. Жертвы среди мирного населения, пострадавшего от эпидемий, голода, холода и других невзгод военного времени также насчитывали десятки миллионов. При этом события на фронтах были как бы авансценой, а жертвы были и далеко от линии боев. А ведь это стало нормой и в годы второй мировой войны, да и сейчас авиационные и ракетные удары поражают цели далеко от линий позиционных боев – это тоже развитие опыта первой мировой.

4) Вспомним, что во времена, предстоявшие первому мировому конфликту, даже в длительных войнах, все решала одна, судьбоносная битва, одно сражение, приносившее общую победу. В первой мировой были крупные битвы, но судьба конфликта решилась в длительном, вязком, изматывающем непрерывном противостоянии сторон. В таком противоборстве успех зависел не только от мужества и храбрости людей, но, прежде всего, от экономических ресурсов, демографического потенциала, эффективности экономики и прочих факторов, сумма которых и принесла победу Антанте. Так произошло и во второй мировой войне. Эту же тенденцию демонстрируют и многочисленные конфликты второй половины XX и начала XXI веков. Значит, надо всегда и впредь иметь в виду баланс сил, который оказывает существенное воздействие на исход конфликта. Вспомним, к примеру, что в странах Антанты на войну работало 40 тыс. предприятий и 13 млн человек, занятых на производстве. В то же самое время в странах Тройственного союза на войну работало 10 тыс. предприятий и 6 млн человек. Баланс, как видим, в пользу Антанты. Да и финансовые возможности сторон так же были не в пользу Германии и ее союзников. Вспомним, что война поглотила 1/3 материальных ценностей человечества. Военные расходы воюющих государств увеличились более чем в 20 раз, превысив в 12 раз наличные запасы золота. Тройственный союз в этой гонке был обречен. Он изначально был слабейшей стороной. Причем и в стане победителей войны приносят колоссальные лишения. Так, Россия на войну к марту 1917 г. затратила 30 млрд. рублей. Рубль обесценился и упал до 27 копеек. Цены на продукты питания в стране возросли на 300 %, что в немалой степени способствовало политическому кризису и тем событиям, что изменили судьбу страны.

5) Проигрыш в подобном конфликте колоссален по своим последствиям для побежденной стороны. По Версальскому договору территория Германии сократилась на 70 тыс. кв.км. Она лишалась всех своих колоний. Военные статьи обязывали Германию не вводить воинскую повинность, распустить все военные организации, не иметь современных видов вооружения, выплатить громадные репарации (закончили выплачивать в 2010г !). Основательно была перекроена карта Европы. С распадом Австро-Венгерской дуалистической монархии была оформлена государственность Австрии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, подтверждены самостоятельность и границы Албании,

Болгарии, Румынии. Бельгия, Дания, Польша, Франция и Чехословакия вернули себе захваченные Германией земли, получив под свое управление часть исконных немецких территорий. От Турции были отделены Сирия, Ливан, Ирак, Палестина и переданы в качестве подмандатных территорий Англии и Франции. Новая западная граница Советской России также была определена на Парижской мирной конференции (линия Керзона), при этом закреплялась государственность частей бывшей империи: Латвии, Литвы, Польши, Финляндии и Эстонии. Проигравший, в прямом смысле, мог плакать, кляня свою судьбу. Итоги войны были таковы, что почва для реванша была вполне очевидна, и это тоже один из уроков первой мировой. Можно сказать, что Версальский договор открыл дорогу к новому глобальному конфликту, что и произошло через два десятилетия.

б) Бесспорно, что новые материально-технические средства уничтожения, бесчисленность жертв, длительность конфликта сказались на психологии людей. К человеческой жизни люди стали относиться проще, «без сантиментов». Вспомним геноцид армян, карательные операции, расстрелы заложников, показательные казни, лагеря пленных – все это появилось в массовом порядке также в ходе первой мировой. Это тоже было «развито» в последующей практике XX и XXI веков.

Значит, человечество должно сделать из уроков и опыта первой мировой войны, как минимум, один вывод. До мирового конфликта доводить ситуацию нельзя: война рождает жажду реванша и мести, снижает ценность человеческой жизни и делает оружие средством решения всех проблем. Войны XX и XXI веков говорят о том, что человечество должно придти к миру, разрешая свои конфликты путем компромисса и переговоров, а не сражений и стремления уничтожить своего противника.

В. В. ФОРТУНАТОВ

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

ДВА ВЕРХОВНЫХ: ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОЛАЯ II И И. В. СТАЛИНА В ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙНАХ

Странно, но работ, построенных на сравнительно-сопоставительном анализе событий Первой и Второй мировых войн, очень немного. Практически не затрагивается проблема, связанная с оценкой роли высших руководителей нашей страны в ходе грандиозных мировых противоборств в 1914–1917 и 1941–1945 гг.

Николай II принял на себя звание Верховного главнокомандующего 5 сентября 1915 г. Это случилось в момент настоящей военной катастрофы, связанной с «Великим отступлением» русской армии. Были оставлены Галиция, Литва, Польша. Около 1 млн русских солдат попали в плен. Председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко пытался отговорить царя, после чего с ним сделался сердечный приступ. «Это ужасно. Я чувствую, что это начало гибели: он приведет нас к революции», – говорила небезызвестная княгиня З. Н. Юсупова жене Родзянко.¹

Сталин 30 июня 1941 г. был назначен Председателем Государственного комитета обороны. 10 июля он возглавил Ставку Верховного Главнокомандования. 19 июля Сталин сменил маршала С. К. Тимошенко на посту наркома обороны, а с 8 августа Указом Президиума Верховного Совета СССР назначен Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. Одновре-

¹ Родзянко М.В. Крушение империи. Изд. 3-е. М., 1929. С. 131

менно он был также Председателем СНК СССР и секретарем ЦК ВКП(б), признанным лидером правящей Коммунистической партии.

Сталин военного образования не получал. Солдатскую лямку не тянул то ли по состоянию здоровья, то ли по нежеланию. Г. К. Жуков где-то назвал Сталина штафиркой, то есть сугубо штатским человеком, что было обиженному доложено. Однако стоит вспомнить, что в годы Гражданской войны Сталин был наркомом, членом РВС РСФСР и ряда фронтов. Он приобрел немалый реальный опыт руководства войсками при самых разных, в том числе неблагоприятных обстоятельствах. Звание Маршала Советского Союза ему было присвоено 6 марта 1943 г., а звание Генералиссимуса 27 июня 1945 г.

Николай II в качестве цесаревича обучался у лучших знатоков по различным дисциплинам. С 1889 г. Николай (родился 6 мая 1868 г.) приступил к изучению предметов по программе Генерального штаба, а также предметов, связанных с государственным управлением по программе юридического и экономического факультетов университета. И даже стал принимать участие в заседаниях Государственного Совета и комитета министров. В январе 1892 г. Цесаревич Николай был назначен председателем комитета по сооружению Транссиба.

До восшествия на престол он имел звание полковника и по сложившейся традиции не мог сам себе присваивать более высокие воинские звания.

Император не обладал достаточными знаниями в области стратегического планирования и руководства войной. Многие считали, что фактическое командование находится в руках начальника генерального штаба генерала М. В. Алексеева, в действия которого Верховный главнокомандующий, как считается, старался не вмешиваться.

На самом деле царь получал обстоятельные доклады о ходе военных действий и никакие важные решения без его одобрения не принимались. К сожалению, некоторые важные решения вообще не были приняты. Так, генерал А. А. Брусилов в своих воспоминаниях считал, что удачный Брусиловский прорыв не перерос во всеобщее наступление русской армии из-за позиции царя, возможно, под влиянием так называемых «темных сил». «Если бы у нас был настоящий верховный вождь и все главнокомандующие действовали по его указу, то мои армии, не встречая достаточно сильного противодействия, настолько выдвинулись бы вперед и стратегическое положение врага было бы столь тяжелое, что даже без боя ему пришлось бы отходить к своим

границам, и ход войны принял бы совершенно другой оборот, а ее конец значительно бы ускорился», – считал А. А. Брусилов.²

В описаниях мемуаристов, близких к царю, он выглядит как человек, который тяготится своей ответственностью, не имеет собственной позиции, собственного видения ситуации. При всяком удобном случае царь покидал Ставку для общения с семьей, просто для смены обстановки. Многие генералы добрым словом вспоминали Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Старшего. Не удивительно, что генералы фактически воспользовались Февральской революцией 1917 г., чтобы избавиться от своего малоавторитетного предводителя.

Среди советских маршалов и литераторов в правление Н. С. Хрущева, ненавидевшего Сталина, нашлись те, кто пытался представить руководство военными действиями со стороны Сталина в критическом, если не уничижительном плане. Публикация многих документов в последние 25 лет заставила уже практически всех расстаться с представлениями о «депрессии» Сталина в начальный период войны и о руководстве военными действиями «по глобусу». За 4 года войны советские войска провели 51 стратегическую, свыше 250 фронтовых и около 1000 армейских операций. Документы и воспоминания свидетельствуют о том, что в отличие от Николая II «красный император» Сталин непосредственно участвовал в подготовке и руководстве проведением многочисленных военных операций, пользовался непререкаемым авторитетом у своих многочисленных подчиненных.

Сравнение полководческих способностей двух российских правителей в двух великих войнах XX века представляется важным предметом исследования для военных историков. Возможно, 100-летие Первой мировой войны и 70-летие Великой Победы уже обозначили достаточно серьезный рубеж, с которого вполне реально внести ясность в ряд дискуссионных (трудных?) вопросов отечественной истории.

² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 184.

Т. М. Смирнова

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ПОЛЬСКИМ БЕЖЕНЦАМ И РАНеным В ПЕТРОГРАДЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мировая война 1914–1918 гг. вызвала небывалый по масштабам гуманитарный катаклизм – проблему миллионов беженцев, как в целом именовалось гражданское население, вынужденное покинуть свой дом в результате военных действий. Война для России началась на территории Царства Польского, которое на Восточном фронте оказалось в таком же положении, как Бельгия на Западном, и некоторое время Польшу называли «наша Бельгия». Первыми беженцами стали именно поляки, а затем по мере развития неблагоприятного для России хода военных действий волна беженцев из Царства Польского и Западных губерний в целом буквально захлестнула Россию. К категории «беженцы» относились три разных потока: «добровольно» покидающие места своего жительства люди из-за страха перед приближающимся фронтом (собственно беженцы); организованно эвакуированные из опасной зоны на восток промышленные предприятия, учебные заведения, лазареты и т. д.; насильственно выселенное из прифронтовой зоны население (депортация). Первый поток с Запада оказался довольно быстротечным (до начала 1915 г.) и относительно немногочисленным. Планы эвакуации были составлены уже осенью 1914 г., и к лету 1915 г. организованно, без паники, были вывезены сотни предприятий, университеты, гимназии и прочие важные объекты и учреждения из Царства Польского и Западных губерний. Это несколько сотен тысяч человек. Насильственные выселенцы, или изгнанники – самое страшное среди беженских проблем явление, затронувшее миллионы людей. В весенне-летней кампании 1915 г. русская армия терпела неудачи по всему фронту, и в июне Ставка пошла на крайнюю меру: войска получили приказ

превратить оставляемую врагу территорию в пустыню, то есть очистить ее как от населения, так и от всего, что представляло ценность для врага. У крестьян реквизировали скот и запасы продовольствия, уничтожались посевы. При нежелании местного населения уходить на запад их населенные пункты сжигали. Поток беженцев был слишком велик и принял стихийный характер, тем более, что организационные меры по его упорядочению были приняты далеко не сразу. В дороге беженцы погибали от голода и эпидемий, родственники теряли друг друга, дети отставали от поездов.

Массовое прибытие беженцев в тыловые губернии началось в июле-августе 1915 г., в сентябре-октябре достигло максимума, а в небольшом количестве беженцы продолжали прибывать до весны 1916 г. Количество беженцев точно не установлено. По разным данным, беженцами в России были от 3,7 до 7,4 млн человек, но более обоснована цифра в 5 млн человек.¹ Численность поляков-беженцев всех категорий на территории Российской империи составляла около 1 млн чел.²

Приблизительность данных связана с невозможностью точного учета перемещенных лиц, относящихся к разным потокам, их миграцией по стране, призывом мужчин-беженцев в армию, смертностью, а также длительностью процесса (более четырех лет). Депортации населения из прифронтовой зоны и стихийное беженство создавали неконтролируемую ситуацию в стране – беженство в целом было не только несчастьем миллионов людей, но несло в себе угрозу экономической, социальной и политической дестабилизации.

Первоначально беженцами занимались только общественные организации, в том числе общероссийские – Всероссийский Союз городов и Всероссийский Земский союз, а также национальные – общества и комитеты помощи жертвам войны. 14 сентября 1914 г. был создан Комитет великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет) – главная общероссийская организация помощи пострадавшим от войны, деятельность которой носила общественный характер, но финансировалась казной³. В составе центрального руководства Тать-

¹ Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России. «Вопросы истории», 1999, № 8, с. 109–110.

² D. Sula, Powrótłudności polskiej z byłego Imperium Rosyjskiego w latach 1918–1937, Warszawa, 2013, s. 35, 39.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (далее – СУ). Отдел 1. Пг., 1914. № 262. Ст. 2403.

янинского комитета было несколько поляков: управляющий Княжеством Ловичским, егермейстер граф Владислав Велёпольский, член Государственного Совета, шталмейстер граф Сигизмунд Велёпольский, мануфактур-советник Станислав Глезмер, а также представители Польского общества помощи жертвам войны – действительный статский советник, депутат Государственной Думы Генрих Свенцицкий, после его смерти в 1916 г. – член Госсвета Констанций Скимунт, и от Римско-католического Благотворительного общества – генерал Ян Яцына. Польские организации в Особом отделе по регистрации беженцев Татьянанского комитета представлял Вацлав Лашкевич.⁴

1 июня 1915 г. был создан институт главноуполномоченных по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, в конце июля 1915 г. в составе МВД создан временный Отдел по устройству беженцев. Наконец, 30 августа 1915 г. в Российской империи был принят специальный «Закон об обеспечении нужд беженцев» и «Положение» к нему, в последнем впервые давалось определение понятия «беженцы».

«1. Беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств.

Примечание. Лица, высланные из района военных действий под надзор полиции, к числу беженцев не относятся».

В статье шестой «Положения» содержалось уточнение, что меры по поддержке беженцев не распространялись на «иностранных подданных немецкой и венгерской национальностей».⁵ (Позже этот список был дополнен болгарскими и турками).⁶

По закону от 30 августа создавался также специальный орган «для обсуждения и объединения всех мер по обеспечению нужд беженцев» – Особое совещание под председательством министра внутренних дел (ст. 8). В состав этого «высшего государственного установления», наряду с членами Государственного Совета и депутатами Государственной Думы (по 7 чел.), представителями министерств: военного, иностранных дел, внутренних дел, финан-

⁴ Справочная книжка. Издание Комитета Е.И.В. вел. кн. Татианы Николаевны. Пг., 1916. С. 7–14; I. Spustek. Polacy w Piotrogradzie 1914–1917. Warszawa, 1966. S. 167.

⁵ СУ. Отдел 1. Пг., 1915. № 242. Ст. 1842.

⁶ Спутник беженца. Собрание практических сведений и советов для беженцев. Пг., 1916. С. 5.

сов, народного просвещения, путей сообщения, торговли и промышленности, Главного управления землеустройства и земледелия; главноуполномоченных по устройству беженцев, Татьянинского комитета, Российского общества Красного креста, Всероссийских союзов – земского и городского, впервые вводились также представители национальных организаций (ст. 10). Последнее было беспрецедентным событием для высшего государственного органа. С польской стороны в Совет входили депутаты Государственной Думы Г. Свенцицкий и Я. Харусевич, члены Госсовета – представители Общества помощи жертвам войны К. Скирмунт, Ч. Карпиньский, Л. Дымша, В. Жуковский, позже В. Равич-Щерба; представители Центрального гражданского (обывательского) комитета в России В. Грабский и князь С. Четвертинский; от Польского комитета в Москве – А. Ледницкий, позже – Е. Здзеховский.⁷

И все же, несмотря на принимаемые меры, положение беженских масс было очень тяжелым. Кроме всех своих бед и потерь, беженцы сталкивались с равнодушием и бюрократическими проволочками, к тому же население местностей, где они размещались, встречало их далеко не всегда благосклонно. Также с самого начала войны обострилась проблема поляков как разделенного народа – в России проживали тысячи поляков, подданных Австро-Венгрии и Германии. Правительственными решениями они признавались гражданскими пленными и подлежали депортации в отдаленные регионы России.

Война радикально изменила жизнь петербургской Полонии и деятельность всех польских обществ. Основным содержанием их работы стала помощь *жертвам войны* – жителям Царства Польского, беженцам, переселенцам, раненым, членам семей военнослужащих, мирному населению на театре военных действий, соотечественникам – подданным неприятельских государств, несколько позже – полякам-военнопленным. Однако не прекращалась и прежняя, соответствующая уставу деятельность польских обществ, хотя она значительно сократилась, а также в той или иной степени изменилась в условиях военного времени. Но этого было недостаточно, и были созданы специализированные общественные организации, непосредственно решающие проблемы пострадавших от войны соотечественников, причем некоторые появились раньше, чем общероссийские общественные комитеты и тем более – правительственные учреждения. Именно общественные организации

⁷ Справочная книжка. Пг., 1916. С. 17; I. Spustek. Ibid. S. 179.

выполняли львиную долю работы, именно они своей бескорыстной деятельностью создавали атмосферу сочувствия и поддержки, вселяли и поддерживали надежду среди обездоленных.

Уже в первые дни войны возникла проблема помощи соотечественникам – жителям Царства Польского, которых война застала за границей. Возвращение домой для этой категории граждан стало возможным только через нейтральные страны и Финляндию, и первым пунктом в России для них был Петербург, с конца августа 1914 г. – Петроград. Способность к быстрой и эффективной мобилизации петербургская Полония продемонстрировала мгновенно – для концентрации усилий по оказанию помощи Комитет «Огниска Польского» («Польского очага» – общественной организации столичных поляков) создал специальную Спасательную комиссию (несколько позже она была переименована в Комитет помощи соотечественникам, возвращающимся из-за границы – *Komitet pomocy rodakom, powracającym z zagranicy*). В комиссию вошли: С. Яблоньский, Б. Гродзецкий, Ф. Скомпский, Ч. Карпиньский, С. Корсак и Ф. Пекарский. Исполнительным органом комиссии было бюро во главе с заведующим – инженером С. Корсаком.⁸ Только до 9 августа из-за границы в Петербург прибыло около 1,5 тыс. рабочих, в том числе группа из 200 чел. из Америки, и примерно 500 представителей интеллигенции. В распоряжении комиссии были гостиницы и дешевые меблированные комнаты, а 400 чел. воспользовались бесплатными помещениями. Петербургские поляки со 2 по 11 августа пожертвовали 3084 руб. 50 коп. Активно помогали и городские структуры: канцелярия градоначальника минимизировала все формальности, часть средств на оказание помощи рабочим была выделена городской управой. Все получили бесплатный проезд к месту жительства в Царстве Польском и денежную помощь по 1 рублю на человека⁹.

К середине ноября было собрано 5859 руб. 65 коп. частных пожертвований, от города получено 885 руб. Помощь была оказана 2978 рабочим и 925 чел. из интеллигенции. Для 87 чел., которые вернулись из-за границы совсем без документов, вместо паспортов были оформлены свидетельства.¹⁰

⁸ Dziennik Petersburski. 1914. 3. VII (13.VIII).

⁹ Там же. 8 (21), 15 (28). VIII.

¹⁰ Dziennik Petrogradzki. 1914. 23. XI. (6.XII).

26 августа 1914 г. Петроградское особое по делам об обществах присутствие внесло в реестр столичных обществ под номером 838 Общество вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий (*Stowarzyszenie pomocy rodzinom zapasowych polskich i ubogiej ludności polskiej na terenie wojny*)¹¹. Вскоре оно получило сокращенное и более точное название *Polskie Towarzystwo Pomocy Ofiarom Wojny* (РТРОВО) – Польское Общество помощи жертвам войны.

29 августа был избран Комитет РТРОВО в составе: А. Лесневская, Погоржельская, М. Поклевская-Козелл, ген. А. Бабяньский, Я. Бархвиц, ксёндз К. Будкевич, Л. Дымша, Г. Свенцицкий, д-р Я. Гаттовский, д-р Я. Федорович-Ведер, Б. Яловецкий, С. Филипповский, Копец, Р. Квятковский, К. Недзвецкий, Б. Ольшамовский, ксёндз граф Э. О’Рурк, проф. Л. Петражицкий, проф. С. Пташицкий, ген. А. Ризенкамф, А. Смолинский, ксендз проф. С. Тшецяк, Ваховский, ксёндз проф. А. Вуйцицкий, проф. С. Залеский, Я. Жарновский и В. Жуковский.¹² Эти люди представляли практически всю разветвленную сеть благотворительных, просветительных, корпоративных, научных и прочих самодеятельных польских учреждений, что означало их непосредственное включение в деятельность нового общества, которому отводилась координирующая роль в чрезвычайных условиях военного времени.

1 сентября 1914 г. на заседании Комитета РТРОВО избрали Президиум, председателем которого стал В. Жуковский, вице-председателями – Г. Свенцицкий и ксёндз К. Будкевич, казначеем – Б. Ольшамовский, секретарями – Р. Квятковский и Я. Бархвиц.¹³ В качестве постоянно действующего рабочего органа РТРОВО было создано Исполнительное бюро.¹⁴ Устав Общества помощи жертвам войны был утвержден петроградским градоначальником, генерал-майором князем Оболенским. Целью Общества объявлялось «оказание помощи и содействия непосредственным и посредственным [то есть косвенным – *Т.С.*] жертвам войны» (§ 1 Устава). Для достижения этой цели Общество имело право предоставлять пособия семьям военнослужащих, оказывать

¹¹ Устав Общества вспомоществования бедным семействам поляков, участвующим в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий. Пг., 1914. 7 с.

¹² *Dziennik Petrogradzki*. 1914. 31. VIII (12. IX).

¹³ *Tamże*. 3 (16). IX.

¹⁴ *Tamże*. 1 (14). X.

помощь и материальную поддержку пострадавшему от военных действий бедствующему населению, собирать средства для создания приютов-очагов для детей запасных, призванных на войну, подыскивать работу для нуждающихся, а также «учреждать, содержать и поддерживать всякого рода учреждения, вызываемые нуждами военного времени» (§ 3). Деятельность Общества распространялась на всю Российскую империю (§ 2).

Сообщение о легализации общества было опубликовано во всех польских газетах империи и во многих российских изданиях. К концу 1915 г. РТРОУ стало самой массовой и распространенной польской организацией на территории России, у него было около 200 отделений в разных городах империи. Главный Комитет Общества находился в Петрограде.

Беженцы были постоянной и все усложняющейся заботой РТРОУ. В самый пик наплыва беженцев, в сентябре 1915 г. в Петрограде была создана комиссия с целью сотрудничества и разделения труда между отдельными польскими организациями. В соответствии с этим разделом РТРОУ должно было организовать приюты для детей, убежища для матерей с детьми, школы ремесел, дома труда, ясли, кухни и чайные, выделять пособия, обеспечивать одеждой и создать бюро посредничества (биржу) труда. Дамский Кружок при Римско-католическом Благотворительном Обществе должен был заботиться об одиноких женщинах, Р.-к. Общество охраны женщин – организовать опеку над интеллигенцией, гимнастическое общество «Польский Сокол» – бursy (общекития) для мальчиков и девочек, обществу «Промень» («Луч») поручалась опека над рабочими, Р.-к. Обществу св. Винцента из Пауло – над инвалидами и престарелыми. Союз польских врачей и естествоиспытателей курировал госпиталь, Польская Матица школьная – дела образования. Дежурствами на вокзалах руководил А. Смолинский, неотложные пособия распределяли кс. Тшецяк и пани Берсонова, секцией оптовых поставок продовольствия руководил п. Сенкевич, а инспекторской комиссией по проверке городских приютов и убежищ – член Госсвета Ч. Карпиньский.¹⁵ Именно РТРОУ осуществляло руководство всей полнотой опекунского дела в столице, а все другие петроградские польские организации помогали в реализации этих задач.

Еще в конце августа 1914 г. был создан Комитет опеки над ранеными солдатами-поляками в Петрограде (председатель А. Яблоньская). 124 польки отклик-

¹⁵ Tamże. 1915. 9 (22). IX.

нулись на призыв помогать раненым в госпиталях, они стали госпитальными и участковыми (по районам города) опекунами. Для работы в польском госпитале были организованы курсы сестер милосердия при «Огниске Польском» под руководством д-ра Федоровича-Ведера, на которые записались 112 чел. Группа женщин под руководством А. Гноиньской «на широкую ногу» занялась шитьем белья для выписывающихся из госпиталей солдат, а также сбором пожертвований для раненых (деньги, вещи, чай, сахар, табак, газеты и книги, преимущественно религиозного содержания)¹⁶. С середины сентября 1914 г. до 26 мая 1915 г. было роздано солдатам-соотечественникам в госпиталях и выслано военнопленным-соотечественникам (при помощи Общества опеки над военнопленными-славянами) 3.875 комплектов белья, а также отдельно 520 рубашек, 1540 пар перчаток, 300 шарфов (кашне), 1000 пар портянок, жилеты гарусные, сердаки (расшитая безрукавка карпатских горцев) на вате, папиросы и т. д.¹⁷

В Петрограде был создан и первый польский госпиталь в России, организатор – Союз польских врачей и естествоиспытателей, но пожертвования на него собирались всей петроградской колонией. Открытие и освящение госпиталя состоялось 7 сентября 1914 г. Здание из 24 комнат, с садом и прилегающим участком, по Кронверкскому пр., 31, предоставил инженер-технолог В. С. Дойников. Госпиталь на 50 коек работал всю войну, был хорошо оборудован – имелись операционная, амбулатория, аптека (лекарства пожертвованы хозяйкой первой женской аптеки, дипломированным фармацевтом А. Лесневской), дезинфекционная, стоматологический кабинет (создан клиникой Х. Вонгл-Свидерской), столовая, библиотека (под руководством Л. Робовской), канцелярия, склады белья, одежды, продуктов питания, баня, курительная комната, помещения для сестер и для прислуги, кухня и часовня.¹⁸ Руководство госпиталя в разное время составляли проф. д-р С. Залеский, проф. д-р Ю. Земацкий, доц. д-р З. Совиньский, д-р Я. Федорович-Ведер, д-р Э. Падеревская, а также общественные деятели петербургской Полонии Б. Огулевич, Г. Свенцицкий, Я. Жарновский, С. Корсак, Ф. Пекарский, ксендзы Тцецяк и Будкевич и др.¹⁹

¹⁶ По матер.: Dziennik Petrogradzki. 1914. IX – XI.

¹⁷ Tamże. 1915. 2 (15). III.

¹⁸ Tamże. 1914. 10 (23). IX; 21. IX (4. X); 1 (14). X.

¹⁹ Tamże. 1914. 4 (17), 7 (20). IX; 7 (20), 15 (28). XI; 1915. 13 (26). III.

Польский госпиталь работал под эгидой Красного Креста и принимал раненых без различия национальности и вероисповедания. Об этом свидетельствуют польские, русские, еврейские, украинские, литовские, белорусские фамилии пациентов, а также тот факт, что непосредственно в госпитале были награждены Георгиевскими крестами раненые Юзеф Игнатович, Владислав Павлович, Павел Рябков, Болеслав Корчак, Петр Богуцкий, Станислав Винярский, Станислав Юкнас, Казимир Венцкус, Станислав Ванцыс, Павел Мороз, Антони Лукьянович, Митрофан Гойдзин, Люциан Колосовский, ГубайдуллаХабхизуллин, Леонид Ефименко и МатеушСливко²⁰. В то же время нахождение польских раненых в госпитале позволяло оказывать им не только медицинскую помощь, но и утешать духовно, через общее вероисповедание и родной язык.

В декабре 1915 г. высоких наград были удостоены медицинские работники польского госпиталя – постоянный врач-хирург д-р Эмилия Падеревская была награждена почетным знаком Красного креста для врачей, а медицинские сестры Мария Закревская, Мария Здзярская и Зофья Носович – медалями св. Анны²¹.

В марте 1918 г. в Петрограде был открыт еще один польский госпиталь на 420 коек, по адресу Галерная ул., 69 – Английская наб., 68.²² В августе этот Центральный польский эвакуационный госпиталь перешел в ведение советского Комиссариата по делам пленных и беженцев (Компленбежа)²³.

По данным петроградского еженедельника «Sztandar», в мае 1915 г. в столице и пригородах действовало 36 учреждений для беженцев:

«Центральный приют, Регистрационный приют, несколько общежитий для молодежи обоего пола, детские приюты и ясли, мастерские, училище по изготовлению игрушек, приют для матерей, приют для интеллигенции, дома опеки, бесплатные квартиры, студенческие квартиры, швейные мастерские, приют для солдат, рабочий дом, богадельни, студенческая столовая, медицинский изолятор, семейный приют ... бюро денежных пособий и ссуд для интеллигенции, оптовый склад, секции медицинская, студенческая, приют-

²⁰ Tamże. 1915. 7 (20). II; 11 (24). IX.

²¹ Tamże. 1915. 6 (19). XII.

²² Czyn. 1918. № 3. 3.III. S. 8; № 5-6. 7. IV. S. 11-12.

²³ Северная коммуна. 1918. 25 авг.

ская, одежды, юридических консультаций, бюро паспортов и корреспонденции, регистрационное, срочных денежных пособий, переписки с заграницей, поисков пропавших людей, устройства на работу, огромная бухгалтерия, кассы, секретариат управления».²⁴

В связи с возрастанием объема работы в сентябре 1915 г. было создано Петроградское отделение Общества помощи жертвам войны. Таким образом, в Петрограде одновременно работали Главный (Центральный) комитет (Централь) и Петроградское отделение РТРОУ. Их руководителями в этот период были: ЦК – председатель В. Жуковский, заместитель – В. Равич-Щерба («душа общества», по определению К. Недзвецкого²⁵). Председателем Комитета Петроградского отделения стал Ч. Карпиньский, вице-председателями – Б. Гродзецкий и инженер Ю. Зябицкий. Членами комитета были также Л. Пекарская, А. Лесневская, д-р З. Садовская, кс. Тшецяк и др.²⁶

В декабре 1915 г. Петроградское отделение РТРОУ отчиталось за несколько месяцев своей работы. Отдел приютов, убежищ, бурс (руководитель Ю. Зябицкий) насчитывал 29 институций, оказывающих материальную и моральную помощь 2353 чел. Планировалось открыть еще 8 приютов на 600 чел.

Отдел денежных субсидий, бюро труда и полицейско-железнодорожный отдел (В. Вильке) выдавал в целом от 300 до 1500 руб. в день 80 – 100 самым нуждающимся просителям, 50–60 талонов на одежду, около 15 – на обувь. В бюро труда ежедневно поступало в среднем до 38 запросов, работу получали почти все. Отдел выдавал по 50 свидетельств в день для получения паспортов, 20 удостоверений личности, 40-50 железнодорожных билетов. Ежедневно 100 – 110 человек обращались с заявлениями о поисках семьи.

Белье, одежду и обувь распределяла также специальная секция под руководством Новодворской и Сомера. С 14 августа по 30 ноября секция распределила 3676 ордеров, было выдано в целом 25226 штук одежды и белья. Клиентуру секции составляли 42 % женщин, 38 % детей и 20 % взрослых мужчин.

Санитарно-врачебная секция под руководством д-ра З. Садовской обслуживала три амбулатории, где получали помощь около 1500 чел. в месяц, а также осуществляла опеку над рядом убежищ и приютов.

²⁴ Цит. по: Базылёв Л. Поляки в Петербурге. СПб., 2003. С. 421, прим. к гл. XI.

²⁵ Там же. С. 421.

²⁶ Dziennik Petrogradzki. 1915. 15 (28). IX.

Бюро труда для интеллигенции было создано и работало на личные средства М. Левестамовой. В бюро до 20 ноября обратилось 686 чел., место было предложено 443 чел., получили место 297, не сделано предложений 243 чел., но 124 из них не имели никакой квалификации.

Юридическая секция из 58 чел. (руководители К. Недзвецкий и В. Минькевич) давала бесплатные консультации 3 раза в неделю, решала до 25 дел в день.

Просветительский отдел был полностью доверен «Матице школьной», под общим руководством ее председателя проф. С. Пташицкого. При материальной помощи отделения РТРОУ было открыто среднее учебное заведение для мальчиков (220 учащихся), а также 14 начальных школ, где учились около 1500 детей.

Опекунская секция под руководством М. Пиотровского занималась опекой над беженцами, которые из-за недостатка убежищ РТРОУ были размещены не в польских приютах, а в городских или частных.

Регистрационная секция (руководитель п. Нелепец) занималась выделением польских беженцев из общей массы, собирала статистические данные о численности приехавших и оставшихся в Петрограде беженцев.

Секция железнодорожных дежурств (п. Пржецлавский) оказывала помощь и предоставляла необходимую информацию прибывающим в Петроград беженцам. Дежурства происходили на Варшавском и Николаевском вокзалах и на ст. Сортировочная Николаевской железной дороги.

Академический отдел назывался так потому, что в нем работала исключительно учащаяся молодежь – более 250 чел., которые выполняли самые разные поручения, в том числе разовые. При этом в опекунской секции было занято 40 чел., регистрационной – 15, просветительской – 45, а текущими делами занимался «резерв» – 60 чел.

В самом конце года появилась новая секция – «Pogotowie Ratunkowe dla dzieci» (Скорая помощь, или Спасательная служба для детей) под руководством графини Собаньской с участием молодежи.²⁷

8–9 (21–22) августа 1915 г. в Москве состоялся всероссийский съезд польских организаций помощи жертвам войны. Инициатором и организатором съезда был председатель Польского Комитета помощи жертвам войны в Москве, адвокат А. Ледницкий. Председателем съезда избран В. Жуковский,

²⁷ Tamże. 1915. 23.XII. (1916. 5.I).

вице-председателем – А. Бабяньский и депутат Думы Г. Свенцицкий – все из Петрограда; по желанию собрания в президиум вошел также А. Ледницкий. Как почетный гость к столу президиума был приглашен ксёндз каноник К. Будкевич. Петроград также представляли: С. Филипковский, С. Будкевич и Ф. Цихецкий (от «Променя»), издатель газеты «Dziennik Petrogradzki» («Петроградская газета») Б. Огулевич, проф. д-р С. Залеский, издатель журнала «Głos Polski» («Польский голос») Х. Левестам и публицист того же издания В. Барановский²⁸.

В принятой общей резолюции съезд констатировал:

«... эвакуация поставила польское население в чудовищное положение, и принимая во внимание интересы государства ...правительство обязано полностью возместить причиненный изгнанникам ущерб, а российское общество – уяснить для себя эти обстоятельства и вытекающие из них обязанности сотрудничать с польскими организациями помощи изгнанникам посредством абсолютного гостеприимства для обездоленных бездомных.<> Съезд обращается ко всем польским организациям в Российской империи, чтобы во имя общих национальных интересов они поспешили с материальной и моральной помощью для сотен тысяч изгнанников и в соответствии с требованиями съезда стремились к сохранению этой части народа для будущей единой отчизны»²⁹.

Также в резолюции содержалось принципиальное положение о единстве польского народа: «Поляки никогда не делили свою родину на три части и всегда считали себя одним народом. Надеемся, что и русский народ согласится с этим и не будет делить поляков на подданных российских, немецких и австрийских».

Резолюция юридической секции «О гражданских пленных» конкретизировала этот принцип: «В вопросе помощи для гражданских пленных съезд, учитывая, что польский народ, независимо от принадлежности к тому или иному государству, составляет единое целое, и на основании того, что польские гражданские пленные должны пользоваться льготами для пленных славян, постановляет: 1) совет съездов должен осуществлять опеку над гражданскими пленными поляками наравне с остальными польскими изгнанниками и организо-

²⁸ Tamże. 1915. 11 (24). VIII.

²⁹ Tamże.

вать комиссию по делам гражданских пленных; 2) с этой целью совет должен призвать польские организации к созданию специальных патронатов»³⁰.

Еще одна резолюция юридической секции касалась нескольких тысяч арестованных, высланных в Россию во время эвакуации Царства Польского. Все они попадали под «примечание» к ст. 1-й «Положения об обеспечении нужд беженцев» – беженцами не признавались и находились в наиболее тяжелых условиях. Между тем, среди них находилась группа молодежи в возрасте от 12 лет – членов различных гимнастических обществ, учениц и учеников польских школ. Съезд потребовал от властей «немедленного пересмотра причин ареста и степени вины и освобождения невиновных». Со стороны же польских организаций было признано целесообразным создать в Москве центральное бюро опеки над политическими заключенными, эвакуированными в Империю.

Съезд конституировал себя в качестве полномочного представителя поляков в России и обнародовал воззвание «К нашим соотечественникам в России», лейтмотивом которого была помощь беженцам: «Все, что мы сделаем для них – помните, мы делаем для Польши». Был создан Совет съездов польских организаций помощи жертвам войны со штабом в Москве во главе с А. Ледницким. От Петрограда в Совет вошли: Жуковский, Бабяньский, Свенцицкий и Ваховский³¹. Совет съездов был официально легализован Советом министров в ноябре 1915 г.³², а в сентябре 1916 г. все его организации переведены из Москвы в Петроград.

О масштабе деятельности польских опекунских организаций в России свидетельствуют выделенные для них из казны средства: в период с июля 1915 г. по апрель 1917 г. они получили через Особое совещание 53 млн 396,4 тыс. руб., в том числе: СКО – 27 млн 506,5 тыс., РТРОУ – 18 млн 425 тыс., Совет съездов – 7 млн 404,8 тыс. Дотации польским организациям составили более половины средств, выделенных для всех национальных обществ помощи.³³ На Втором съезде Татьянинского комитета (уже после Февральской революции, в апреле 1917 г.) были подведены итоги финансирования этой организации: с

³⁰ Там же.

³¹ Там же. 14 (27). VIII, 22.VIII. (4. IX).

³² Там же. 14 (27). XI.

³³ I. Spustek. Ibid. S. 187–188.

14 сентября 1914 по 1 апреля 1917 г. субсидирование различных обществ, организаций и частных лиц составило 76.151.502 руб. 37 коп., из них 49 млн руб. были выделены непосредственно местным отделениям Комитета, а *все остальные деньги – национальным организациям*. Больше всего средств получили, по убывающей: *поляки*, литовцы, армяне, латыши, русские, евреи, грузины³⁴ [курсив мой – Т.С.].

Но даже в тяжелейших условиях длительной войны польская общественность заботилась не только о физическом выживании. Требовалось сохранить и укрепить национальную идентичность, ту самую польскость, которая, несмотря на все исторические перипетии, была залогом существования единого польского народа. С этой целью продолжали свою культурно-просветительную деятельность в национальном духе все прежние польские организации Петербурга, многократно усилила и расширила свою работу Польская Школьная Матица. Более того, были созданы новые институции, ориентированные на будущее. Это Общество поддержки польского народного театра (май 1915 г.) и сам Польский народный театр – Polski Teatr Ludowy (первый спектакль состоялся в сентябре 1915 г.), Петроградское Общество охраны исторических памятников, выросшее из довоенного Кола Варшавского Общества (декабрь 1915 г.), Польское Общество любителей истории и литературы (март 1916 г.), Высшие польские курсы (сентябрь 1916 г.), Польское Общество хозяйственного возрождения края (апрель 1917 г.), Дом польской молодежи (май 1917 г.), Художественный кружок польской молодежи (май 1917 г.), Академический молодежный клуб (июнь 1917 г.), Польский народный университет (июнь 1917 г.) и др.

Польские общества периода Первой мировой войны в Петрограде спасли десятки тысяч соотечественников, сберегли для Польши ее детей и молодежь, формировали культурную среду для сохранения национальной идентичности.

³⁴ Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных действий. Пг., 1917. № 20. С. 1.

Д. А. БАЖАНОВ

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ПРЕСТУПНОСТЬ В СРЕДЕ ВОЕННЫХ МОРЯКОВ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

При изучении повседневной практики существенной задачей является выявление мировоззренческих черт. Подобный анализ, относящийся, пожалуй, к наиболее трудным научным проблемам, становится возможным с помощью источников личного происхождения.

При этом приоритетна роль именно материалов современных, т. к. воспоминания, особенно составленные через значительные промежутки времени, с одной стороны ориентированы на восстановление событийной картины, а с другой – ставят под сомнение тождественность непосредственной передачи авторами своих переживаний или «проживаний» давно минувших событий. К тому же, имея дело в повседневной практике с привычными (обыденными) явлениями, процессами, авторы мемуарных источников склонны пропускать своё отношение к ним, фиксируя изменения или события, выбивающиеся из этого «общего ряда». В то же время известную проблему представляет малое количество подобных материалов в нашем распоряжении.

Однако в нашем случае мы имеем дело с таким общественно-политическим институтом как вооружённые силы. Следовательно, характерной его чертой, как и всего имеющего отношение к функционированию государственного аппарата, является значительная регламентация. Причём, эта регламентация касалась в большой степени и организации всех сторон жизненного процесса, что объясняется тем обстоятельством, что военный, строго говоря, постоянно находится на службе. Т. е., в силу каких-либо обстоятельств, в любой момент он может быть привлечён к исполнению служебных обязанностей. Разумеется, это правило в полной мере касается периода вой-

ны. Так же упорядочивались и межличностные отношения, регулировались права и обязанности всех взаимодействующих сторон. Таким образом, именно через такое явление, как преступления, т. е. сознательное или случайное нарушение правил несения службы, закрепленных в Уставе, можно попытаться восполнить этот пробел.

Возможности такого использования преступлений в последние годы применяются военными историками, как для характеристики военной повседневности военных в годы Первой мировой войны в целом¹, так и отдельных групп вооруженных сил.²

Определенную информацию предоставляют статистические показатели количества преступлений, совершаемых на кораблях. В первые месяцы войны количество обнаруженных дел нижних чинов линкоров Балтийского флота, которыми занимались суды всех уровней, было, как и количество проступков, не велико. Известно лишь четыре случая привлечения к суду на старых линейных кораблях: 2 – на «Цесаревиче» и 2 – на «Императоре Павле I». Аналогичный показатель и по новейшим дредноутам: 2 случая было рассмотрено на «Петропавловске», столько же – на «Гангуте».³

В 1915 г. наибольшее количество дел рассматривалось в отношении экипажей линейных кораблей. Так, на 2-й бригаде было рассмотрено 44 случая.⁴ Количество дел, принятых к рассмотрению на дредноутах меньше – 30. При этом наиболее значительное дело – о выступлении матросов экипажа линейного корабля «Гангут» 19 октября 1915 г. – по своим масштабам и количеству осуждённых превзошло все остальные.⁵ Остальные соединения, базировавшиеся в 1915 г. в Гельсингфорсе, имели значительно более низкие показатели. На 2-й бригаде крейсеров было обнаружено 10 дел.⁶ На минонос-

¹ См., например: *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.

² *Напалков А.В.* Офицерский корпус Императорского флота Балтийского моря в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). СПб, 2010.

³ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.8, 29; Ф.751. Оп.1. Д. 28, 29.

⁴ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 6906, 6964, 7001, 7218; Ф. 902. Оп. 1. Д. 210.

⁵ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 6928, 6991, 7093, 7181; Ф.743. Оп.1. Д.7. Л. 85об, 132, 155; Д.21; Д.22; Д.24. Л. 5-5об, 12, 13-15, 24об-25, 56об; Ф.747. Оп.1. Д.1. Л. 43, 51, 86, 94об-96об, 101об-102; Ф.751. Оп.1. Д.52. Л. 2-3; Ф.878. Оп.1. Д.64.

⁶ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7097; Ф. 719. Оп. 1. Д. 9. Л. 2а, 3-4об, 10, 66, 68об, 70.

цах 3-го, 4-го, 5-го и 6-го дивизионов таких преступлений было принято к рассмотрению 8.⁷ На заградителях – 7.⁸

В 1916 г. практически на всех соединениях, за исключением 2-й бригады линейных кораблей, наблюдался рост количества преступлений. По этому показателю на первое мест вышли дредноуты – 41 случай.⁹ На остальных линейных кораблях зафиксировано 36 преступлений.¹⁰ Значительно возрос уровень преступности на крейсерах – 24 случая, заградителях – 11.¹¹ Члены экипажей тральных судов были осуждены 6 раз.¹² Практически на прежнем уровне остался лишь показатель по эскадренным миноносцам сторожевой дивизии – 9 преступлений.¹³

Объясняется такой серьёзный «разрыв», по нашему мнению, двумя обстоятельствами. Во-первых, характером их боевой деятельности. Полагаем, что существовала обратная зависимость между частотой выхода на задания или дежурства и количеством преступлений, т. е. чем активнее корабль или соединение использовалось в боевой обстановке, тем меньше было уголовно наказуемых дел. Подтверждает эту мысль распределение преступлений во времени: в 1915 г. на миноносцах из 8 дел 2 относятся к январю, 2 – к февралю-марту и ещё 1 к декабрю, т.е. к периоду, когда они не использовались, находясь на базе; на заградителях 1 дело пришлось на январь, 1 – на март, 1 – на ноябрь и 2 – на декабрь. На крейсерах картина выглядит ещё более ярко: в январе – 3 дела, в марте – 1, в конце ноября-декабре – 5. Этим же объясняется и отсутствие упоминаний о преступлениях на тральщиках, которые были за-

⁷ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 6861, 6896, 6908, 6924; Ф. 481. Оп. 1. Д. 3. Л. 14об, 84, 102об, 152об.

⁸ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7068, 7134; Ф. 704. Оп. 1. Д. 21, 38; Ф. 1312. Оп. 1. Д. 1. Л. 6об, 34, 34об.

⁹ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7386, 7390, 7553, 7595; Ф. 743. Оп. 1. Д. 47. Л. 50, 59, 69, 128об, 131об, 133об-135, 160об-164; Д. 57; Ф. 747. Оп. 1. Д. 3. Л. 3-6; Д. 7. Л. 48об, 69об-72, 75, 78об, 98об, 119, 137, 143; Д. 10. Л. 55; Ф. 751. Оп. 1. Д. 32. Л. 2-3; Д. 52. Л. 2-4об; Ф. 878. Оп. 1. Д. 97; Д. 98. Л. 3, 36-37, 105-106.

¹⁰ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7426, 7512, 7581, 7594, 7619, 7638; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1221. Л. 23, 64, 77-78, 87, 107; Ф. 556. Оп. 1. Д. 125.; Д. 132.; Д. 136.; Ф. 902. Оп. 1. Д. 166. Л. 13, 29, 32, 41; Д. 168. Л. 6, 9, 14, 17, 27.

¹¹ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7400, 7498, 7575, 7583, 7584, 7659; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1220. Л. 69; Д. 1221. Л. 79, 97, 107, 214, 242.

¹² Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7461; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1221. Л. 213, 214, 243.

¹³ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7353, 7361; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1220. Л. 64, 95; Д. 1221. Л. 107, 213, 214, 242; Ф. р-790. Оп. 1. Д. 1. Л. 16об, 25, 66.

действованы практически постоянно с мая по декабрь 1915 г. Во-вторых, строгостью поддержания дисциплины, в чём особенно преуспевала 2-я бригада линейных кораблей, что мы объясняем давними традициями нахождения этих кораблей «на виду», а, значит, и необходимостью поддержания «блеска». Именно этим объясняется следование «букве закона» в тех случаях, когда этого можно было избежать. Так, если на тральщиках, крейсерах и дредноутах удалось обнаружить несколько случаев, когда за игру в карты виновные несли дисциплинарные наказания, то на линкорах-додредноутах за это, безусловно, следовало судебное наказание. На линейном корабле «Слава», как выяснилось из материалов дела о рулевом И. Красноштане и матросах II-й статьи разряда штрафованных И. Патракове и С. Романце, существовала практика содержания нижних чинов в подбашенном отделении носовой башни главного калибра с приставлением часового. По этому поводу из штаба флота на линкор 7 октября 1915 г. было направлено отношение №283/с, предписывавшее отменить такой «порядок присмотра», как «не соответствующий смыслу закона».¹⁴

Самыми распространенными являлись происшествия, связанные с конфликтными ситуациями между матросами и унтер-офицерами и, реже, офицерами, а также с неисполнением их приказаний, подпадавшие в основном под действие ст. 100, 103, 104, 105, 106 книги XVI Свода военно-морских постановлений. Согласно имеющимся данным на линейных кораблях бригады дредноутов за 1915 г. таких случаев произошло 9 (35 %), додредноутов – 17 (42 %), на крейсерах – 6 (60 %), минных заградителях – 5 (71 %), миноносцах – 2 (25 %). В 1916 г. эта группа также являлась наиболее многочисленной. На кораблях 1-й бригады линкоров обнаружено 17 случаев (41 %), 2-й бригады – 14 (39 %). Экипажи крейсеров 2-й бригады совершили 12 преступлений этого типа (50 %), заградителей – 6 (55 %), миноносцев – 3 (33 %) и тральщиков – 4 (66 %). Полагаем, что объяснить это можно особенностями службы этих соединений. Нахождение в боевых условиях, походах просто не оставляло времени и возможностей для других типов. Исключение составляют корабли сторожевой дивизии, но здесь необходимо учитывать вообще незначительное количество преступлений в пересчёте на количество кораблей.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 902. Оп. 1. Д. 210. Л. 73.

При рассмотрении данного типа случаев девиантного поведения выделяется, в первую очередь, явное соблюдение интересов «своей» группы. Проявилось это в небольшом количестве столкновений между представителями одной группы. Удалось обнаружить всего два случая. Так, 15 января 1915 г. к суду был привлечён матрос II статьи минного заградителя «Нарова» С. В. Осетрин. Поводом к началу этого дела послужила драка между этим матросом и матросом I статьи И. Семенчуком, причём С. Осетрин схватил своего противника за горло и, повалив на палубу, придушил.¹⁵ Нечто похожее наблюдалось в другом случае. 8 ноября машинисты I статьи «Петропавловска» А. Анишкин и А. Мюльберг поругались друг с другом. Причиной ссоры послужила дождевая накидка А. Анишкина, которую А. Мюльберг не отдал, т. к. не закончил свою часть работы.¹⁶

Кроме того, «корпоративную» солидарность ярко иллюстрировали и свидетельские показания привлекавшихся к расследованию преступлений. Так, упомянутые машинисты «Петропавловска» были привлечены к судебной ответственности вовсе не из-за своей ссоры. В ссору оказался вовлечен унтер-офицер I статьи Б. Кондрацкий, который попытался их разнять. За это, по его словам, Анишкин обругал его «площадными словами». Однако показания свидетелей, т.е. матроса I статьи А. Старшинова, машинистов I статьи Н. Деднёва и II статьи Ю. Барховского, изменили картину происшествия. Они дружно отмечали, что накидку унтер-офицер, «не разобрав, в чем дело», хотел отдать А. Мюльбергу. При этом все заявили, что никакой ругани со стороны А. Анишкина они не слышали. В результате, дело из области оскорбления начальника перешло в сферу дисциплинарную, т. е. конфликт между Анишкиным и Мюльбергом. Возможно, судьи не очень поверили свидетелям, поскольку приговор был очень суров: 6 месяцев военно-исправительной тюрьмы с отложением приведения его в исполнение до окончания войны.¹⁷ Аналогично развивались события при конфликте между мотористом I статьи «Севастополя» В. Кировым и боцманматом М. Козловым 16 июня 1915 г. Первый проводил уборку в церковной палубе, плохо, по мнению второго окатывая ее водой.¹⁸ Показания обоих участников о дальнейшем сильно различаются. Если по версии фельдфебеля, мат-

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 21. Л. 2-3.

¹⁶ Там же. Ф. 743. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.

¹⁷ Там же. Ф. 743. Оп. 1. Д. 21. Л. 16, 22, 15, 16 об, 17, 20, 22.

¹⁸ Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.

рос В. Киров, со словами «Проваливай!», толкнул его, а на замечание толкнул снова и ударил по лицу, то сам виновный утверждал, что боцманмат первым выругал его. А когда он взял того за рукав, то М. Козлов набросился с кулаками.¹⁹ Здесь также представляют интерес показания свидетелей. Фельдфебель 3 роты И. Тарасевич, шедший вместе с М. Козловым, заявил, что «В. Киров наткнулся на М. Козлова и толкнул его. На сделанное ему замечание он ударил М. Козлова». Однако матрос I статьи С. Афанасьев, работавший вместе с В. Кировым, отметил, что унтер-офицеры мешали производить уборку и на просьбы уйти не отреагировали.²⁰

Стремление отстаивать свои интересы касалось и случаев, касающихся отношений с офицерами. Причём, тогда согласованно действовали представители как рядового состава, так и унтер-офицеров. Кочегары «Петропавловска» 24 июля 1915 г. выстроились во время сбора, не переодев рабочую одежду. Старший офицер старший лейтенант Л.И. Буткевич решил наказать кочегаров, поставив их под ружье. Однако кочегары не подчинились приказу разойтись, потребовав вызвать своего ротного командира лейтенанта Н. Тимофеева и старшего инженер-механика капитана II ранга Г. Константинова. От имени всех наказанных действовали их непосредственные начальники, кочегарные унтер-офицеры II статьи Т. Фридрих и М. Вавилов. В данном случае, когда интересы рядовых кочегаров и их унтер-офицеров совпали, они действовали сообща. Старший офицер не пожелал слушать оправданий, приказав арестовать неподчинившихся. Впоследствии такие действия были квалифицированы командиром капитаном I ранга В.К. Пилкиным как «недостаточно продуманные». Тем не менее, случай был передан так называемому суду Особой комиссии, назначенной командующим флотом. Её председателем стал командир «Полтавы» капитан I ранга барон В.Е. Гревениц. Суровый приговор, вынесенный 10 августа, смягчил В.К. Пилкин, отметив в приказе №397 возможность предотвращения инцидента «более умелыми распоряжениями и более продуманными действиями» со стороны старшего офицера. В том же приказе старшему лейтенанту Л.И. Буткевичу был вынесен выговор.²¹

¹⁹ Там же. Л. 3-4.

²⁰ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.64. Л.5.

²¹ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.24. Л. 5,5 об.,13,15, 51; *Найда С.Ф.* Революционное движение в царском флоте. 1825–1917. М., 1948. С. 510–511.

Проблемой, провоцировавшей конфликты с офицерами было и их право перлюстрации писем матросов своих рот. 4 апреля 1915 г. лейтенант В.Я. Ясинский с «Гангута» разорвал и вернул письмо матроса II статьи С. Ясюкевича. По его мнению, оно «заключало в себе приписку условного характера». Спустя некоторое время, офицер вскрыл ещё одно письмо. Там другой рукой был написан текст, содержащий оскорбления в его адрес. После сличения почерков удалось установить, что автором являлся матрос II статьи А. Балашов, приятель С. Ясюкевича. Конверт, по его просьбе, подписал кочегар I статьи М. Марченков.²² 20 февраля 1916 г. матрос I статьи И. Ковалёв с эскадренного миноносца «Инженер-механик Дмитриев» попытался передать два личных письма, не показав их старшему офицеру. За это он был разжалован в матросы II статьи. Спустя месяц на аналогичное требование он вновь ответил отказом. За это он был отдан приказом начальника 7-го дивизиона под суд по ст.103, т. е. за «умышленное неисполнение приказа начальника». Несмотря на показания минного унтер-офицера II В. Прокофьева, утверждавшего, что матрос собирался передать письмо через него, дивизионный суд (аналог корабельного на небольших кораблях) приговорил его к 6 месяцам военно-исправительной тюрьмы, отложив всё же исполнение приговора до окончания войны.²³

Корпоративная солидарность проявляла себя и при таком довольно распространённом типе преступлений как кражи вещей и обмундирования у членов экипажа. В 1915-1916 гг. разбиралось значительное количество краж, рассматривавшихся в соответствии со ст. 169, 170 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Наибольшее количество – 8 – в 1915 г. пришлось на дредноуты. 7 раз аналогичными преступлениями занимались суды линкоров-додредноутов, ещё одним – миноносцев. В 1916 г. их количество осталось практически на прежнем уровне, однако распределяться оно стало более равномерно. 4 кражи было рассмотрено в отношении членов экипажей линкоров-дредноутов, 4 – додредноутов, 3 случая относилось к миноносцам, по 2 – к крейсерам и заградителям.²⁴ Кражи порицались и осуждались нижними

²² РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д. 74. Л. 4-5.

²³ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1224. Л. 213; Ф. 481. Оп. 1. Д. 28. Л. 15.

²⁴ См. подробнее: *Бажанов Д.А.* Кражи как элемент военной повседневности в 1914–1917 гг. (на материалах кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы) // *Наука и бизнес: пути развития.* 2012. №7 (13). С. 32–37.

чинами. Такие поступки имели, вероятно, двойную негативную оценку. Вор, во-первых, украл, и, во-вторых, украл у своего, т. е. представителя своей «касты». Служить дальше на этом же корабле им было очень трудно. Так, 12 мая 1915 г. у кочегара I статьи линкора «Петропавловск» В. Тесёмкина исчезли 10 рублей. Подозревавшегося матроса II статьи В. Близнякова суд оправдал за недоказанностью обвинения, однако «за залезание в чужие вещи» постановил арестовать на 2 суток.²⁵ Спустя месяц, В. Близняков подрался с матросом I статьи В. Сергеевым, а ещё через 2 недели – с кочегаром II статьи А. Беляевым.²⁶ Полагаем, что это было мстью за имевшее место ранее воровство. 25 февраля 1916 г. на минном заградителе «Нарова» разбирался аналогичный случай. Подозреваемого в краже матроса II статьи А. Антонова команда, согласно тексту приказа командира, капитана II ранга П. П. Палецкого «не разобрав дела, сгоряча избивала». При этом подозрения сохранились, но доказать корабельный суд ничего не смог. А. Антонов попал «под пригляд» командира.²⁷ В то же время хищения корабельного имущества, начавшиеся в 1916 г., оставляли моряков равнодушными, никаких преследований их участников не отмечено.

Другой особенностью этого типа преступлений был срок службы совершавших их людей. В шести случаях виновные являлись матросами II статьи нового призыва. Для них корабль, где они служили, и его экипаж не стали ещё «своими», т. е. преступники не чувствовали себя неотъемлемой частью команды.

Любопытную информацию дают преступления и об отношении к войне. В августе-декабре 1914 г. из 8 рассматривавшихся судами всех уровней преступлений 3 случая относятся к довоенным. Их можно классифицировать как «побеги наоборот». Во всех случаях дела рассматривались после того, как матросы, бежавшие с линкоров во время заграничных плаваний 1912–1913 гг., с началом войны из патриотических соображений возвращались обратно в Россию на те же самые корабли. Так, матрос II статьи И. Иб с «Павла» не вернулся 14 сентября 1912 г. после стоянки в Копенгагене, а матрос II статьи С. Платонов и ученик кочегара Г. Владимиров с «Цесаревича» –

²⁵ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.7. Л.132.

²⁶ Там же. Л.139,143.

²⁷ Там же. Ф.704. Оп.1. Д. 25. Л. 10-11.

2 сентября 1913 г. из Портленда. Все трое сумели устроить свою жизнь за границей, но с объявлением начала военных действий из чувства патриотизма вернулись на родину через Швецию. С. Платонов явился в жандармское отделение на станции Терийоки (Зеленогорск), а Г. Владимиров – на корабль, стоявший в это время в Гельсингфорсе. Судил их корабельный суд одновременно – 13 октября 1914 г. Матроса II статьи И. Ибу судили 30 октября.²⁸ Единственной причиной таких поступков следует считать ту, которую на предварительном дознании озвучил матрос II статьи С. А. Платонов. Он подчеркнул, что «добровольно пожелал вернуться в Россию и поступить на военную службу, чтобы воевать с германцами».²⁹ Этот процесс не прекратился в 1914 г., что доказывают возвращение в апреле 1915 г. рулевого с эскадренного миноносца «Забайкалец» В. Бодаева, бежавшего 3 сентября 1913 г. на стоянке в Христиании (Осло) или матроса II статьи «Цесаревича» И. Варблане, вернувшегося в феврале 1916 г.³⁰

Таким образом, возможности для анализа случаи девиантного поведения предоставляют самые разнообразные. Однако они в первую очередь являлись важнейшим показателем эффективности использования корабля и его экипажа. В годы Первой мировой войны корабли Балтийского флота находились в непосредственном контакте с неприятелем весьма непродолжительное время. Одновременно корабли значительный срок проводили на базах. При таких условиях сами понятия «фронт», «боевые действия» становятся более размытыми, нечёткими. С войной у моряков начинает ассоциироваться судно, на котором они служат. И чем больше экипаж был задействован в операциях, учебных или боевых, чем больше была вероятность вступления в соприкосновение с противником, тем ниже был уровень преступности. Тем самым преступность проявляет себя как индикатор того, что структура повседневной жизни приближалась к «тыловой» и уровень боевой готовности снижался.

²⁸ РГАВМФ. Ф.556. Оп.1. Д.56. ЛЛ.2-3,5,7; Д.58. ЛЛ.2,5,12; Ф.829. Оп.1. Д.64. ЛЛ.251-251об.

²⁹ Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 56. Л. 8.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Бажанов Д.А.* Русские матросы за границей в 1912–1914 гг.: побеги и дальнейшая судьба // Петербургские военно-исторические чтения. Сб. науч. статей по мат. межвуз. науч. конф. С.-Петербург, 26 марта 2013 г. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), А.В. Аранович. СПб, 2014. С. 74–83.

А. П. ДЕМЧЕНКО

Национальный университет «Одесская юридическая академия»

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В первой четверти XX в. стремление установить контроль над судоходством в Черном море являлось одной из первостепенных внешнеполитических задач царской России. Однако в этом плане у нее были конкуренты, и в частности Великобритания. Еще до начала первой мировой войны Лондон стремился усилить свое влияние на Босфор и Дарданеллы. Рядом соглашений британское правительство пыталось «нейтрализовать» Черное море с целью предотвратить проникновение военно-морского флота Российской империи в Средиземное море и таким образом помешать реализации планов российского царизма на Ближнем Востоке.

Черноморский вопрос существенно повлиял на межсоюзнические отношения стран Антанты после падения монархии в России. Продолжателем политики установления российского контроля над черноморскими проливами выступило сформированное Государственной Думой Временное правительство. Вопрос Босфора и Дарданелл был напрямую связан с общим решением судьбы соглашений, заключенных Россией с союзниками до Февральской революции 1917 г., по которым проливы после войны должны были принадлежать России. Министерство иностранных дел Временного правительства во главе с П. Н. Милюковым выбрало тактику, суть которой заключалась в передаче достижений царской дипломатии под защиту союзников, и в первую очередь Лондона. Это привело к некоторому усилению при Временном правительстве британского крена внешней политики.

В начале марта 1917 г. посол Великобритании в Петрограде Дж. Бьюкенен получил шифро-телеграмму от министра иностранных дел А. Бальфура с зада-

нием выяснить и доложить о том, не откажется ли новое российское правительство от политики его предшественников по экспорту зерна из России в Великобританию и Францию. Глава Форин-офис советовал намекнуть министрам Временного правительства, что всякое изменение этой политики, неприятное для союзников, неизбежно отразится на экспорте военного снаряжения в Россию¹. Под угрозой оказались торговые сделки и военные обязательства. Все они требовали официального подтверждения. Исходя из этого Временное правительство в специальных постановлениях от 17 и 21 марта 1917 г. подтвердило все обязательства царского правительства². Получив удовлетворительный ответ, официальный Лондон признал 22 марта де-факто новое российское правительство³, и со своей стороны пообещал опубликовать заявление о своих обязательствах соблюдать заключенные ранее с Россией договоренности⁴.

Несмотря на объявление соблюдения военных обязательств, во Временном правительстве, однако не было единства по установлению российского контроля над черноморскими проливами. Это было известно дипломатическим представителям Великобритании в Петрограде. Еще в начале деятельности Временного правительства Лондон был потрясен заявлениями министра юстиции А. Ф. Керенского, что России нужны не сами Черноморские проливы, а свобода плавания в них, лучшей гарантией чего была бы их интернационализация⁵. Данное заявление было воспринято британскими СМИ как сокращение претензий России к Османской империи⁶. Пытаясь срочно дезавуировать заявления А. Ф. Керенского, П. Н. Милюков отправил 29 марта 1917 г. в Лондон телеграмму. Глава российского МИДа просил поверенного представителя К. Д. Набокова объяснить британскому общественному мне-

¹ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. М.-Л., 1927. Т.5 (24). С. 117.

² Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1925–1926. Т. I. С. 466.

³ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 224.

⁴ Константинополь и проливы. С. 471.

⁵ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1923. С. 72; Knox A. With the Russian Army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. L., 1921. Vol. 2. P. 576–577.

⁶ Константинополь и проливы. С. 468.

нию, что его коллега высказал лишь свое частное мнение⁷. В свою очередь, П. Н. Миллюков требовал от союзников подтвердить свою верность соглашениям, заключенным с царским правительством.

Лондон, хотя и был раздражен непоследовательностью Временного правительства⁸, однако был уверен относительно способности России продолжать войну. Чтобы стимулировать Временное правительство соблюдать военные обязательства, 30 марта 1917 г. А. Бальфур сообщил К. Д. Набокову, что его правительство будет придерживаться своих обещаний, которые оно дало при заключении соглашений с Россией. Однако, несмотря на это, Временное правительство опубликовало 9 апреля 1917 г. декларацию по военным задачам России, которые в корне отличались от заявлений П. Н. Миллюкова. В данной декларации подчеркивался отказ России от стремления присоединить чужие территории⁹.

Указания декларации на то, что Россия стремится к миру «без аннексий и контрибуций», были восприняты британскими СМИ, как отказ от прав на Стамбул и другие территориальные приобретения, достигнутые соглашениями¹⁰. Дело не ограничилось только выступлениями прессы. Активность в выяснении позиции Временного правительства по проливам развернул Дж. Бьюкенен. Во время разговора 23 апреля 1917 г. с министром финансов М. И. Терещенко Дж. Бьюкенен узнал, что тот хотел бы, чтобы Стамбул был превращен в свободную гавань, в которой Россия пользовалась бы некоторой распорядительной властью. В результате этого британский посол сделал вывод, что М. И. Терещенко склонялся к пересмотру союзных соглашений по Малой Азии, и их конечной целью должно стать предотвращение всякой возможности проникновения на Ближний Восток Германии. Исходя из этого положения Дж. Бьюкенен заметил, что раз России не нужен Стамбул, то чем быстрее она это заявит, тем будет лучше. М. И. Терещенко же возразил, что Временное правительство не уполномочено отказываться от обещанных Рос-

⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470. Д. 158. Л. 3; Константинополь и проливы. С. 475.

⁸ Warth R.D. The allies and the Russian revolution. From the fall of the monarchy to the peace Brest-Litovsk. Durham, 1954. P. 46.

⁹ Константинополь и проливы. С. 476–477.

¹⁰ The Times. 1917. April 9. P. 5.; The Times. 1917. April 11. P. 6.

сии территорий, пока не убедится в желании народа по этому поводу¹¹. Вышеуказанные беседы Дж. Бьюкенена не принесли желанных результатов. Лондону все же не удалось разъяснить для себя новые военные задачи России. Несмотря на то, что в тексте декларации не упоминались Стамбул и проливы, члены британского военного кабинета на заседании 11 апреля 1917 г. по тону этого официального заявления сделали вывод, что Временное правительство отказывается от своих предыдущих требований относительно данных территорий¹².

Форин-офис требовал четкого подтверждения курса России на продолжение войны. Лондон сделал заявление, что он не может принять принцип «мира без аннексий и контрибуций» и отказаться от сохранения за собой уже завоеванных или тех, которые он желает оставить за собой в соответствии с заключенными соглашениями, территорий. По поводу же планов Временного правительства установить контроль над проливами, то согласно сообщению К. Д. Набокова, то, что российские левые партии называли «империализмом», в Лондоне трактовали как государственную точку зрения относительно интересов России¹³.

В результате 1 мая 1917 г. К. Д. Набоков получил от П. Н. Милюков сопроводительную ноту к декларации, изданной 9 апреля 1917 г. в которой утверждалось, что Временное правительство будет полностью соблюдать договоренности заключенные с союзниками¹⁴. Такое утверждение было воспринято в Лондоне, как стремление Временного правительства сохранить действующую систему межсоюзнических соглашений. В России же данная нота привела к политическому кризису во Временном правительстве. Под давлением уставших от войны солдат и рабочих в начале мая 1917 г. П. Н. Милюков подал в отставку. Великобритания же в данной ситуации повела себя довольно спокойно. Так, 22 мая 1917 г. российский военный представитель в Лондоне генерал К. М. Десино телеграфировал в генштаб русской армии о том, что правительст-

¹¹ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 243.

¹² The Great Britain National archive. Public record office. Cabinet papers 23/2. War Cabinet 117. 1917, April 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf> P. 105.

¹³ Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел / Под. ред. Е.А. Адамова. М.: Литиздат НКВД, 1925–1926. Т. I. 547 с. С. 481.

¹⁴ Константинополь и проливы. С. 485–486.

венный кризис явно показал истинные чувства Великобритании к России. Последняя отныне стала расцениваться, как неспособная выполнить свои обязательства¹⁵.

Отказ России от захвата чужих территорий был на руку правительству Великобритании. В таком случае у него появлялась возможность побудить Османскую империю к выходу из войны. 1 мая 1917 г. имперский военный кабинет заслушал меморандум генерала Я. Смутса о положении на фронтах. Подчеркивая необходимость выведения Османской империи из блока Центральных держав, генерал Я. Смутс утверждал, что такой план может стать вполне реальным, если российское правительство определенно откажется от своих прав, определенных в соглашении Сайкс-Пико. Вместе с этим, опасаясь опасности выхода России из войны со всеми вытекающими последствиями, генерал Я. Смутс предлагал до прояснения ситуации на фронтах не ставить открыто вопрос об отказе России от турецких территорий¹⁶. Это предложение было принято во внимание и подлежало согласованию с Францией.

Схожей точки зрения придерживался Дж. Бьюкенен. Перед участниками демонстрации у британского посольства в Петрограде 4 мая 1917 г. он напомнил демонстрантам, что его страна воюет не ради завоеваний, а для достижения торжества права и справедливости¹⁷. Однако, во время разговора с М. И. Терещенко 7 мая 1917 г. на просьбу обратиться от имени своего правительства с предложением нейтрализации Стамбула, Дж. Бьюкенен заявил, что если бы он это сделал, Великобританию обвинили бы в вероломстве¹⁸. Несмотря на попытки Дж. Бьюкенена скрыть истинные задачи своего правительства, большинство российских газет начали настойчиво обвинять Великобританию в ведении империалистической войны. Об этом в частности сообщил 7 мая 1917 г. А. Ф. Керенскому Дж. Бьюкенен. А. Ф. Керенский согласился с тем, что некоторые из этих нападок заходят слишком далеко, однако Временное правительство по его словам не могло нарушить свободу слова. А. Ф. Керенский предложил Дж. Бьюкенену обратиться к своему правитель-

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф.134. Оп. 473. Д. 198. Л. 63.

¹⁶ *Lloyd George D. War Memoirs. L., 1938. Vol.1. P. 912; Selections from the Smuts papers. N-Y., 1966. Vol. III. P. 485–486.*

¹⁷ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 753.

¹⁸ *Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. С. 248.*

ству с предложением, проявить готовность последовать примеру России, которая отказалась от Стамбула¹⁹.

Учитывая опыт своего предшественника, новый глава российского МИДа М. И. Терещенко пытался в публичных декларациях подчеркивать, что Временное правительство не стремится к насильственному захвату чужих территорий²⁰. Ссылаясь на очередную декларацию Временного правительства от 19 мая 1917 г., в которой провозглашалось стремление России как возможно скорее достичь всеобщего мира «без аннексий и контрибуций»²¹, он объяснил союзникам, что она ни в коей мере не затрагивает их задач. Новая декларация Временного правительства от 19 мая 1917 г. была встречена Лондоном с явным недовольством. Еще до ее опубликования, 17 мая 1917 г. британский парламент посвятил ее обсуждению специальное заседание. Социалистом Ф. Сноуденом было предложено палате общин выразить приветствия декларации Временного правительства, которое отказывалось от всех империалистических завоеваний и увеличения территории. Его поддержал депутат Л.Смит, высказавшийся за мир без аннексий и контрибуций.

Выступая на данном заседании, заместитель главы Форин-офис Р. Сесил заявил, что не стоит отказываться от проведения аннексий, если они означают возвращение всякой территории, занятой военной силой во время войны, ее первым владельцам. Р. Сесил доказывал, что Великобритания начала войну, не имея в виду никаких империалистических завоеваний. Однако как только война началась и появилась возможность перекроить карту мира под видом освобождения народов, то, по его мнению, не было смысла от этого отказываться. Ф. Сноуден в свою очередь выразил мнение, что соглашение о присоединении Стамбула к России стало причиной русской революции. Р. Сесил же отметил, что по имеющейся у него информации о событиях в России, сложно представить себе что-нибудь ужасающее.

Обсуждение продолжил экс-премьер Г. Асквит, развив мысль Р. Сесила по поводу аннексий в целую теорию с целью подробно разъяснить формулу мира «без аннексий и контрибуций». Г. Асквит заявил, что слово аннексия

¹⁹ Там же. С. 249.

²⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 134. Оп. 473. Д. 212. Л. 15; Вестник Временного правительства. 1917. 9 /22 мая. С. 3.

²¹ Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 229.

можно употреблять в четырех значениях и соответственно преследовать четыре задачи. Во-первых, в значении освобождения поработанных и угнетенных народностей от деспотизма и страданий. Во-вторых, аннексия вполне допустима для объединения искусственно разделенных народов. В-третьих, аннексия является, безусловно оправданной, если она вызвана стратегической необходимостью. Только от четвертого вида аннексий, которые осуществлялась ради территориальных приобретений и расширения политического и экономического влияния, Г. Асквит отказывался и требовал применить обсуждаемую формулу только в ограниченном смысле. Экс-премьер выразил уверенность, что Временное правительство присоединится к такой точке зрения и не станет протестовать против первых трех видов аннексий. В таком случае, отмечал Г. Асквит, ни одна из союзных стран не будет ни осуществлять подобные аннексии, ни их оправдывать. Большинством голосов 238 против 32 палата общин отклонила внесенную одним из депутатов социалистов резолюцию, которая предлагала отказаться от всевозможных завоеваний и опубликовать декларацию, которая совпадала бы с задачами России²². В результате, 24 мая 1917 г. в телеграмме М. И. Терещенко Р. Сесил сообщал, что Лондон вступил в войну не ради завоеваний, а для защиты свободы, права и справедливости²³. Несмотря на данные заявления, в телеграмме от 10 июня 1917 г. К. Д. Набоков сообщал М. И. Терещенко, что в противовес задачам Временного правительства, в Лондоне была разработана формула «возврата, возмещения, гарантии»²⁴.

Заявления Временного правительства и Форин-офиса в первую очередь были направлены на улучшение своего восприятия общественностью, как собственной страны, так и союзной. Приветствуя отказ России от ее предыдущих захватнических амбиций, правительство Великобритании в свою очередь, однако не собиралось поступать подобным образом и отказываться от ряда территорий, определенных межсоюзническими соглашениями. В Форин-офисе понимали, что Временное правительство лишь спекулирует на предложении о пересмотре военных задач, не пытаясь его реализовать. Тем не менее, британские политики решили поставить своих российских коллег

²² Архив внешней политики Российской империи. Ф.134. Оп. 473. Д. 198. Л. 49–51; Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 152.

²³ Одесские новости. 1920. 22 января / 4 февраля. С. 4; Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. С. 157.

²⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф.134. Оп. 473. Д. 198. Л. 73.

на место, с целью защитить себя от лишних нареканий, отвести от себя обвинения в аннексионистских стремлениях, и заодно дать Временному правительству понять, чтобы оно не слишком переигрывало пацифистскую роль. Лондон не возражал против того, чтобы Временное правительство в одностороннем порядке отказалось от данных ему союзниками обещаний, а также побуждал его к этому. Доказательством чего являлась кампания за пересмотр соглашений о проливах, начатая в мае 1917 года²⁵. Расчет британских дипломатов оказался верным. Принципиальное согласие Лондона на обсуждение и пересмотр военных задач поставило Временное правительство в крайне сложную ситуацию. Его дипломаты, несмотря на свои демократические и миролюбивые декларации хотели сохранить, по крайней мере, свои позиции в вопросе Стамбула и проливов. Однако при этом не решались откровенно об этом заявить, несмотря на рост в России антивоенных настроений.

В результате провала наступления русской армии на Восточном фронте в июне-июле 1917 г. Лондон окончательно выяснил для себя, что Россия не может претендовать на обещанные ей Стамбул и проливы. Британские дипломаты в очередной раз обратилась к Временному правительству с предложением пересмотреть союзнические соглашения. Точку в отношениях Лондона с Временным правительством, поставили большевики, которым удалось 7 ноября 1917 г. свергнуть Временное правительство и провозгласить советскую власть в России. Такой ход событий в России с одной стороны был выгоден для Лондона. Неопределенность Временного правительства относительно военных задач длительное время не позволяла Лондону побудить Османскую империю заключить сепаратный мир. Свержение Временного правительства и приход к власти большевиков, провозгласивших мир без аннексий и контрибуций, создало прецедент для Великобритании в определении будущего статуса Стамбула и проливов, без участия России. Однако, с другой стороны перед Лондоном в результате очередной смены власти в России, встал острый вопрос удержать Россию в войне и не допустить прорыв Германии на Восточном фронте. Отношения же Великобритании с правительством В. И. Ленина по военным задачам приобрели иной характер, чем с Временным правительством, и требовали немедленных решений.

²⁵ Губский Н. Революция и внешняя политика России: (Собрание материалов). М., 1917. С. 45. Одесский листок. 1917. 28 мая / 9 июня. С. 4.

О. В. АНДРЕЕВА

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ВОЙНА КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Война всегда является драматическим феноменом в истории. Она нарушает естественный ход исторических процессов, изменяет судьбы государств, народов, отдельных личностей, ломает сложившиеся устойчивые стереотипы, представления и ценности. Оказывая мощное воздействие на все сферы жизни, в том числе, духовные процессы, война получает от них обратные импульсы. Поэтому ее конечный результат всегда непредсказуем. В начале третьего тысячелетия, когда стремительно меняется мир и складывается новый миропорядок, характеризующийся опасностью военных катастроф, опыт войны 1812 г. и первой мировой войны во всех его проявлениях имеет непреходящее значение. Сохранение исторической памяти о драматических событиях тех лет является гарантом духовной зрелости и нравственных устоев в современной России.

Война 1812 г. стала частью общемировых процессов. На рубеже XVIII–XIX столетий мир претерпел глубочайшие изменения, связанные с победой североамериканских штатов в борьбе за независимость и Великой Французской революцией. Эти эпохальные события отражали прогрессивный вектор истории: переход от устаревших, монархических форм жизни к новому буржуазному строю. Ценности формирующегося буржуазного общества воплотились в американской Конституции 1787 г., Билле о правах 1791 г., французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. Эти документы, в основе которых лежали идеалы Просвещения, произвели колоссальный переворот в умонастроениях людей. Однако происходившие процессы несли в себе серьезные противоречия, которые обнаружились уже в эпоху наполеоновских войн. Несоответствие целей и результатов буржуазных революций,

их лозунгов и исторических реалий, идеалов свободы и захватнических войн порождали смятение в душах людей. Исторические катаклизмы, происходившие в обществе, не поддавались разумному объяснению и являли собой пример трагичной антиномии мира.

Еще одним подтверждением тому стала война 1812 г. С самого начала она приняла для русского общества справедливый, освободительный характер и тем самым получила от него мощный духовный импульс. В этой войне крепостническая Россия, лишенная союзников, столкнулась с объединенной армией Западной Европы. Многим казалось, что армия Наполеона, представлявшая «культурный Запад», быстро разгромит «варварскую» Россию. На этом тезисе строилась официальная наполеоновская пропаганда. Пропагандистская машина Франции накануне вторжения создавала образ врага, используя ложные стереотипы и подмену понятий. Русские в этой схеме объявлялись «варварами», которым извечно был присущ «агрессивный дух», опасный для судеб европейской цивилизации. Стойкость русского солдата объяснялась его низким социальным и духовным статусом, а религиозность – фанатизмом¹. Формируя у солдат высокомерное и пренебрежительное отношение к противнику, наполеоновская пропаганда внушала им идею превосходства западноевропейской культуры над русской.

Война сломала ложные образы и стереотипы и показала варварство завоевателей. Вторгаясь в Россию, Наполеон недооценил масштаба этой «загадочной» страны. С самого начала война приняла для него неожиданный характер. Надеясь на быструю победу в приграничных сражениях, Наполеон втянулся в маневренную войну. Стараясь избежать угрозы голода на бескрайних просторах России, он пытался решить проблему провианта за счет населения. Однако эти планы провалились. В русских деревнях предпочитали уничтожать посевы, запасы продовольствия и фуража, нежели оставлять их неприятелю. Случаи сотрудничества с армией вторжения не имели массового характера. Это была принципиально новая ситуация по сравнению с Западной Европой, где местное население практически не оказывало сопротивления наполеоновским войскам.

Лояльность к Наполеону была характерна лишь для западных земель, вошедших в состав России после разделов Польши. Здесь сохранялись устой-

¹ Земцов В.Н. Французы в России в 1812 году // Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М. РОССПЭН, 2005. С. 240.

чивые антирусские настроения, значительным влиянием пользовались католическая и униатская церкви, а местная шляхта поддерживала наполеоновский режим. Войну 1812 г. в западных губерниях рассматривали, скорее, как исторический шанс воссоздать единое Польское государство с помощью Наполеона и обрести независимость от России. Даже православная церковь в лице своих служителей, учитывая слабые позиции среди населения, пошла на сотрудничество с неприятелем. Святейший Синод констатировал, что 2/3 духовенства могилевской епархии учинили присягу на верность Наполеону. Архиепископ Витебский и Могилевский Варлаам повелел по всей епархии в благодарственных молебствиях ко всевышнему вместо императора Александра поминать Наполеона. В Подолии и на Волыни священники раздавали прихожанам текст молитвы «Отче наш», где вместо обращения к Богу стояло имя французского императора².

Иной была ситуация в традиционно русских губерниях. Святейший Синод в особом послании благословил народ на защиту Отечества. В храмах служили молебны о победе русского оружия. Молитвенная защита русской земли была для нее спасительной. По мере продвижения вглубь страны армия Наполеона, лишенная продовольствия и фуража, стала совершать акты мародерства. Массовый характер это приняло после Смоленского сражения. Грабеж затронул как материальные, так и духовные ценности. Разграблению и осквернению подвергались монастыри и церкви. В Смоленской и Московской губернии иконы пускали на дрова, лики святых использовали в качестве мишеней для стрельбы. Храмы превращали в магазины, конюшни и скотобойни, а священников нередко предавали казни³.

Бесчинства завоевателей достигли апогея в захваченной Москве. Пожар унес 3/4 построек города, жизни тысяч горожан и тяжелораненых солдат. Сгорел университет и многие усадьбы с их уникальным достоянием. Погиб единственный экземпляр «Слова о Полку Игореве» из собраний Мусина-Пушкина. Беспрецедентный пожар разграбленной и обезлюдевшей Москвы, в которой Наполеон безрезультатно ожидал подписания мира, стал культурной катастрофой. Соотечественники, воспитанные на французской культуре, тяжело переживали душевный перелом. Их чувства выразил поэт

² Троцкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. С.354, 355.

³ Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и русская православная церковь // Отечественная история. 2002. №6. С.31, 35.

К. Н. Батюшков. В письме к П. А. Вяземскому (октябрь 1812) он писал: «Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, все осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения». Еще более откровенным было его письмо к Н. И. Гнедичу (октябрь 1812): «Варвары! Вандалы! И этот народ извергов осмеливался говорить о свободе, о философии, о человеколюбии; и мы до того были ослеплены, что подражали им, как обезьяны! Хорошо и они нам заплатили!»⁴.

Пожар сопровождался святотатством. В Успенском соборе Кремля устроили конюшню. На месте серебряного паникадила установили весы для взвешивания награбленных драгоценностей. Поруганные мощи валялись рядом с гробницами, а мощи святителя Алексия были найдены среди мусора на паперти⁵. Иного отношения к православным ценностям было трудно ожидать от императора, отлученного от церкви. Будущий декабрист В. И. Штейнгейль не без оснований писал: «Тут сражались, с одной стороны, гордость, самонадеянность, коварство, злоба, ухищрения, алчность и вероломство; с другой же – религия, любовь к Отечеству, верность к монарху, человеколюбие, бескорыстие и справедливость»⁶.

Справедливый характер войны вызвал взрыв патриотизма и пробудил духовные силы русского общества. На защиту Отечества поднялись все социальные группы населения. В единый поток слились армия, ополчение и освободительное движение, в котором, наряду с мужчинами, принимали участие и женщины. Известны подвиги Дениса Давыдова, Матвея Платова, атамана Войска Донского, Василия Васильковского, военного священника, Василисы Кожиной. Символом непобедимого народа стал главнокомандующий М. И. Кутузов и многие блестящие полководцы.

Значительной оказалась роль императора Александра I, которому судьба уготовила нелегкое испытание. Тактика отступления армии вызывала в обществе законное недовольство, на что указывала, в частности, великая княгиня Екатерина Павловна в письме императору (6 сентября, Ярославль). «Взятие Москвы довело ожесточение умов до высшей степени. Недовольство

⁴ История русской литературы XIX века. 1800-1830-е годы: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. 2-е изд., доп. М.: Издательство Оникс, 2008. С.73, 167.

⁵ Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М. 2000.(церковно-научный центр «Православная энциклопедия»). С. 118.

⁶ Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм. М., Полимед, 2001. С.18.

достигло предела. Не щадят даже вас лично», – писала она. «Вас во всеулышание винят в несчастье вашей империи, в крушении всего и вся, наконец, в том, что вы уронили честь страны и свою собственную». В ответном письме (18 сентября, Санкт-Петербург) Император писал, что нет ничего удивительного в его неудачах. Когда у него нет хороших помощников, и он терпит недостаток в механизмах, «чтобы управлять такой громадной машиной и в такое кризисное время против адского врага, величайшего злодея, но и высокоталантливого, который опирается на соединенные силы всей Европы и множество даровитых людей, появившихся за двадцать лет войны и революции»⁷.

Выбранная тактика принесла, в конечном счете, выстраданную победу. Отступление армии Наполеона из Москвы напоминало стремительное и беспорядочное бегство. «Великая армия» буквально «таяла» на просторах России. Из 600 тыс. чел., вошедших в ее пределы в июне 1812 г., обратно вернулись, по разным данным, от 30 до 81 тыс. чел. Свыше 550 тыс. солдат и офицеров остались в русской земле. Наполеон, предав армию, бежал во Францию. Вместе с ним спасали жизнь 10 маршалов, генералы, костяк офицерского корпуса и боеспособные солдаты. Для их бесславного похода потребовалось не более полугода. Потери русской армии составили от 111 до 200 тыс. чел.⁸ Вытеснив остатки обмороженной и голодной армии противника из России, русские войска завершили военную кампанию в Европе. Современникам это казалось чудом, ниспосланным свыше.

Блестящая победа России в войне 1812 г. оказала мощное воздействие на ход отечественной истории и стала своеобразным культурным кодом в сознании современников. Духовное состояние народа-победителя получило широкое отражение в художественной культуре: литературе, графике, архитектуре, скульптуре, живописи, музыкальном и сценическом искусстве.

В военное время литература в лице В. А. Жуковского, участника московского ополчения, откликнулась одой «Певец во стане русских воинов» (1812). В ней поименно прославлялись живые и погибшие герои войны. Ода получила всенародную известность благодаря походной типографии А. С. Кайсарова, созданной при штабе русской армии.

И. А. Крылов в баснях военных лет («Обоз», «Волк на псарне») в аллегорической форме поддерживал мудрую тактику М. И. Кутузова, высмеивал

⁷ К чести России. Из частной переписки 1812 года. М.: Современник, 1988. С. 99, 113.

⁸ *Шеин И.А.* Разгром Наполеона в России // Военно-исторический журнал. 2012. №6. С.9.

беспочвенные претензии Наполеона на завоевание России. В армии многие знали басни И. А. Крылова наизусть.

Значительную роль в развенчивании образа противника сыграла «карикатура 1812 года». В этом жанре работали более 40 мастеров, в том числе, А. Венецианов, И. Теребнев, М. Богучаров, К. Зеленцов и И. Иванов. Художники соединяли приемы карикатуры с глубоким проникновением в народную традицию и ментальность русского человека. Таковы работы И. И. Теребенева «Наполеон у русских в бане», «Победитель мира выезжает из России в лубковом ящике», «Обратный путь или действие русского слабительного порошка». Опираясь на архетипы культуры, карикатура присущими ей средствами формировала уверенность в победе.

Широкую известность она получила благодаря журналу «Сын отечества». Здесь сатирические рисунки сопровождали материалы раздела «Смесь». Они придавали им яркую образность и метафоричность. Нередко метафора служила визуализацией глубинных смыслов русского языка. Так, в октябре 1812 г. заметка в журнале о том, что французы в Москве отстреливали ворон и нахваливали суп из них, сопровождалась приложением карикатуры И. И. Теребенева «Французский вороний суп». После ее появления в разговорный обиход, по свидетельству В. И. Даля, вошла поговорка «голодный француз и вороне рад»⁹. В ноябре 1812 г. в журнале появилась басня И. А. Крылова «Ворона и курица», которая заканчивалась крылатым выражением «попался, как ворона в суп!», напоминая, что «ворон ни жарят, ни варят». Тем самым сатира предрекала противнику голодную гибель. Сатирические рисунки и графика копировались в летучих листках и расходились по стране большими тиражами.

О популярности в России этого жанра говорит тот факт, что с помощью карикатуры детей обучали грамоте. В. А. Плавильщиков издал «Подарок детям в память о событиях 1812 года», так называемую «Теребневскую азбуку» (1815). Карикатура 1812 г. стала частью бытовой культуры и нашла отражение даже на посуде. В Государственном историческом Музее в Москве сохранилась фарфоровая тарелка с рисунком И. И. Теребенева «Французский вороний суп» (I-я пол. 19 в.).

⁹ Вышленкова Е.А. Увидеть героя: создание образа русского народа в карикатурах 1812-го года // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2008. С. 139.

Искусству этого талантливой гравера, скульптора и рисовальщика подражали знаменитые европейские художники – английский карикатурист Крукшенк и немецкие художники Фольц и Шадов. Крукшенк рядом со своим именем под гравюрой нередко ставил имя И. Теребенева¹⁰.

Мощным выразителем чувств и исторической памяти современников стала литература послевоенного времени. М. Ю. Лермонтов в стихотворной новелле «Бородино» (1837) с глубокой исторической достоверностью показал ход битвы и ее главного героя – простого солдата. А. С. Пушкин обратился к военной тематике в стихотворениях «Наполеон» (1821), «Перед гробницею святой» (1831), «Полководец» (1835). В повести «Метель» (1830) он писал: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество!»¹¹. Стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» и А. С. Пушкина «Полководец» – вершина русской поэзии и крупная веха исторического сознания 1830-х годов.

Драматическая картина военных лет была осмыслена участниками военных действий в публицистике и мемуарной литературе. Ф. Н. Глинка оставил блестящие по силе воздействия «Письма русского офицера» (1815–1816) и «Очерки Бородинского сражения» (1839). Оценивая Бородинскую битву, он писал: «Ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть, и никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом, и стояли на родной земле»¹².

Апокалипсическую картину бедствий во время пожара Москвы описывают «Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 г.» (1835) И. Т. Раджицкого, прошедшего путь от младшего офицера до генерала. Широкое полотно народного сопротивления неприятелю дает «Дневник партизанских действий 1812 года» (1860) бесстрашного Д. В. Давыдова. «Записки А. П. Ермолова 1798–1826 гг.», военного и государственного деятеля, представляют многоплановую историю войны, трагическую картину бегства остатков наполеоновской армии, ее переправы через Березину.

¹⁰ Нарышкина Н.А. Отечественная война 1812 г. в изобразительном искусстве. //Клио. – СПб, 2004. №3. С.201.

¹¹ Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.3. Проза. – М.: Худож. лит., 1986. С.65.

¹² Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М.: Правда, 1990. С.73-74.

Самая всеохватывающая панорама войны 1812 г. представлена в эпосе Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869). Художник показал различные пласты русского общества и вывел в романе 569 персонажей, из них 200 – исторические лица. Л. Н. Толстой использовал огромное количество источников, воспоминаний и документов – всего 74 наименования¹³.

Значительным вкладом в мировую культуру стали мемориальные комплексы. Величественные памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли скульптора Б. И. Орловского украсили площадь перед Казанским собором в Петербурге (1837). Прекрасный ансамбль Дворцовой площади завершили Александровская колонна (1834) О. Монферрана и Арка Главного штаба (1819–1829) архитектора К.И.Росси, скульпторов С. С. Пименова и В. И. Демут-Малиновского. В Москве (1829–1834) и Петербурге (1827–1834) появились Триумфальные ворота. Архитектором К. А. Тоном, в Москве, был воздвигнут Храм Христа Спасителя (1839–1883).

На местах сражений открыли Памятник защитникам Смоленска архитектора А. Адамини (1841). По его же проекту в 1839 г. на Бородинском поле освятили монумент в память героев войны. У его подножия был захоронен прах генерала П. И. Багратиона. На Багратионовских флешах открыли Спасо-Бородинский монастырь. Его первой настоятельницей стала игуменья Мария (М. М. Тучкова, вдова генерала А. А. Тучкова, героя войны).

Общеввропейское признание получили медальоны, посвященные войне и заграничным походам (1814–1836) Ф. П. Толстого. Среди них – «Народное ополчение» с аллегорическим образом Матери-Родины.

Живопись обогатилась уникальной Военной галереей в Зимнем дворце. Она представлена портретами 332 генералов, героев войны. Портреты выполнили англичанин Дж. Доу (1819–1826), приглашенный для этой цели Александром I в Россию, и русские художники А. В. Поляков и В. А. Голике. Военную галерею дополнили парадные портреты императора Александра I (Ф. Крюгер) и его союзников – короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, императора Австрии Франца Иосифа I, а также русских полководцев – М. И. Кутузова и М. Б. Барклая-де-Толли.

¹³ *Роговер Е.С.* Русская литература XIX века: Учеб. пособие. СПб., М.: Сага: Форум, 2008. С.394, 395.

Важнейшие сражения изобразил в серии из 12 картин (1840–1857) Петер фон Гесс, баварский придворный художник, член Академии художеств в Мюнхене, Берлине, Вене и Петербурге. Они создавались для Зимнего дворца по заказу Николая I. Цикл из 20 картин «Наполеон в России», «1812 год» (1887–1895) оставил В. В. Верещагин. Они поражают своей глубиной и достоверностью. Живопись отразила и образы простых людей. Таков «Портрет Василисы Кожиной» А. Смирнова (1813).

Благотворным было воздействие 1812 г. на музыкальное и сценическое искусство. Тема войны звучала в хоровых полонезах, маршах и гимнах. Широкий отклик вызывали романсы, военно-патриотические и гусарские песни. Появились балеты-дивертисменты «Ополчение, или Любовь к Отечеству» (1812), «Торжество России или Русские в Париже» (1814) на музыку К. А. Кавоса. На оду В. А. Жуковского «Певец» Д. С. Бортнянский создал гимн (1812), а А. Н. Верстовский – кантату (1827). Торжественная увертюра П. И. Чайковского «1812 год» (1880), написанная по случаю освящения храма Христа Спасителя, вплетала в симфонический оркестр звучание военного духового оркестра, колоколов и артиллерийского салюта.

Память о войне пронизывала всю культуру «золотого века». Ее сердцевиной был гуманизм, народные, демократические традиции и патриотизм. Однако патриотизм был лишен национального чванства и ксенофобии. Русская культура, отказавшись от замкнутости, самоизоляции и исключительности, органично соединила в себе лучшие образцы национальной и западноевропейской, в том числе, французской культуры.

Частью этих процессов стало реформирование русского языка. В спорах литературных кружков первой половины XIX века складывался современный русский язык. Преодолевая архаичные формы и опираясь на национальные традиции, он сохранил влияние европейской языковой культуры. В то же время русский язык занял ведущее место в системе образования, потеснив к концу XIX века французский и немецкий язык.

Общекультурные процессы были неотделимы от общественно-политической мысли. Война показала анахронизм крепостничества и вызвала подъем национального самосознания. Подавление выступления декабристов, а вслед за ним и Польского восстания (1830–1831) показало, что необходимо переосмысление исторического опыта России. Вместе с декабристским движением уходила в прошлое идеология Просвещения. Новая парадигма рож-

далась на основе немецкой классической философии. П. Я. Чаадаев своими «Философическими письмами» открыл дискуссию о судьбах России, о роли православия в ее истории. Дискуссия вызвала широкий резонанс. Правительственный лагерь, сдерживая инакомыслие на фоне европейских потрясений, видел «якорь спасения» в тезисе «православие, самодержавие, народность». Славянофилы, западники и социалисты предлагали иные проекты будущего, но точкой отсчета для всех течений был 1812 год. Именно он, по словам А. И. Герцена, открывал собой подлинную историю России.

В этой связи не будет преувеличением сказать, что Отечественная война 1812 г. не только духовно пробудила Россию, но и создала необходимые предпосылки в общественном сознании для ее модернизации. Крымская война лишь подтолкнула Александра II к проведению Великих реформ, которые получили продолжение в XX веке в реформах П. А. Столыпина.

Первая мировая война зародилась в иной исторической обстановке и принципиально отличалась по характеру от войны 1812 г. 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. Вскоре война стала мировой. С самого начала со стороны всех воюющих сторон война приобрела несправедливый и захватнический характер. В ее основе лежала борьба за новый передел мира. Объявление войны Германией лишь подчеркивало ее милитаристские устремления, готовые прорваться еще раньше¹⁴.

Идеологическая подготовка к войне напоминала наполеоновскую пропаганду. Так, начальник генштаба германской армии фон Мольтке 4 августа 1914 г. заявил: «В этой войне речь идет о сохранении германской цивилизации и ее принципов против нецивилизованного славянства». Еще более откровенно высказался профессор фон Карнак, глава Королевской библиотеки. В выступлении 11 августа в Берлине он увидел угрозу западной цивилизации со стороны «цивилизации Орды», «московской цивилизации москвитов». Профессор уточнил, что эта «неорганизованная азиатская масса, как пески пустыни, стремится засыпать наше плодородное поле»¹⁵.

Естественно, такая война предполагалась скоротечной, что, впрочем, разделялось многими воюющими сторонами. Военная стратегия Германии,

¹⁴ *Ерин М.Е.* Кайзер Вильгельм II и крушение Германской империи. // Вопросы истории. 2014. № 9. С. 107.

¹⁵ *Уткин А.И.* Первая мировая война. М.: Изд-во Эксмо, 2002. С.102.

основанная на идее блицкрига, отводила на разгром Франции 6 недель, а затем за это же время планировалось победить Россию.

Итог мировой войны был ошеломляющим для ее зачинщиков. На фоне многомиллионных жертв распались Германская, Австро-Венгерская и Османская империи. Такая же участь постигла и Российскую империю, которая, по усредненным данным, потеряла в войне 2 млн погибших, 3 млн пленных, 5 млн тяжелораненых и искалеченных¹⁶.

Была ли у российского общества альтернатива? Анализ показывает, что единственный выход избежать катастрофы был связан с неучастием России в войне¹⁷. Этот вариант правящая элита проигнорировала. Немаловажным фактором в данном случае являлась личность императора Николая II. В начале войны, 2 августа 1914 г., он перед чудотворной иконой Казанской Божьей Матери повторил слова Александра I, сказанные им в 1812 г., и поклялся не заключать мира, пока останется хоть один враг на родной земле. Николай II пытался возродить патриотические чувства, выразившиеся в войне 1812 г. в призыве: «За Веру, Царя и Отечество». Но война была другая, а страна изменилась. Похоже, этого не понимал не только Николай II.

Патриотический подъем начала войны быстро закончился. Простые солдаты не понимали смысла и целей войны, которая к тому же велась на чужой территории. Экономика, транспорт и продовольственная система были на пределе возможностей. Политическая элита боролась за власть. Нарастал раскол общества. На этом фоне провал военной кампании, в которой император был главнокомандующим, означал крах монархии и государства. Системный кризис означал конец модернизации. Страна подошла к рубежу, за которым начинались революции и Гражданская война. Сбылось предсказание П. Н. Дурново, высказанное им в записке Николаю II, в случае вступления России в войну: «...Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»¹⁸. Мировая война стала де-

¹⁶ Калашников В.В. «Одна неправда нам в убыток» // «Санкт-Петербургские ведомости». 16.01.2015.

¹⁷ Калашников В.В. Из истории начала Первой мировой войны. // Информация. – Коммуникация. – Общество (ИКО – 2015): Материалы XII Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 22–23 января 2015 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. С. 75–76.

¹⁸ Свет и тени Великой войны. Первая мировая война в документах эпохи. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С.72.

тонатором взрыва, который унес с собой старую Россию. События 1917 г. открывали новую страницу в ее истории.

Духовная жизнь отразила колоссальную трагедию, которая прошла через судьбы страны, общества и отдельного человека. Наиболее глубокое проникновение в суть пережитого показала художественная литература. А. А. Ахматова писала: «XX век начался осенью 1914 года вместе с войной, так же как XIX начался Венским конгрессом. Календарные даты значения не имеют»¹⁹. Художественное восприятие чутко уловило суть эпохи, которая открывалась первой мировой войной. Трагическое мироощущение поэтессы передала в стихотворении «Июль 1914» (20 июля 1914) и «Памяти 19 июля 1914» (1916). Тревожное предчувствие катастроф и одновременно надежда звучали в стихотворении «Молитва» (1915)

«Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей»

А. Ахматова всегда оставалась с любимой страной. Ее патриотизм носил глубоко личный характер: «Мне голос был. Он звал утешно» (1917), «Петроград. 1919» (1920), «Не с теми я, кто бросил землю» (1922).

Трагедию России через призму семьи, общества и офицеров «белой гвардии» показал М. А. Булгаков. Это – во многом автобиографический роман «Белая гвардия» (1922–1924), психологическая пьеса «Дни Турбиных» (1925) и «пьеса в восьми снах» «Бег» (1926–1928). Драматические судьбы донского казачества на фоне мировой войны, революций и Гражданской войны исследовал в своей эпопее «Тихий Дон» (1925–1932, 1940) М.А.Шолохов. Тему русской интеллигенции раскрыл в трилогии «Хождение по мукам» (1922-1941) А. Н. Толстой. Драму интеллигенции на фоне исторического разлома первой трети XX века представил в романе «Доктор Живаго» (1945–

¹⁹ Ахматова А.А. Сочинения в 2-х т. Т.2. Проза. Худож. лит., 1986. С.248.

1955) Б. Л. Пастернак. Своеобразное повествование о судьбах России в 1914–1917 гг. в романе «Красное колесо» оставил А. И. Солженицын.

Опыт войн показывает, что они всегда приносят людям неисчислимые страдания. Однако справедливая война пробуждает в народе наивысший духовный взлет, позволяющий ему принимать исторические вызовы. Напротив, несправедливая война приводит к нарушению общественного согласия и способна разрушить исторически сложившиеся формы жизни. Этот урок необходимо помнить в современном хрупком мире.

М. А. ЗЛАТИНА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

**ПРИМЕНЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР ПО СБОРУ
СРЕДСТВ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ
НА ПРИМЕРЕ ВВЕДЕНИЯ САМООБЛОЖЕНИЯ
ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ЛЕТО 1914 – ОСЕНЬ 1915 гг.)**

Ни одна война не обходится без явления беженства, ухода мирных жителей из зоны ведения боевых действий. Подобная ситуация наблюдалась на территории западных окраин Российской империи уже в первые недели Первой мировой войны. Значительную часть вынужденных мигрантов составляли евреи, бежавшие или выселенные военными властями из прифронтовой зоны вглубь страны, насколько это позволяла черта оседлости. В связи с появлением еврейских беженцев активизировалась работа уже существующих еврейских благотворительных обществ, были созданы новые организации помощи жертвам войны.

Одной из проблем, с которой столкнулись данные комитеты, стал рост затрат на оказание содействия нуждающимся. Как следствие, всё более быстрое истощение денежных ресурсов и появление необходимости дополнительных финансовых вливаний. Так, например, в отчете Петроградского общества пособия бедным евреям за 1914 г. упоминалось, что «война и следовавшие за ней неблагоприятные обстоятельства оказали влияние и на ресурсы общества <...>. В связи с этим правление, озабоченное изысканием средств, организовало специальные денежные сборы вместо традиционного благотворительного вечера».¹

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 576. Л. 10

Но первые полгода ведения войны, когда наплыв еврейских беженцев и выселенец ещё не был столь катастрофичен, как весной – летом 1915 г., еврейские благотворительные общества всё же старались задействовать прежние, хорошо отработанные и прописанные в уставах учреждений методы сбора средств на оказание помощи нуждающимся. Согласно уставам созданных ещё до начала войны Общества охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ) и Общества для распространения просвещения между евреями (ОПЕ), средства организаций составлялись из членских взносов, единовременных пожертвований, доходов от спектаклей, вечеров и других предприятий, устраиваемых в пользу общества, из доходов от капиталов, пособий от учреждений и частных лиц, кружечного сбора.² Именно на такие источники денежных вливаний и опирались благотворительные комитеты в начале Первой мировой войны.

В начале своей деятельности основанный в 1914 г. Петроградский еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО) планировал производить сбор средств по подписным листам среди наиболее зажиточных евреев Петрограда, затем была организована подписка среди всех слоев населения столицы и других городов Российской империи, где проживали евреи. Пожертвования должны были быть добровольными.

По данным, публикуемым на страницах еврейской прессы, в ЕКОПО стекались средства со всех концов Российской империи. Среди жертвователей упоминались жители Пермской и Томской губерний, Забайкальской области, Владикавказа, Грозного, Челябинска, Владивостока, Баку, Ташкента и ещё ряда городов и губерний.³ География жертвователей была достаточно впечатляющей, но необходимо иметь в виду, что все пожертвования представляли собой единовременные или периодические, не регламентированные по величине вносимой суммы добровольные взносы деньгами и вещами. О самообложении, то есть фиксированных по размеру и периодичности предоставления взносов, речи пока не шло. Хотя порой появлялась информация о сборах, напоминающих по своей сути самообложение. В октябре 1914 г. поступили «для беженцев от служащих Воскресенской аптеки в Петрограде ежемесячные 2 % отчисления от жалования для передачи в Комитет ОЗЕ».⁴ В Варшаве «служащие в конторах,

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 1143. Л. 77–79; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 121. Л. 37–39

³ Новый восход. 1914. № 48. 4 декабря. С. 26; Новый восход. 1914. № 50–51. 18 декабря. С. 28

⁴ Новый восход. 1914. № 41. 16 октября. С. 27

приказчики в магазинах и многие еврейские рабочие на фабриках отдавали процент своего заработка в пользу бездомных».⁵ Но пока это были единичные случаи, самообложение не было провозглашено обязательным источником сбора средств для оказания помощи жертвам войны.

Между тем, ресурсы благотворительных комитетов, подпитываемые нерегулярными поступлениями, при всё более увеличивающемся притоке еврейских беженцев, начали иссякать. В еврейской прессе забили тревогу уже в декабре 1914 г. Петроградский комитет помощи жертвам войны обвинили в том, что «он мало обращается к обществу. Собрав пару сотен тысяч комитет как будто успокоился. <...>. Между тем с каждым днем бедствие всё разрастается, необходимо не только продолжить сборы, но значительно усилить их темпы и размеры».⁶

К январю – февралю 1915 г вопрос нехватки средств для оказания помощи еврейским вынужденным мигрантам превратился из призрачной угрозы в реальную проблему. Кризис был связан с тем, что на этот период пришла новая волна выселения евреев по распоряжению военных властей из прифронтовой зоны западных губерний Российской империи. Необходимо было принимать срочные меры по изысканию новых источников финансирования Комитетов помощи жертвам войны. Выход из сложившейся ситуации нашли, в том числе, в переходе к самообложению еврейского населения в пользу еврейских беженцев и выселенцев.

Официально вопрос о переходе к самообложению был впервые поднят на экстренно созванном совещании еврейских благотворительных обществ. Съезд прошел 6–8 января 1915 г. в Вильне⁷, на нем было принято решение о необходимости установить единообразную форму сборов пожертвований на нужды еврейских беженцев. Такой формой было признано самообложение. Разработка проекта о видах самообложения была поручена совещанием Совету, чьи функции и полномочия были переданы Петроградскому комитету помощи жертвам войны.

Совещание Совета, в заседаниях которого, помимо членов Петроградского комитета, приняли участие представители областных благотворитель-

⁵ Новый восход. 1915 № 6. 13 февраля. С. 18

⁶ Новый восход. 1914. № 50–51. 18 декабря. С. 11

⁷ ГАРФ. Ф. 9538. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

ных организаций Москвы, Киева, Вильны, Риги, Екатеринославля, Харькова и Одессы состоялось 7–8 февраля 1915 г. в столице. На заседании выяснилось, что «при всей готовности еврейского населения к пожертвованиям, средства, которыми обладают комитеты, далеко недостаточны».⁸ Однако тема самообложения на данном совещании Совета так и не была затронута.

На следующем съезде представителей еврейских благотворительных обществ, состоявшемся в Москве в марте 1915 г., снова вернулись к разработке проблемы введения новой формы сбора пожертвований. Согласно резолюции, принятой совещанием, «было признано необходимым прибегнуть к самообложению, но выбор той или иной системы, как и вообще разрешение вопроса об изыскании средств, предоставить на усмотрение местного населения».⁹

На экстренно созванном, прежде всего, в связи с поголовным выселением евреев из Ковенской и Курляндской губерний, совещании, прошедшем 14–16 мая 1915 г. в Петрограде, помимо других вопросов, вновь была поднята тема самообложения еврейского населения. Собрание подтвердило постановление Виленского совещания об организации самообложения. Был определен примерный размер самообложения по средней норме: в 5 % от той суммы, которую каждый расходует за год.¹⁰ Но на практике процент самообложения так и продолжал варьироваться в зависимости от местных условий и социальной группы евреев, участвовавших в самообложении.

Окончательно положение о самообложении, как одном из основных источников средств для оказания помощи жертвам войны, было закреплено только к концу лета 1915 г., на масштабном Съезде представителей комитетов помощи жертвам войны, прошедшем 20–23 августа 1915 г. в Петрограде. На заседании по вопросу претворения в жизнь идеи самообложения выступил М. Н. Крейнин, заявивший, «что помощь как правительства, так и общественных организаций недостаточна для удовлетворения всё растущей нужды. Поэтому необходимо мобилизовать свои собственные финансовые силы. Поступления из провинций в Петроградский комитет всё уменьшаются. Необходимо провести самообложение всех слоев еврейского населения, кото-

⁸ Новый восход. 1915. № 6. 13 февраля. С. 26

⁹ Новый восход. 1915. № 14. 10 апреля. С. 37

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9538. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.; Еврейская неделя. 1915. № 1. 24 мая. С. 17

рые ещё в состоянии давать деньги».¹¹ Затем началось обсуждение предполагаемого размера самообложения. Л. М. Брамсон напомнил, что на предыдущем совещании было принято самообложение в размере 5 %, и предложил подтвердить решение майского съезда. По мнению П. В. Когана лучшим выбором было бы оставить решение проблемы на усмотрение областных комитетов и, соответственно, местных обществ.

Согласно резолюции, утвержденной съездом, «совещание признало необходимым для удовлетворения растущей нужды ввести самообложение всех слоев еврейского населения по шкале, выработанной для каждого места, соответственно местным условиям».¹² Таким образом, за самообложением окончательно закреплялся статус одной из основных форм сбора пожертвований, но от жесткой регламентации размера взносов в итоге решено было отказаться.

Постоянные обращения на съездах еврейских благотворительных организаций к вопросу самообложения были не случайны. Во-первых, необходимо было выработать наиболее эффективный вариант определения размера самообложения. Во-вторых, далеко не везде и не сразу решения, принятые на Совещаниях по поводу подобной формы сбора пожертвований, успешно превращались в жизнь. Ситуация складывалась неоднозначная. Были города, в которых введение самообложения проходило довольно удачно, были поселения, в которых применение данного вида сбора средств шло с переменным успехом, а то и вовсе пробуксовывало.

Наиболее быстрый переход к самообложению наблюдался в Москве. К началу августа 1915 г. в первопрестольной ежемесячно собирали вполне внушительную сумму: от 80 до 85 тыс. рублей.¹³ В Петрограде ситуация с введением самообложения окончательно выровнялась и стабилизировалось только к осени 1915 г., когда заработала специально созданная при ЕКОПО Особая комиссия по самообложению. В состав вновь образованного комитета вошли И. Б. Гуревич (председатель), М. Л. Кершнер, А. Ф. Вилькорейский и Ш. Г. Аронов (секретарь). В итоге от самообложения «во втором отчетном году <лето 1915 – лето 1916> поступило 506 945 руб. 85 коп.»¹⁴

¹¹ Еврейская неделя. 1915. № 15. 31 августа. С. 21

¹² Еврейская неделя. 1915. № 19. 27 сентября. С. 17; Еврейская жизнь. 1915. № 10–11. 13 сентября. С. 30

¹³ Еврейская жизнь. 1915. № 5. 2 августа. С. 35

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9538. Оп. 1. Д. 2. Л. 7

В прочих городах Российской империи, как в черте, так и за чертой еврейской оседлости, претворение в жизнь идеи самообложения шло с переменным успехом. Были города быстро перешедшие к самообложению. В Баку еврейской общиной уже к маю 1915 г. было решено «принять так называемый морально-принудительный прогрессивный подоходный налог в размере от 1 до 4 %».¹⁵ На общегубернском совещании представителей уездных еврейских общин, прошедшем в Полтаве, было решено, что «средства на содержание выселенцев уездными комитетами добываются <в том числе> путем добровольного самообложения всего местного еврейского населения».¹⁶ На прошедшем в Ростове-на-Дону собрании членов ростовской еврейской общины предлагалось, «чтобы члены общины обложили себя сами 5 % ежемесячным взносом с расходуемой каждой суммой».¹⁷ Также самообложение было введено в Нижнем Новгороде, Рязани и ещё ряде городов и местечек.¹⁸

Были города, в которых еврейское население подтолкнули к переходу на самообложение уполномоченные, присланные от центральных еврейских комитетов помощи жертвам войны. Так произошло, например, в Муроме.¹⁹ И, наконец, были города, так и не реализовавшие идею самообложения, как правило, подобное явление наблюдалось в городах черты оседлости, первыми столкнувшимися с хлынувшим потоком еврейских беженцев и выселенцев или уже слишком сильно истратившимися на оказание помощи жертвам войны. Подобная ситуация сложилась, например, в Риге, в Вильне.²⁰ В Одессе к середине августа 1915 г. местный еврейский комитет всё ещё использовал в качестве сбора пожертвований единовременные взносы, и «до сих пор не было введено самообложение».²¹ Но при всех имеющихся трудностях, постепенно самообложение как одна из основных форм сбора пожертвований в пользу еврейских беженцев и выселенцев охватывало всё больше городов, в которых находились еврейские общины.

¹⁵ Евреи и Россия. 1915 № 1. 12 мая. С. 18

¹⁶ Еврейская неделя. 1915. № 5. 21 июня. С. 20

¹⁷ Еврейская неделя. 1915. № 3. 7 июня. С. 21–22

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9538. Оп. 1 Д. 24. Л. 4; ГАРФ. Ф. 9538. Оп. 1 Д. 22. Л. 7

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9538. Оп. 1 Д. 26. Л. 3

²⁰ Еврейская жизнь. 1915. № 3. 19 июля. С. 20

²¹ Еврейская жизнь. 1915. № 7. 16 августа. С. 28

Таким образом, еврейские благотворительные учреждения, в 1915 г. оказавшиеся в сложном положении из-за разрастающихся потоков еврейских беженцев и выселенцев, хлынувших вглубь Российской империи с театра военных действий западных окраин страны, и из-за быстрого истощения средств, попытались найти выход из сложившейся ситуации. Одним из способов решения проблемы стало введение самообложения всего еврейского народа. На выработку наиболее приемлемого варианта введения самообложения ушло полгода. Данная тема обсуждалась на четырех съездах еврейских благотворительных организаций. В итоге к осени 1915 г., хоть и далеко не везде, но в довольно большом количестве крупных городов России удалось ввести самообложение еврейского народа. Варьировались формы сбора и размер взносов, самообложение так и не стало панацеей, закрывшей собой все финансовые бреши, образовавшиеся в ресурсах благотворительных еврейских комитетов. Но достаточно серьезный вклад в дело оказания помощи жертвам войны благодаря такой форме сбора пожертвований всё же удалось внести, особенно в столичных городах России.

И. В. ПЕТРОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ ОСТРОВА ЭЗЕЛЬ В ПЕРИОД ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1917–1918 гг.

Территория нынешних балтийских государств издавна была ареной противостояния России, а впоследствии Советского Союза, с европейскими державами и, прежде всего, с Германией. Однако до сих пор в этом российско-германском противостоянии одним из самых малоизученных аспектов в отечественной историографии является вопрос о деятельности местного населения под немецкой оккупацией в период Первой Мировой войны, в результате которой данные территории обрели свою государственную независимость.

В качестве узко рассматриваемого региона мы решили взять остров Эзель (Сааремаа) – область достаточно компактного проживания титульной

нации с небольшой примесью немецкого, русского и шведского национальных меньшинств. Именно изучив данный район современной Эстонии, как нам кажется, можно лучше понять отношение немецкой оккупационной администрации к православным в Эстляндии вообще, и на острове Эзеле в частности.

Для того, чтобы разрешить этот вопрос мы обратились к материалам Эстонского Исторического архива (EestiAjalooarhiiv) в Тарту. В его хранилищах есть специальное дело №4031 2 Описи Фонда №1655 (а именно в этом Фонде хранятся практически все имеющиеся материалы о жизни Православной Церкви в Эстонии в синодальный и независимый периоды), которое полностью состоит из докладных записок и писем эзельского православного духовенства своему епархиальному начальству с подробным рассказом о периоде немецкого владычества.

Общее отношение практически всех православных пастырей к немецкой оккупационной администрации отрицательное. В большинстве случаев православных пастырей германские оккупанты рассматривали не иначе как стержень политики русификации и скрытого сопротивления. Очень часто православные священнослужители вызывались оккупационными властями в местную комендатуру по любому самому маленькому и незначительному делу, а потом сразу же объяснения причин вызова отпускались.

Не менее важным фактом, отмечаемым практически во всех рапортах, является достаточно сдержанное отношение священников не только к немецким захватчикам, но и к русским воинским формированиям. Постепенно последних православные священнослужители острова Эзель именовали исключительно «русскими», а некоторые пастыри вообще воспринимали как такую же иностранную военную силу. Зачастую при прочтении данных архивных документов складывается впечатление, что православное духовенство Эзеля, этнически состоящее и из немцев, и из эстонцев, и из русских, пыталось всячески отстраниться от противостояния воюющих сторон, провозгласив некий нейтралитет по принципу «вы нас не трогайте – и мы будем лояльны любой власти».

На деле же ситуация была отнюдь не безоблачной. Так, если некоторые немецкие офицеры еще понимали значимость уважительного отношения к представителям духовенства, немалая часть простых солдат не только пренебрегала приличием по отношению к православным храмам и пастырям, но и открыто глумилась над святынями или над православным священническим одеянием. Иногда пришедшие в храм священнослужители в алтаре находили, солому, банки от консервов или же пустые бутылки. Церковно-приходские и

школьные здания очень быстро в большинстве своем были заняты германцами под военные нужды. Не меньшему разграблению подвергались и дома самих служителей Православной Церкви. Один из служивших на острове Эзельв период оккупации православный пастырь впоследствии вспоминал, как еле вошел в свой дом, внутри обнаружив полные немецкими солдатами комнаты, а все шкафы и столы при этом были оккупантами опустошены.

Справедливости ради нужно заметить важную разницу между тем разграблением, которое оставляли после себя большевики, в том числе эстонские «красные», и немцы. Главным различием в двух так называемых «опустошительных нашествиях» является разница в отношении к богослужебным книгам и церковной утвари. Абсолютное большинство немцев никогда не трогало Евангелие или другие священные для православных верующих книги, заведомо зная, что они на церковнославянском языке, в то время как впоследствии красные части, в том числе состоящие из вчерашних активных верующих, и лютеран и православных, нередко уничтожали богослужебные книги, не предавая им никакой ценности.

В гораздо большей мере участие, в условно говоря «антиправославной кампании», приняли местные жители лютеране, в особенности из числа пасторов. Особо, как отмечают практически все священники составившие докладные записки по окончании оккупации, в этом деле отличился местный эзельский пастор Либерг. Судя по документам архива, он всегда отличался германофильством и, являясь наполовину немцем по крови, заставлял православное население острова Эзель жить по лютеранским обычаям, к тому же участвовал во введении по отношению к православным специальных налогов и податей.

В столь сложной ситуации местное население фактически «спас» местный губернатор, который, приехав на остров, узнал от одного из местных жителей про пастырские ненасытные требования из-за которых на Эзеле мог возникнуть бунт в народе. После этого высокий гость потребовал к себе пастора. Выслушав объяснение последнего, губернатор приказал немедленно оставить свое требование, как незаконное, и возратить хлеб обратно тем, кто уже оплатил налог. После этого случая большинство местного населения, в том числе лютеранского по своему вероисповеданию, относились к пастору Либергу резко отрицательно, если не сказать пренебрежительно.

Из заметных действий, враждебных по отношению к Православию можно отметить в некоторых местах преобразование церковно-приходских пра-

вославных школ в волостные народные школы, что, безусловно, противоречило ранее установленной букве закона. В некоторых районах Эзеля почти все вспомогательные школы были закрыты, а остались только лютеранские с назначенными туда учителями – лютеранами. Иногда складывалась ситуация, когда Закон Божий – 2 урока в неделю, преподавали православные учителя, если они были, в противном же случае дети оставались без уроков Закона Божия.

Немаловажно отметить, что немецкие оккупанты выплачивали православному духовенству некие компенсации за период оккупации и причиненный ущерб (разрушенный дом, поврежденное хозяйство и т. д.). Конечно, такие выплаты не покрывали разрушений, но все-таки сам факт подобных выплат довольно примечателен.

Один православный пастырь отмечал и достаточно «бойкий» график пребывания немецких солдат в своем доме: «Каждый день у них был в офицерской комнате в моей квартире разгул: пьянствовали, играли в карты, пели, играли на рояле и скрипках, и так постоянно до 11–12 часов ночи, а то и до 2–3 часов. Спать невозможно было, дети просыпались от шума и гама, а ложились спать в 6–7 часов из-за недостатка керосина и свечей. Начальник их «Hauptmann» жил у нас в двух комнатах, зал обратил в офицерскую столовую, а в нашей столовой жили повар и лакей со свои скарбом, мы же поместились в двух маленьких спальнях. Малыши мои конечно, часто кричали и капризничали. «Hauptmann» этого не терпел. Как только ребенок закричит, сейчас является адъютант «Hauptmann» с приказаниями усмирить ребенка, хотя бы розгами. При всех офицерах я заявил, что от розог ребенок будет еще больше кричать, а потому предлагаю ему самому приходить усмирять его. Конечно, все расхохотались. Раз через адъютанта обещал нас выселить в разрушенную ими приходскую школу, если не прекратится крик и плач детей.»¹ В столь сложном и в буквальном смысле слова патовом положении православный священник и его семья провели целую зиму. Подобных этому примеров была масса.

В это же время, причем данный факт отмечается в нескольких докладных записках православных священников, возникает феномен отношения немцев к Православной Церкви как к церкви «еврейской», что особо будет распространено при нацистской оккупации территорий Советского Союза во время Второй Мировой войны. Нездоровое, выходящее от низкого культур-

¹ЕАА. F.1655. N.2. S.4031. L.12-app.

ного уровня отношение немецких солдат к православным иконам, непонимание ими красоты православного богослужения и недоумение, связанное с внешним видом православных «батюшек» – все это берет свои корни еще в этот период, постепенно же, во многом под воздействием нацистской пропаганды такие стереотипы будут только усиливаться.

Отношение же к самим православным мирянам было разное. Некоторые священники отмечали, что часть православных жителей Эзель в период немецкой оккупации находилась в крайне бедственном положении, в то время как другие, хоть их было и не так много не только сохранили свое былое состояние, но даже приумножили его.

Часть православных мирян помогали остро нуждавшимся представителям Православной Церкви, печаловались перед ними у оккупационной администрации, помогали им в восстановлении порушенного войной и оккупацией хозяйства.

В конце докладной записки одного из православных священников написаны достаточны примечательные слова: «А расписывать и раздувать обвинительные явления не хочется, да и не умно. Пользы от обвинений, особенно в настоящем, когда весь мир в брожении, отыскивая смысл своей жизни»... Надо сказать, собственно германские солдаты не были так грубы в общении с людьми, как местные немцы и пастор».²

Во всем этом видна и скорбная тень будущего, которое будет ознаменовано массовыми репрессиями против православных верующих и мирян, ни одной оккупацией и разрушением храмов, по сравнению с которыми эта оккупация окажется достаточно мирным временем.

²ЕАА. F.1655. N.2. S.4031. L.20.

С. И. ПЕТРОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории

ОТРАЖЕНИЕ ИЮНЬСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ 1917 ГОДА В ДНЕВНИКАХ И МЕМУАРАХ ПЕТРОГРАДСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Первая мировая война занимала все внимание общественности до определенного момента. С февраля 1917 г. разворачивающиеся события в столице стали более важными для интеллигенции, чем военные действия. В дневниках и мемуарах представителей интеллигенции, находящихся в городе больше всего заметок посвящено брожению в войсках петроградского гарнизона, выступлениям рабочих на улицах города, а так же действиям нового правительства.

В июне 1917 г. Временное правительство, выполняя обязательства перед союзниками, решило начать активные действия по всему фронту. Б. А. Энгельгардт был знаком с генералами, работавшими над подготовкой этого наступления, задуманного А. Ф. Керенским в июне 1917 г. Его товарищ по Академии Генерального штаба генерал И. П. Романовский в своем письме Борису Александровичу «откровенно высказывал не только сомнение в успехе, но и прямо говорил, что наступление приведет нас только к совершенно бесплодным потерям и, в связи с этим, ухудшит отношения солдат и офицеров.

Подобные же сведения доносились и до М. В. Родзянко и, при всем его горячем желании увидеть победу наших войск над немцами, он начал сомневаться в возможности успеха задуманного наступления, при сложившейся обстановке».¹

Энгельгардт отмечает, что буржуазные общественные деятели напротив, видя в наступлении свою выгоду, закрывали глаза на подлинное положение вещей в армии. Они «жаждали, во чтобы то ни стало, успеха, который дол-

¹ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Ч.2. Революция и контрреволюция. Глава 5. Нарастание контрреволюции // ОР РНБ, ф. 1052, д. 33, л. 79

жен был укрепить положение Временного правительства».² И когда на одном из совещаний в Таврическом дворце «Родзянко высказал сомнения, на него посыпался град упреков в необоснованном пессимизме».³ Энгельгардт продолжал посещать заседания Думы, представляя сообщения из Ставки. Именно его речь помогла «несколько охладить пыл Маклакова [*прим. автора* В. А. Маклакова, выступавшего с критикой Родзянко] и смутить присутствующих, но ни в какой мере не сказались на решении наступать во что бы то ни стало».⁴

С началом продвижения русских войск некоторые представители интеллигенции, находящиеся в Петрограде, стали оставлять заметки о положении на фронтах.

Сергей Платонович Каблуков, секретарь Религиозно-философского общества и учитель математики в школе, в своем дневнике записал: «Вчера же началось непростительно запоздалое наступление русских войск – пока армии XI-ой, VII-ой и VI-ой т. е. на юго-западном фронте. За один день взято 10 000 пленных. По этому поводу Керенский, Львов, пресловутое С.р., с.д., и с кр. д. [*прим. автора* Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов] издали очередные прокламации, поощряющие войска».⁵

Сведения о количестве пленных Каблуков черпал из газет. В его дневнике вклеены вырезки из «Биржевых ведомостей» и «Речи». Если смотреть сводки газет, то в «Биржевых ведомостях» от 20-го июня появляется заметка о состоянии фронтов: «после двухдневной артиллерийской подготовки, наши войска атаковали позиции австро-германцев на фронте Кнюи – Бишки и после горячего боя овладели тремя линиями окопов, укрепленной деревней Конюхи и продвинулись до ручья Конюхи, южнее названной деревни.

За бой 18-го июня пока зарегистрировано пленных 164 офицера и 8300 солдат, кроме того, захвачено 7 орудий и 7 пулеметов. Пленные продолжают прибывать.

Юго-западнее Бржезан после артиллерийской подготовки наши войска атаковали сильно укрепленные позиции противника и после упорного боя

² Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Ч.2. Революция и контрреволюция. Глава 5. Нарастание контрреволюции. // ОР РНБ, ф. 1052, д. 33, л. 80

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 мая – 30 июня) // ОР РНБ, ф.322, д.45, л. 226 – запись от 19 июня 1917.

местами овладели ею. Немцы и турки ведут контратаки, опорные пункты переходят из рук в руки. За день 18-го июня захвачено в плен 9 офицеров и 1700 германцев, австрийцев и турок.

Некоторые из наших частей понесли большие потери, особенно в офицерском составе.

Итого за бой 18го июня взято в плен 173 офицера и свыше 10000 солдат, 7 орудий и 7 пулеметов».⁶

Об успехах русской армии постаралась как можно скорее сообщить в газетах, главнокомандующий выступал с призывом продолжать решительную битву, «от которой зависит участь русского народа и его свобода».⁷ Керенский лично объезжал войска, выступал на солдатских митингах с целью поднятия наступательного духа армии. Ему аплодировали, носили на руках, но это была только внешняя реакция. Войска уже устали воевать и только ждали заключения мира.

С течением времени продвижение наших войск стало сбавлять обороты. Уже 20-го июня Каблуков отмечает в своем дневнике, что «русские войска уже не продолжали наступления».⁸ Те же записи появляются у него и 22-го июня. Но уже на следующий день он отмечает, что «наступление русских войск продолжается на юго-западном фронте. С каким успехом – судить трудно».⁹

Действительно, оценить события на фронте в Петрограде по сведениям из газет было сложно. Все чаще и чаще стали появляться сообщения об уклонении солдатами идти в атаку. Уговоры и выступления политических деятелей на фронте уже не помогают. Так, 21 июня Н. Д. Соколов, один из подписавших приказ №1, выступая на фронте, от имени петроградского совета рабочих и солдатских депутатов призывал солдат исполнить свой «долг перед родиной и свободой».¹⁰ Но войска не услышали, оратора прервали, столкнули с помоста и избили. «Случай этот разлагающе подействовал и на другие части той же дивизии».¹¹

⁶ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 мая – 30 июня) // ОР РНБ, ф.322, д.45, л. 227 – вырезка из газеты

⁷ Там же – Статья «Призыв главнокомандующего»

⁸ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 мая – 30 июня) // ОР РНБ, ф.322, д.45, л. 246

⁹ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 мая – 30 июня) // ОР РНБ, ф.322, д.45, л. 257

¹⁰ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 мая – 30 июня) // ОР РНБ, ф.322, д.45, л. 256 – статья из газеты «703 полк»

¹¹ Там же.

Развал в армии отмечал и бывший директор департамента Министерства внутренних дел Владимир Борисович Лопухин: «войска не подчинялись приказам командования, самовольно оставляли занятые позиции, бросали оружие, массами сдавались в плен. В тылу запасные батальоны отказывались выступать на фронт».¹² Борис Александрович Энгельгардт также пишет, что «с фронта шли неутешительные вести: войсковые комитеты и иные вновь образованные организации устраивали митинги, на которых выносились самые разнообразные резолюции, в конечном счете, клонившиеся к укреплению революции».¹³

В этих условиях большая часть интеллигенции приходила к «болезненному сознанию надвигающейся катастрофы, которая, казалось, должна выразиться в полном разгроме русской армии немцами».¹⁴

8 июля в дневнике Каблукова появляются сведения о наступлении германских войск: «прорыв германцами русского фронта в области расположенной XI армии».¹⁵ Эти сведения он подкрепляет вырезками из газет, где поражение на фронте связывают с выступлением большевиков в начале июля и новым кризисом Временного правительства.¹⁶ Но если посмотреть на разлагающуюся армию еще до начала наступления мы можем понять, что кризис власти в столице вряд ли повлиял на отступление русской армии на фронте. Энтузиазма в войсках при успешном наступлении хватило ненадолго, с началом контрнаступления немцев русская армия «покатилась обратно, терпя страшные поражения».¹⁷

Каблуков помещает вырезку из «Речи» озаглавливая ее: «неизмеримые бедствия в XI армии»¹⁸: «Начавшееся 6-го июля немецкое наступление на фронте 11 армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых не-

¹² Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства внутренних дел. СПб, 2008. С. 304

¹³ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Ч.2. Революция и контрреволюция. Глава 5. Нарастание контрреволюции. // ОР РНБ, ф. 1052, д. 33, л. 79

¹⁴ Там же.

¹⁵ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 37

¹⁶ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 39 – вырезка из газеты с пометками на полях *NB!*

¹⁷ Лутохин Д.А. Итоги моей жизни // ф.445, д.3. л. 28

¹⁸ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 78

давно вперед героическими усилиями сознательного меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии всевозрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу, на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противников. Были случаи, что отдельное приказание спешно выступить на поддержку обсуждалось часами на митингах, почему поддержка запаздывала на сутки. При первых выстрелах неприятеля части нередко бросают позиции. На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них, здоровых, бодрых, потерявших всякий стыд, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части. Члены армейского и фронтового комитетов и комиссары единодушно признают, что положение требует самых крайних мер и усилий. Ибо нельзя останавливаться ни перед чем, чтобы спасти революцию от гибели».¹⁹

На юго-западном фронте так же русская армия потерпела поражение: «при громадном превосходстве сил и техники с нашей стороны на атакованных участках отступление шло почти безостановочно, что происходило от полной неустойчивости наших войск, рассуждения о том, исполнить или не исполнить боевые приказы начальства и преступной пропаганды большевиков».²⁰

11 июля Каблуков пишет уже о катастрофе на юго-западном фронте²¹: «сообщения ставки Верховного главнокомандующего за истекшие два дня принесли целый ряд чрезвычайно печальных известий. Немцам удалось на некотором участке нашего фронта вызвать полнейшую деморализацию в войсках, благодаря которой XI-я армия, еще так недавно победоносно сражавшаяся, разбита. О количестве попавших в плен и числе взятых врагом орудий и других трофеев говорить не приходится. Оно велико.... На тарнопольском направлении немцы благодаря нашей внутренней разрухе армии, порвали целых два фронта: фронт на котором мы утвердились, после блестящего Брусиловского продвижения, и фронт, с которого в 1916 г. Брусилов начал наступление.... Если прорыв юго-западного фронта и поспешный от-

¹⁹ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 79 – статья «На театрах военных действий» из газеты

²⁰ Там же.

²¹ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 81

вод наших войск из Галиции являют собою угрозу Киеву и всему Приднепровью, то подобный же неуспех у Крево ставит в опасность прежде всего, пульс всех нашей армии западного фронта – гор. Минск откуда открывается широкая дорога к сердцу России – Москве».²²

Тяжелая ситуация на фронте привела к передаче командования фронтом генералу Корнилову. В своем «Заявлении», помещенном в газетах, он говорил, что «единственной причиной происшедшей неудачи являются та гниль и то разложение, которые были внесены в армию позорной большевистской организацией. Свободная русская армия без железной дисциплины не устоит перед напором врага. Армией нельзя управлять одними увещеваниями, и в этот грозный час я решил не останавливаться ни перед какими мерами, чтобы заставить трусов и изменников, прикрывающихся идеями большевизма, не мешать честным борцам за свободу выполнять свой долг перед родиной».²³ Оставляя комментарий к выступлению Корнилова, Сергей Платонович отмечает, что «с 10го у нас диктатура не единоличная, однако, а коллективная в «лице» Врем. Правительства. К этой диктатуре мы пришли из-за катастрофы 9го июля на юго-западном фронте, размеры и последствия коей еще не определили мы».²⁴

Масштабы надвигающейся катастрофы были неоценимы, в городе начинают обсуждать возможность наступления немцев на столицу. Дезертирство вызывало ответные меры – введение смертной казни на фронте. В своем последнем замечании относительно армии Каблуков пишет «солдат я всегда ненавидел. Увы, как прав я оказался! Со времени подлого приказа № 1 до последних дней и бегства 6-13 июля армии Корнилова».²⁵ Разочарование от наступления охватывает автора, и на несколько месяцев он перестает вносить какие-то записи, оставляя лишь газетные вырезки в своем дневнике.

Таким образом, развернувшееся наступление на фронте, призванное поднять авторитет Временного правительства и вывести его из кризиса, привело к плачевным последствиям. Армия была развалена, население все активнее стояло за заключение мира любым путем и прекращение войны.

²² Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 83 – вырезка из газеты

²³ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 84 – «Заявление ген. Корнилова» от 7-го июля 1917 года.

²⁴ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 85

²⁵ Каблуков С.П. Дневник 1917 г. (с 1 июля – 22 июля) // ОР РНБ, ф.322, д.46, л. 155

Вместе с тем в дневниках и воспоминаниях интеллигенции события июня – июля 1917 г. отражены по-разному. Кто-то, имея возможность уехать из города, воспользовался ею, и в своих путешествиях, будь то Крым, Архангельск или Кисловодск, вел либо отрывочные записи о бытовой жизни и впечатлениях от поездки, либо же вообще забывал о своем дневнике. Другая группа интеллигенции больше внимания уделяла событиям, происходившим в столице – демонстрации 18 июня, выступлению большевиков 3 июля и новому кризису власти, вызванному выходом из правительства представителей партии кадетов, а позднее и самого главы правительства – кн. Львова. Для большинства оставшихся в городе эти события затмевают все неудачи на фронте.

Но если обратиться к воспоминаниям Б. А. Энгельгардт, В. Б. Лопухина, Д. А. Лутохина и к дневнику С. П. Каблукова, мы можем выстроить картину происходящих событий на фронте по дням. Эти представители интеллигенции не спешат с выводами и внимательно следят за развивающимся наступлением русских войск, в душе не надеясь на успех этой компании. Провал наступления, организованного Керенским еще больше подорвал его авторитет и веру народа во Временное правительство. Листовки большевиков, расходящиеся куда быстрее, чем правительственные газеты, были ближе солдатам, чем и было вызвано массовое дезертирство. Даже жесткие меры, вводимые генералом Корниловым, не смогли собрать армию по кусочкам. И после стремительного отступления русских войск в июле 1917 г. было понятно, что война проиграна, а Временное правительство «бессознательно ведет Россию к гибели».²⁶

²⁶ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Ч.2. Революция и контрреволюция. Глава 5. Нарастание контрреволюции. // ОР РНБ, ф. 1052, д. 33, л. 82

Д. И. Стогов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)*

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 2014 году, в год столетия со дня начала Первой мировой войны, общественность страны отметила также и еще одну важную дату – столетие со дня введения императором Николаем II ограничительных мер по продаже спиртосодержащих напитков. Эти меры обычно именуют в литературе «сухим законом». Так, Международная академия трезвости даже учредила памятную медаль «100 лет сухому закону России»¹, а многочисленные трезвеннические организации (в частности, Союз борьбы за народную трезвость) провели мероприятия, посвященные этому юбилею.

Вместе с тем, остается до конца не проясненным вопрос: был ли введен Николаем II «сухой закон» в полной мере, или же речь шла о некоторых неполных ограничительных мерах, направленных на снижение потребления алкоголя подданными Российской империи? Распространялся ли полный запрет на оборот алкоголя на всю территорию России?

В историографии получил распространение тезис о том, что в самом начале Первой мировой войны император Николай II подписал «указ о запрещении производства и продажи **всех видов** алкогольной продукции **на всей территории** (Выделено нами. – Д. С.) России», что фактически якобы означало введение сухого закона как такового.² Между тем, современная исследовательница отмечает, что «с 1 ноября в Москве и с 17 декабря 1914 года в Петрограде действовал абсолютный сухой закон, запрещающий продажу для

¹ Батраков Е.Г. Петрогаллюцинация: «сухой закон» в России.
<http://optimalist.narod.ru/retro.pdf>.

² Сухой закон. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F3%F5%EE%E9_%E7%E0%EA%EE%ED.

пития всех видов алкогольных напитков». ³ Однако существовал ли этот запрет *с самого начала войны* (как утверждается в процитированном нами сетевом ресурсе) и касался ли он всей территории России?

Отметим, что «сухой закон» – собирательный термин, включающий в себя полный или частичный запрет оборота этанолосодержащих веществ (за исключением медицинских, научных и промышленных целей, а также веществ с незначительным содержанием этанола)». ⁴

Рассмотрим обстоятельства, связанные с введением в России т. н. «сухого закона». В самом начале Первой мировой войны, как отмечает историк С. С. Ольденбург, правительством был введен запрет продажи спиртных напитков «как обычная мера, сопровождающая мобилизацию»; затем, 22 августа 1914 г., «было объявлено, что запрет сохранится на все время войны; он был постепенно распространен не только на водку, но также и на вино, и на пиво». ⁵

Действительно, согласно Особому журналу Совета министров от 23 августа 1914 г. «О воспрещении продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи», «председатель Совета Министров объявил Совету Министров, что Государь Император, 22-го сего Августа, Высочайше повелеть соизволил: существующее воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи продолжить впредь до окончания военного времени. Выслушав изложенное, Совет Министров *положил* (Выделено в тексте источника. – Д. С.): О таковой Монаршей воле сообщить Министру Финансов для надлежащего исполнения и зависящих распоряжений». ⁶

Вместе с тем, утверждение Ольденбурга о введении в июле 1914 г. запрета «как обычной меры, сопровождающей мобилизацию», требует разъяснения. Очевидно, что неверное толкование этого утверждения получило широкое распространение в современной публицистике. Так, к примеру, В. Довгань пишет, что якобы «17 июля 1914 года был издан указ о запрете на тор-

³ Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы). Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2013. С. 28.

⁴ Сухой закон. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F3%F5%EE%E9_%E7%E0%EA%EE%ED.

⁵ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 538.

⁶ Действия правительства // Правительственный вестник. 1914. 25 августа (7 сентября). № 192. С. 1.

говлю не только водкой, вином, но и пивом по случаю мобилизации, закрывались пивные лавки».⁷

Между тем, один из современников событий, Н. Коломаров, отмечал: «...рабочие, когда впервые, в начале войны, была запрещена продажа водки, а оставлены вина с пивом и продажа напитков в ресторанах 1-го разряда, протестовали против такого способа борьбы с пьянством, горячо высказываясь тогда же за меры «настоящей» борьбы в смысле полного запрета».⁸

Обращение к источникам подтверждает правоту Н. Коломарова. В крупнейших российских газетах за июль 1914 г. никакого «трезвеннического» указа от 17 июля 1914 г. не содержится. Есть только указ царя от 17 июля о введении на части территории империи военного положения.⁹

Военное положение, согласно указу, вводилось на части территории России (в основном современные Северо-Запад, Прибалтика, Белоруссия, Украина, Крым, частично Кавказ). Видимо, в виду военного положения на этой территории вводился полный запрет продажи алкоголя. Возможно, что вышеупомянутое утверждение о запрете продажи спиртного неким указом от 17 июля, встречающееся в литературе, – вольная трактовка указа о введении военного положения.

В Своде законов Российской империи, в «Правилах о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (приложение к ст. 23 Свода губернских учреждений), никакой конкретики по вопросу о возможности объявления «сухого закона» не содержится. Однако в пункте документа 12 отмечается: «Если в местности, объявленной на военном положении, будет признано необходимым, для охранения государственного порядка или успеха ведения войны принять такую чрезвычайную меру, которая не предусмотрена в сем Приложении, то главнокомандующий, непосредственно или по представлению командующего армией, делает распоряжение о принятии сей меры собственною властью, донося о том Государю Императору».¹⁰ Видимо,

⁷ Цит. По: Отрывки из книги В. Довганя. «Что пили». http://www.nubo.ru/pavel_egorov/old_rus/dovgan.html.

⁸ Коломаров Н. Теперь или никогда! Пг., 1915. С. 7.

⁹ Действия правительства. Именные Высочайшие указы Правительствующему Сенату // Правительственный вестник. 1914. 22 июля (4 августа). № 161. С. 1; Объявление военного положения // Московские ведомости. 1914. 22 июля (4 августа). № 169.

¹⁰ Свод законов Российской империи. Правилах о местностях, объявляемых состоящими на военном положении (приложение к ст. 23 Свода губернских учреждений). 1892. Июнь. 18, Собр. узак. 925, ст. 12.

император использовал этот пункт в законодательстве для введения на части территории России ограничительных мер, относящихся к обороту спиртного.

Косвенно о введении запрета на продажу алкоголя *не* на всей территории России свидетельствуют другие документы, опубликованные в «Правительственном вестнике», но чуть позже. Так, 30 июля в газете публикуется «Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон о некоторых мерах к усилению средств казны в виду обстоятельств военного времени». В документе, в частности, отмечается:

«В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений предоставить Совету Министров:

1). Устанавливать во всех местностях, где введена казенная продажа питей (То есть получается, что где-то казенная продажа продолжала существовать, а где-то ее уже не было! – Д. С.), цены на вино в размерах, не превышающих следующих высших предельных цен»...¹¹

Затем в документе перечисляются цены на вино, которые должны теперь быть: не выше 12 р. 80 к. за ведро для вина крепостью до 40°; 32 коп. за градус для ректифицированного спирта; 16 р. 80 к. за ведро для вина высшей очистки (столового) и водочных изделий. Далее перечисляются предельные размеры акцизов – на вино, спирт, пиво, табак и махорку. Например, с вина – 20 коп. с градуса; 20 р. с ведра безводного спирта и т. д.

В том же номере газеты опубликована статья анонимного автора «Меры к утверждению трезвости в народе». В ней, в частности, говорится:

«Прежде всего, в целях сокращения мест как казенной, так и частной продажи питей (Значит, полного запрета продажи алкоголя к 30 июля так и не было введено на всей территории империи! – Д. С.) акцизные управления отдельных губерний, по соглашению с губернаторами, должны определять, какие из них могут быть сохранены на будущее время и какие подлежат закрытию. В последнем случае казенные винные лавки закрываются безотлагательно, частные же места торговли крепкими напитками – по истечении сроков выданных разрешений...

В соответствии с законопроектом о мерах борьбы с пьянством, находящемся на рассмотрении законодательных учреждений, ограничивается про-

¹¹ Действия правительства // Правительственный вестник. 1914. 30 июля (12 августа). № 167. С. 1.

должительность продажи питей в частных местах продажи, [...] [чтобы она начиналась] не ранее 9 часов утра и оканчивалась не позднее 11 часов вечера в городах, а вне городов – не позднее 6 часов вечера; в казенных винных лавках в будние дни торговля должна начинаться не ранее 9 часов утра и прекращаться повсеместно не позднее 6 часов вечера...».¹²

Позже, 10 августа, в этой же газете был опубликован еще один любопытный документ – «Циркуляр Главному управлению неокладных сборов и казенной продажи питей управляющим акцизными сборами». В документе идет речь «о повышении размеров акциза с вина и спирта и пивоварения»¹³ (то есть опять-таки нет речи о полном запрете торговли алкоголем на всей территории страны). Далее в этом же циркуляре вновь дублируются размеры акцизов, приведенные ранее в документе, опубликованном 30 июля.

Анализируя приведенные документы, создается впечатление, что в самом начале войны полного запрета продажи алкоголя не было введено на всей территории страны.

Нашему предположению не противоречат и другие документы. В частности, согласно публикации «Правительственного вестника», «в заседании 1-го Августа Совет Министров одобрил предположение Министра Внутренних Дел об издании следующего обязательного постановления: 1). Воспрещается распитие крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и в других открытых местах в черте усадебной оседлости селений и в помещениях крестьянского общественного управления; 2). Воспрещается появление в общественных местах в черте усадебной оседлости селений и на проездных дорогах в состоянии явного опьянения; 3). Воспрещается хранение в селениях крепких напитков в помещениях частных лиц, населяющих эти помещения; 4). Владельцам домов в черте усадебной оседлости селений вменяется в обязанность не допускать в принадлежащих им помещениях неразрешенной продажи крепких напитков и о производстве такой продажи немедленно извещать полицию или сельские общественные власти и 5). Чайные, а равно столовые, закусочные и всякие иные заведения трактирного промысла без права прода-

¹² Меры к утверждению трезвости в народе // Правительственный вестник. 1914. 30 июля. № 167. С. 5.

¹³ Циркуляр Главному управлению неокладных сборов и казенной продажи питей управляющим акцизными сборами // Правительственный вестник. 1914. 10 (23) августа. № 177. С. 3.

жи крепких напитков не должны иметь внутренние сообщения с этими помещениями как содержателя заведения, так и его служащих и проживающих у него лиц».¹⁴ Выходит, что, несмотря на утверждения о запрете реализации спиртного, все же разрешалось «распивать» алкоголь, правда, только в определенных местах?!

Итак, анализируя исторические источники, неизбежно приходится признать, что меры по борьбе с пьянством, введенные императором в июле 1914 г., предполагали только *частичный* запрет оборота алкоголя *не на всей территории* государства. Но полный запрет реализации алкогольной продукции *и после 22 августа не состоялся* – в цитированном нами выше царском указе говорилось лишь о *продлении* уже ранее принятых мер.¹⁵ Распоряжения же *о полном запрете оборота алкоголя* принимались в отдельных регионах России местными властями.¹⁶

Как бы то ни было, частичный запрет продажи спиртного все равно имел значительный эффект, ибо, по различным данным, именно за эти годы снизилось общее потребление спиртного, резко уменьшилось количество преступлений, совершенных на почве алкоголизма, количество душевнобольных алкоголиков, количество алкоголиков-самоубийц и т. д.¹⁷ Газеты периода Первой мировой войны пестрели сообщениями об улучшении криминогенной ситуации в разных регионах страны. К примеру, «Утро России» отмечало, что «со

¹⁴ Совет министров // Правительственный вестник. 1914. 3 (16) августа. № 170.

¹⁵ Батраков Е. Г. Ретрогаллюцинация: «сухой закон» в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://optimalist.narod.ru/retro.pdf>. Дата обращения: 3 ноября 2014 г. С. 11.

¹⁶ Об этом, кстати, говорится в более позднем правительственном документе: «Волостным, гминным, станичным, сельским, селенным, хуторским, аульным и другим заменяющим их сходам и сборам, а в городах и посадах – городским думам и заменяющим их учреждениям, предоставляется возбуждать, установленным порядком, выраженные в законно состоявшихся постановлениях и приговорах, ходатайства о воспреещении в состоящих в их ведении местностях, а также на расстоянии ста сажень от границ означенных местностей, – продажи крепких напитков» (Высочайше утвержденное Положение Совета Министров «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений» // Собр. Узак. № 270, 10-го Октября 1914 г., ст. 2471; Авербах О. И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 гг. Т.1, изд. 2-е. Пг., 1916. С. 331–332). О продолжении существования винокурения в 1915 г. говорят статистические данные (См.: Количество спирта и вина, отпущенного из казенных складов по пониженным ценам на разные специальные надобности // 1915 г. Статистика производств, облагаемых акцизом. Ч. 1. Пг., 1917. С. 138).

¹⁷ Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915.

дня объявления мобилизации, когда в Уфе была установлена абсолютная трезвость, почти совершенно не приходится регистрировать ни краж, ни крупных преступлений. С 18 июля до сих пор задержано всего семь человек, причем почти все за «старые грехи», совершенные еще до закрытия винных и пивных лавок. Со времени же закрытия последних было 3–4 случая преступлений».¹⁸

О том, как восприняли новые правительственные меры в отношении алкоголя в широких кругах общественности, имеются интересные свидетельства. Так, профессор Н. Коломийцев в своей статье «Ни водки, ни пива» писал: «Конечно, существуют группы лиц, заинтересованных материально в продаже водки и пива. Но для нас, для всей России, важны не эти частные интересы, а общее благо всего государства, всего населения. Сила и мощь России – в полном отрезвлении; нам не требуется совсем ни водки, ни пива, хотя бы и с уменьшенным количеством алкоголя. Мы должны создать новую жизнь на здоровых началах, а не на пьяном тумане. Только ясный ум и здоровье населения могут служить твердым основанием для создания новой светлой жизни России».¹⁹

Убежденные монархисты также всецело поддерживали антиалкогольные меры Николая II. Так, «стенографистка Петроградской городской думы Мария Орловская, бывшая в течение десяти лет народной учительницей в Черниговской губернии», изложила в письме, направленном в Канцелярию МВД, «свой взгляд на те мероприятия, которые подлежат провести в жизнь с целью насаждения трезвости среди населения». «Для ограждения от алкогольного злоупотребления необходимо, по ее мнению, принимать меры предупредительного характера, – говорилось в специальной справке, составленной чиновниками Канцелярии МВД на основании письма М. Орловской. – В деревнях надо следить за тем, чтобы взрослые не приучали детей и молодежь к водке и бороться с этим путем бесед, брошюр и т. д. Для народа надо придумать какие-либо здоровые развлечения в часы досуга (театральные представления, хоровое пение, декламации) и в то же время содействовать к распространению чая и кофе взамен спиртных напитков».²⁰

Как только в печати появлялись статьи, в которых «трезвая политика» тем или иным образом критиковалась, монархисты не упускали возможности

¹⁸ Упадок преступности // Утро России. 1914. 3 сентября. № 209.

¹⁹ Коломийцев Н. Ни водки, ни пива // Утро России. 1914. 11 октября. № 247. С. 1.

²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1142. Л. 36.

выразить правительству или лично императору свою озабоченность. Так, петроградский монархист В. Бартушевич 18 мая 1916 г. написал письмо тогдашнему главе правительства Б. В. Штюрмеру, в котором препроводил вырезку со статьей из газеты «Новое время» «В чьих интересах?» В статье говорилось о том, что «под видом радетелей о народном здравии выступили и радетели о собственных карманах, которые запели умильные и лицемерные песни» в том духе, что необходимо пожалеть «бедненьких людей» и разрешить продажу легкого виноградного вина.²¹ «Подобные речи опаснее всякого денатурата. Виноторговцы добиваются открыть только форточку в стене благодетельного закона, избавившего Россию от губительных когтей спиртного дракона. А чрез эту форточку под видом легкого виноградного вина можно будет пронести все, что угодно, и тогда на народную трезвость можно будет поставить крест»,²² — отмечается, в частности, в статье.

Как мы видим, принятие царским правительством даже половинчатых, частичных ограничительных мер по обороту алкогольной продукции было с воодушевлением воспринято довольно значительной частью общества, в частности, право-консервативными силами.

²¹ Там же. Д. 1987. Л. 11.

²² Там же.

И. В. Узлова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ДУМА И ВОЙНА: ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОТ 26 ИЮЛЯ 1914 ГОДА

В соответствии с указом императора Николая II в Санкт-Петербурге 26 июля 1914 г состоялось внеочередное заседание Государственной думы. Депутаты были собраны для того, чтобы выслушать царский Манифест по случаю начала войны с Германией, определить свое отношение к этому событию и принять военный бюджет. Это заседание имеет особое значение в том плане, что на нем впервые после начала мировой войны правительство официально представило депутатам Думы свою трактовку причин и характера этой войны, а депутаты выразили свое понимание данных вопросов.

Заседание от 26 июля хорошо известно историкам, о нем упоминают многие исследователи, пишущие об истории первой мировой войны. Обычно они отмечают «единение» всех фракций, за исключением социал-демократов, в поддержке правительственного курса. При этом в советской историографии позиция социал-демократов оценивалась позитивно¹, а в постсоветской она оценивается либо нейтрально, либо негативно. Так, в одной из новейших работ нейтральная оценка присутствует в работе А. А. Иванова, который просто отмечает «всецелое», «полное» «единение законодательной и исторической власти», «за исключением фракции социал-демократов, резко осудивших войну»². Негативно оценивает позицию левых депутатов московский историк О. Р. Айрапетов³.

¹ Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976.

² Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) М.: СПб.: «Альянс-Архео», 2013. С. 91–92.

³ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1914. М.: Кучково поле, 2014. С. 123.

Несмотря на известность этого заседания, в историографии на сегодняшний день отсутствует комплексный всесторонний анализ его хода и тех позиций, с которыми выступали представители правительства и фракций Государственной думы. Не претендуя на то, чтобы в краткой статье восполнить этот пробел, тем не менее, рассмотрим некоторые важные моменты.

Сосредоточим внимание на вопросе о том, как царь и его министры, а также основные депутатские фракции Думы определяли причины, характер и механизмы зарождения первой мировой войны, и какие задачи они ставили перед собой в этой связи.

В начале заседания депутаты стоя выслушали Манифест, в котором Николай II в качестве исходной причины, по которой Россия вступила в войну, назвал защиту Сербии от нападения Австро-Венгрии. При этом царь подчеркнул, что Россия стремилась к мирному решению конфликта на Балканах, однако была вынуждена «принять необходимые меры предосторожности». «Мы повелели, – говорилось в Манифесте, – привести армию и флот на военное положение», а в ответ «союзная Австрии Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну». После этого Россия, говорится в Манифесте, была поставлена перед необходимостью «уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав»⁴.

Таким образом, версия начала мировой войны, изложенная в Манифесте, полностью снимала с правительства ответственность за эту войну.

На вопрос о том, чего ждет царь от депутатов Думы и всего народа, Манифест давал ясный ответ: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага».

Позицию царя в краткой речи развил председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин, который, говоря о причинах вступления России в войну,

⁴ Эта и все последующие фрагменты выступлений министров и депутатов цитируются по стенограмме заседания от 26 июля 1914 г. См.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет... Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. С.3–30.

сделал акцент на то, что России был брошен «вызов», не принять который «великая держава» не могла: «Императорское правительство не могло ... покорно отступить перед брошенным ему вызовом. Это значило бы отказаться от положения России среди великих держав. Это была бы роковая ошибка, она нас унизила бы, но не изменила бы не нами предreshенного хода событий».

Горемыкин первым сравнил предстоящую войну с отечественной войной 1812 г. Он также призвал депутатов забыть внутренние распри и «сплотиться вокруг единого знамени, на котором начертаны величайшие для всех нас слова: "Государь и Россия"».

Кроме того Горемыкин пообещал депутатам, что «и впредь они будут досрочно созываемы, если по чрезвычайным обстоятельствам это будет признано необходимым». Этим обещанием он стремился оправдать перед депутатами решение царя созвать депутатов только на один день для утверждения военных расходов. Затем планировалось отправить их по домам на долгий срок – до осени 1915 года, в нарушение закона. Позже, столкнувшись с протестом Думы, правительство приняло решение собрать новое думское заседание не позднее 1 февраля 1915 г.

После Горемыкина выступил министр иностранных дел С. Д. Сазонов, которому и было поручено изложить официальную версию причин и характера мировой войны. В начале своего выступления Сазонов, также как и Горемыкин, сделал акцент на проблеме престижа: «Россия не могла уклониться от дерзкого вызова своих врагов, она не могла отказаться от лучших заветов своей истории, она не могла перестать быть великой Россией». Далее министр заявил, что не вступиться за Сербию «значило бы не только отказаться от вековой роли России как защитницы Балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиной Германии для Европы есть закон». Непосредственные причины начала войны он объяснил так: «Когда в России была объявлена мобилизация армии и флота, Государю Императору благоугодно было Своим Царственным словом поручиться перед Германским императором, что Россия не приступит к применению силы, пока есть надежда на мирный исход переговоров на тех полных умеренности, началах, о которых я упомянул. Этот голос не был услышан. Германия объявила войну сначала нам, потом нашей союзнице». В конце выступления Сазонов заявил: «Мы боремся за нашу родину, мы

боремся за свое достоинство и положение великой державы. Владычества Германии и ее союзницы в Европе мы допустить не можем».

Оценивая речь Сазонова, отметим, что он сделал важные признания: война возникла как результат борьбы за гегемонию в Европе; Россия борется за свое положение великой державы; именно общая мобилизация армии и флота в России стала тем важным предлогом, который позволил Германии объявить войну России. Отметим и то, что Сазонов ни слова не сказал о той главной внешнеполитической цели, которую на Балканах ставила перед собой Россия: установление контроля над Константинополем и проливами.

Речь Сазонова была встречена бурными аплодисментами, хотя большинство депутатов, конечно же, понимали, что представленная версия далеко не полностью отражает реальную историю зарождения войны. Дело в том, что вопрос о причинах назревавшей войны и позиции России активно обсуждался в прессе задолго до ее начала. Высказывались весьма разные мнения. Так, правые монархические круги выступали против войны с монархической Германией и против поддержки «сербских цареубиц», виновных в убийстве наследника австрийского престола. П. Н. Милюков в кадетской «Речи» писал о ненужности такой войны для России в настоящий момент и возлагал на царское правительство ответственность за «поощрение Сербии», которое грозило общеевропейской войной. Социалистическая печать прямо говорила об империалистическом характере назревавшей мировой войны, в которой виновны все стороны⁵. Тем не менее, на заседании 26 июля Сазонову не задавали никаких вопросов.

Свое отношение к официальной точке зрения правительства представители трех фракций изложили в выступлениях, заранее подготовленных и согласованных на фракциях. Первым выступал А. Ф. Керенский, лидер фракции трудовиков, который заявил, что война – это огромная беда для простого народа: «великая скорбь охватила всю страну! Тысячи и тысячи молодых жизней обречены на нечеловеческое страдание, нищета и голод идут разрушать благосостояние сиротеющих семей трудящихся масс населения». Затем Керенский выразил уверенность в том, что «великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор напа-

⁵ Полетика Н.П. Возникновение первой мировой войны. М.: Мысль, 1964. С. 273–274.

дающему врагу» и из войны «родится единая воля – освободить страну от страшных внутренних пут».

Далее оратор четко определил ответственность правительств европейских государств, включая Россию, за «братоубийственную войну», которая велась в интересах правящих классов: «Неискупима ответственность правительств всех европейских государств, во имя интересов правящих классов толкнувших свои народы на братоубийственную войну». Затем Керенский отметил, что «социалисты всех ныне воюющих стран – Франции, Англии, Бельгии и Германии – пытались протестовать против разразившейся ныне войны. Мы же – русская демократия – не могли даже в этот последний страшный час вовремя свободно возвысить свой голос против надвигавшейся войны». После этого Керенский перешел к открытой критике политики правительства: «власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренней распри: не дает она амнистии боровшимся за свободу и счастье страны, ... и, вместо того чтобы облегчить положение трудящихся классов народа, именно на них возлагает главную тяжесть военных издержек, усиливая бремя косвенных налогов». Закончил лидер трудовиков свою речь постановкой следующей задачи: «Крестьяне и рабочие – все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и, защитив страну, освободите ее».

В советской историографии позицию Керенского трактовали как оборончество, т.е. как поддержку войны⁶. Однако, на наш взгляд, более точно ее можно выразить следующим образом: трудовики – за **оборону** страны от внешнего врага, но они считают войну несправедливой, навязанной правительствами, и ставят своей целью использовать войну для освобождения России «от страшных внутренних пут». Такая позиция давала возможность фракции трудовиков легально продолжать свою политическую деятельность, оставаясь оппозиционной правительству силой, выступать только за оборону, избегая поддержки захватнической империалистической политики царизма.

Весьма близкую позицию заняли две социал-демократические фракции (меньшевики и большевики), от имени которых говорил меньшевик В. И. Хаустов. Он также оценил войну как «страшное, небывалое бедствие». Обвинил в подготовке к войне европейские правительства, отметив, что «на-

⁶ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. С. 11.

стоящая война, порожденная политикой захватов, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран».

Еще более отчетливо, чем Керенский, Хаустов разделил интересы власти и народа, но при этом также как и Керенский поддержал идею **защиты народа** от агрессии: «Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили».

Хаустов также отметил тот факт, что уже задолго до войны «европейский пролетариат, во главе с германским, выступил с дружным протестом против подготовляемой правящими кругами войны», но так же, как и Керенский, не объяснил, почему рабочим Европы не удалось остановить войну. Однако он заявил, что «в международной солидарности всех трудящихся масс всего мира пролетариат найдет средства к скорейшему прекращению войны», и условия мирного договора «будут продиктованы не дипломатами, а самим народом».

В заключении он выразил «глубокое убеждение, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетений, от которых они страдают, и что теперешняя вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой». Фактически за этой фразой стояла мысль о том, что военные тяготы приведут к мировой революции, которая покончит с мировыми войнами.

Следует отметить, что позиция Хаустова так же критиковалась в советской историографии как недостаточно революционная⁷. Однако эту критику следует оценить как необъективную. В тех конкретных условиях, думские социал-демократы заняли правильную позицию. Она позволяла сохранить фракцию, пережить период «ура-патриотических» настроений и вести работу, используя все возможности депутатов Думы. К сожалению, депутаты-большевики осенью заняли неосторожную позицию, участвуя в нелегальной работе партийной организации. Царский суд признал депутатов виновными в участии в организации, ставящей задачу свержение царизма, и приговорил их к ссылке на поселение в Восточную Сибирь.

⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.2. М.: Изд-во политической литературы, 1966. С. 489.

Подводя итоги выступлениям представителей фракций трудовиков и социал-демократов, которые были избраны голосами миллионов рабочих и крестьян, отметим, что их устами война была однозначно оценена как несправедливая, навязанная правительствами, противоречащая интересам народных масс. Не отказываясь от участия в обороне своей страны, депутаты ставили задачу достичь мира на основе пролетарской солидарности и использовать войну для борьбы за мир и социализм. Обратим внимание и на то, что депутаты от левых фракций ни разу не произнесли слова «царь», и не выразили желание объединиться с монархом и защищать престол, отклонив тем самым главную идею Манифеста и речей царских министров. При голосовании за военные кредиты фракции социал-демократов и трудовиков в момент голосования покинули зал заседаний Думы.

Понятно, что выступление депутатов от левых фракций явно испортило то мажорное настроение, в котором началось заседание, и поэтому председатель Думы М.В. Родзянко после этого дал слово депутатам от прифронтовых западных губерний, которые от имени латышей, эстонцев, литовцев, поляков, евреев и прибалтийских немцев выразили полную готовность сражаться за Россию против германских войск. Несмотря на общую патриотическую тональность, депутаты от западных губерний высказали в адрес власти скрытые упреки и надежды на улучшение их положения после войны. Так, евреи отметили, что они живут «в исключительно тяжелых правовых условиях». Польский депутат выразил надежду на то, что «пролитая наша кровь и ужасы братоубийственной для нас войны приведут к соединению разорванного на три части польского народа». Латыши заявили, что у них «много счетов с нашими прибалтийскими немцами, но мы не будем теперь с ними считаться». Литовский депутат выразил надежду на то, что «литовцы, раскроенные надвое, после сокрушения немецкой силы будут соединены под одним русским знаменем». Все эти выступления говорили о том, что национальный вопрос в Российской империи является острым, и правительство должно учитывать это обстоятельство в своей политике военного времени.

После выступлений представителей западных губерний слово получил лидер кадетов П. Н. Милюков. Он дипломатично заявил, что «фракция Народной свободы неоднократно говорила в Государственной Думе о тех вопросах, которые здесь были затронуты двумя первыми ораторами ... Ее мнение по этим вопросам всем хорошо известно, и, конечно, никакие внешние

обстоятельства не могут изменить этих мнений; когда настанет время, фракция вновь заговорит о них и вновь будет указывать на единственный возможный путь к внутреннему обновлению России. Она надеется, что, пройдя через тяжкие испытания, нам предстоящие, страна станет ближе к своей заветной цели». Заветной целью кадетов было ограничение самодержавия, и поэтому Милюков с самого начала отмежевался от престола и также увидел в войне средство приближения к демократическим преобразованиям. В то же время он отметил, что в настоящую минуту стоит иная задача: «сосредоточить все свои силы на защите государства от внешнего врага, вознамерившегося столкнуть нас с своего пути к мировому господству». Далее он еще раз сформулировал эту задачу: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг – сохранить нашу страну единой и нераздельной (*бурные рукоплескания в центре, справа и слева*) и удерживать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами». В советской историографии речь Милюкова всегда оценивалась как откровенно оборонческая, как проявление поддержки внешней политики правительства. Известный советский историк А. Я. Аврех писал, что на призыв царя и Горемыкина «помещичье-буржуазные фракции Думы, начиная от крайних правых и кончая кадетами, откликнулись самым горячим образом, продемонстрировав безоговорочную готовность ему следовать. Впервые за всю историю Думы произошло полное слияние чувств и мыслей Н. Е. Маркова 2-го (крайне правого депутата – И.У.) и П. Н. Милюкова»⁸.

Однако в постсоветской историографии появились другие оценки. Московский историк Ф. А. Гайда одним из первых отметил, что с началом войны «далеко не вся либеральная оппозиция» испытывала тот «патриотический угар», в котором ее обличали советские историки. Автор пишет, что кадеты не могли не занять «патриотической» позиции, но отнеслись к войне более трезво и «рационально» и не собирались отказываться от своих внутривнутриполитических целей, направленных на ограничение самодержавия⁹. Ф. А. Гайда говорит о позиции кадетов на думском заседании от 26 июля в нейтральных тонах. Однако в целом его отношение к политике кадетов в годы войны от-

⁸ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. С. 11.

⁹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: Росспэн, 2003. С. 52.

рицательное. Во введении к своей книге автор пишет о кадетях как об «активных участниках пораженческой Февральской революции, приведшей Россию к национальной катастрофе»¹⁰.

Московский историк О. Р. Айрапетов в книге «Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1914» сделал один из наиболее подробных обзоров хода заседания от 26 июля в литературе последнего времени. И он не скрывает своего негативного отношения к позициям не только социал-демократов, но и трудовиков, и кадетов, заявляя, что лидер кадетов П. Н. Милюков «фактически присоединился» к выступлениям лидера трудовиков А. Ф. Керенского и социал-демократа В. И. Хаустова¹¹. В этой оценке есть большая доля истины. В то же время нельзя не отметить тот факт, что Милюков закончил речь под дружные аплодисменты как левых, так и правых. В то время как речи Керенского и Хаустова поддержки справа не получили.

Отметим, что депутаты от правых фракций с согласованной позицией не выступили. Они говорили от себя, как правило, очень кратко, не поднимая никаких острых вопросов. Самым пространным и содержательным было выступление крайне правого депутата Н. Е. Маркова, одного из лидеров Союза русского народа. Он пытался говорить от имени всего русского народа, который, по его мнению, дружно поддержал призыв царя. При этом Маркова никак не смущало то обстоятельство, что до него все левые депутаты, избранные от рабочих и крестьянской курий, открыто осудили войну и обвинили правительство в ее развязывании. Описывая проводы призывников в Курске, Марков заявил: «...я не слышал ни одного слова, ни одного упрека по поводу того, зачем война ... ни один голос не возвышался против войны, ни один голос не упрекал никого: зачем война». Любопытно отметить, что Марков, будучи крайним монархистом, также ни разу не произнес слово «царь». В своей речи он ответил на те скрытые упреки и условия, которые депутаты адресовали правительству. Марков представил дело так, как будто они адресовались не царю, а армии, и от имени народа заявил, что народ никаких условий не ставит: «никакие мысли, никакие торги, никакие условия не ставятся народом своей великой армии и своему могущественному флоту».

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1914. М.: Кучково поле, 2014. С. 123.

Граф В. В. Мусин-Пушкин, депутат от фракции центра, свое выступление свел к «кличу»: «Бог, Царь, народ. И наш пароль: Победа!».

Председатель фракции русских националистов и умеренно правых П. Н. Балашов также был не многословен и призвал к «полному, беззаветному единению с нашим Самодержцем».

Таким образом, правые фракции в Думе показали свое нежелание или неспособность дать анализ сложившейся ситуации и выразить к ней свое отношение. Они просто поддержали линию правительства.

Проведенный краткий анализ выступлений представителей правительства и депутатов на думском заседании от 26 июля позволяет сделать вывод о том, что сложившееся в историографии представление о проявленном там единстве не точно отражает реальную ситуацию. Говорить о единстве на заседании не приходится. Если учесть крайне недемократичный избирательный закон, на основе которого избиралась IV Государственная дума, то надо сделать вывод о том, что фракции трудовиков и социал-демократов, которые представляли огромное большинство избирателей, прямо выступили против единения с царем и правительством, согласившись лишь на оборону отечества от наступающего врага и поставив себе цель покончить с войной, апеллируя к солидарности трудящихся всех воюющих стран. Не только левые фракции, но и кадеты не хотели, чтобы победа усилила монархию, они хотели иного: чтобы война помогла покончить с самодержавием. Кадеты стремились достичь этой цели путем реформ, а социалисты стремились к революции. Эта позиция не предвещала царизму ничего хорошего. Усилить его позиции могла только быстрая и победоносная война. Однако история не дала царизму такого шанса.

К. А. Тишкина

Алтайский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ В 1914–1918 гг. РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛОВ СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА ПОДАЧИ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ ВОИНАМ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА)

Идея создания благотворительной организации с целью объединения и сплочения усилий сибиряков для помощи воинам-фронтовикам была впервые озвучена 9 сентября 1914 г. на заседании Совета старшин Петроградского Сибирского собрания. Данное предложение встретило горячий отклик среди сибирской интеллигенции, проживавшей в столице.

Обсуждение проекта устава нового благотворительного общества состоялось 28 сентября 1914 г. на квартире члена Петроградского Сибирского собрания Степана Васильевича Востротина¹. Устав Сибирского общества для подачи помощи больным и раненым воинам был утвержден 30 сентября 1914 г. Согласно его положению членами организации могли быть лица обоих полов, «сочувствующие целям Общества»². Финансирование организации осуществлялось за счет членских взносов, различных пожертвований, сборов по подписным листам, доходов от устройства благотворительных мероприятий.

Первое собрание членов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам состоялось 8 октября 1914 г. Председателем организации был избран представитель Общества вспомоществования учащимся сибирякам в Петрограде, издатель В. П. Сукачев. На собрании были обозначены цели деятельности организации: создание полевых госпиталей и врачебно-

¹ Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год с 1 октября 1914 по 1 октября 1915 г. Петроград, 1916. С. 4.

² Устав Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам. Новониколаевск, 1914. С. 1.

питательных отрядов для оказания помощи больным и раненым воинам-фронтовикам.

Сотрудники новообразованной благотворительной организации занялись активной работой по сбору денежных средств для реализации обозначенных целей. Во многие крупные города и села страны были разосланы обращения от Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. В воззваниях подчеркивалось, что «единственная возможность для сибиряков быть полезными общему делу ... есть устройство сибирских госпиталей в пределах Европейской России, как полевых в районах военных действий, так и эвакуационных в городах, лежащих вне этого района, среди которых теперь на очереди по приему раненых стоит Петроград»³. Жители Сибири с большим воодушевлением откликнулись на воззвание. Кроме денежных переводов, они направляли в Петроград белье и вещи для воинов.

Уже в ноябре 1914 г., сотрудники организации сформировали так называемый «Первый Сибирский передовой врачебно-питательный отряд», который действовал на Варшавском фронте⁴. Его возглавили Николай Виссарионович Некрасов и Николай Константинович Волков. Врачебно-питательный отряд занимался эвакуацией тяжелораненых воинов устройством полевых бань и кухонь и т.д. В тылу деятельность членов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в тылу заключалась в оказании всеобщей поддержке военнослужащих: сборе денежных и вещевых пожертвований; содействии больным солдатам при возвращении домой; оформлении прошений на выдачу пайков и пенсий; составлении списков убитых, раненых или пропавших без вести воинов-сибиряков.

Устав Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам предусматривал формирование отделов организации по стране. В ноябре 1914 г. был открыт Московского отдела Сибирского общества для подачи помощи больным и раненым воинам. С целью проведения работы по созданию новых отделов на территории Российской империи, осенью 1914 г. в За-

³ Сибирское общество для подачи помощи раненым воинам // Алтай. 1914. № 243. 31 октября. С. 1.

⁴ Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год с 1 октября 1914 по 1 октября 1915 г. Петроград, 1916. С. 17.

падную Сибирь были командированы Е. Л. Зубашев и В. И. Дзюбинский, в Восточную Сибирь – С. В. Востротин, в Забайкалье – Н. А. Преображенский.

Благодаря активной деятельности членов организации на 1 октября 1915 г. было открыто 34 отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, из них 5 действовали в Европейской части России (Москва, Харьков, Киев, Рига и Варшава), а остальные располагались в населенных пунктах на территории Сибири. К августу 1916 г. общее число отделов увеличилось до 52⁵.

На территории Алтайского округа действовало 6 отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. В ноябре-декабре 1914 г. при непосредственном участии Е. Л. Зубашева были открыты отделы в городах Новониколаевске, Барнауле, Бийске и селе Камень. Другие два отдела в 1915 г. сформировались самостоятельно в г. Кузнецке и с. Морозовское.

В состав правления региональных отделов входили местные общественные деятели. Так, например, председателем Каменского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам был избран купец II гильдии Василий Андрианович Винокуров. Казначеем стал предприниматель Всеволод Станиславович Петкевич. В состав правления также вошли невестка В. А. Винокурова Агния Ивановна и представитель местного отдела Российского общества Красного Креста о. Владимир Калугин⁶.

Члены новообразованных отделов сразу приступили к сбору средств на нужды организации. Новониколаевскому отделу Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в первую неделю своей работы удалось собрать 4578 руб.⁷. В день открытия Бийского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам 9 декабря 1914 г. в кассу организации были внесены крупные пожертвования. Так, например, купцы II гильдии Александр Иванович Хакин и Разумник Иванович Кузнецов пожертвовал по 1000 руб., купец I гильдии Николай Иванович Ассанов 300 руб. и т. д.⁸

Уже с декабря 1914 г. через Новониколаевск стали проезжать раненые воины, выписанные из госпиталей на долечивания, а также инвалиды, возвращающиеся домой. Члены Новониколаевского отдела Сибирского общест-

⁵ Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 134.

⁶ Отчет о деятельности каменского отдела Сибирского о-ва помощи раненым воинам за время с 16 ноября м.г. по 4 февраля с.г. // Жизнь Алтая. 1915. 19 февраля. С. 4.

⁷ Заседание комитета Сибирского о-ва // Алтайское дело. 1914. 4 декабря. С. 3.

⁸ Открытие Бийского отдела Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам // Алтай. 1914. 9 (22) декабря. С. 3.

ва подачи помощи больным и раненым воинам приняли решения организовать в городе «временный приют для ... отдыха» воинов на их пути домой⁹. Так как среди демобилизованных были жители Алтайского округа, руководство Новониколаевского отдела обратилось в Барнаульские и Бийские отделы Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам с просьбой взять на себя часть расходов по приюту солдат, а также выделять для них небольшие пособия на дальнейшую дорогу. Предполагалось, что работа приюта в Новониколаевске будет носить временный характер, до времени окончания строительства дорожного полотна от Барнаула до Бийска. Так же члены Николаевского отдела предложили организовать временные приюты для воинов и при Барнаульском отделе Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. В Барнауле Алтайский Дамский Комитет, действовавший при Барнаульском отделе Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, открыл в феврале 1915 г. остановочный врачебно-питательного пункт. На пункте, для нижних чинов возвращающихся на родину, предоставлялся бесплатный ночлег и горячая пища, при необходимости оказывалась медицинская помощь. На содержание остановочного врачебно-питательного пункта в период с 1 декабря 1914 г. по 1 ноября 1915 г. Барнаульским отделом Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам было потрачено 6060 руб. 62 коп.¹⁰ Весной 1915 г. приют для воинов был организован и в Бийске.

Другим направлением деятельности региональных отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам являлась организация и отправка на фронт грузов с вещами и продуктами. В основном такие посылки формировались к праздникам, например к Рождеству или Пасхе. Так, в декабре 1915 г. в ставку императора для последующего распределения на фронтах от Алтайского Дамского Комитета было отправлено 1530 комплектов нижнего белья, 214 шерстяных шлемов, 204 шарфа, 125 пар теплых чулок, 2 пуда кожи для починки сапог, более 5 пудов табака, 21 пуд колбасы, ветчины и сала, 7 пудов мыла, 16,5 пудов пряников, конфет и сушек.¹¹

⁹ Эвакуация раненых // Алтайское дело. 1914. 18 декабря. С. 3.

¹⁰ Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Ф. 143. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

¹¹ Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 203.

Для снабжения свежем бельем врачебно-питательных отрядов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам при Барнаульском отделе была организована пошивочная мастерская. В Бийске члены периодически проводились благотворительные акции по сбору нового белья для отправки на фронт.

С целью информирования жителей Алтайского округа о судьбах их родственников-фронтовиков, на страницах местной периодической печати публиковались списки раненых, убитых или пропавших без вести воинов. Данная информация собиралась сотрудниками Петроградского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и по запросу отправлялась в региональные отделы.

В целом, не смотря на общую направленность деятельность отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в Алтайском округе, можно выделить особенности в организации работы региональных представительств общества. Так, при Барнаульском отделе в ноябре 1915 г. был открыт приют, в который принимались «сироты обоих полов, которые не имеют матери, а отцы их пали на поле брани или находятся в войсках, если нет при этом родственников, которые могли бы содержать их за свой счет»¹². Новониколаевский и Бийский отделы содержали на фронте свои врачебно-питательные отряды

С 1916 г. всеобщий патриотический подъем населения Российской империи сменился усталостью и недовольством от затянувшейся войны. Это повлияло на снижение притока пожертвований не только в Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, но и в другие благотворительные организации. Из-за роста цен на продукты питания, региональные отделы Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны сократили объем посылок, отправляемых на фронт. Однако работа организации не прекращалась вплоть до выхода декрета нового правительства о «Передаче имущества и капиталов учреждения Красного Креста и Всероссийского союза городов в государственную собственность» (1918 г.).

Сибирское общество для подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны являлось одной из крупнейших благотворительных организаций, действовавших в годы Первой мировой войны. Открытие отделов на территории всей Российской империи способствовало формированию единой системы оказания поддержки воинам-сибирякам.

¹² КГУ ГААК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

III. ПАМЯТИ Р. Ш. ГАНЕЛИНА И А. В. ОСТРОВСКОГО

В. С. Измозик

*Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
имени проф. М.А. Бонч-Бруевича*

ВОСПОМИНАНИЯ О Р. Ш. ГАНЕЛИНЕ

Рафаил Шоломович до конца жизни притягивал к себе огромное количество людей. Среди его друзей, коллег, знакомых были не только историки, но и многие другие: физики, филологи, этнографы, медики и т. д. Притом этот круг, как нередко бывает у людей пожилых, не только не сужался в результате естественного хода событий, но все время пополнялся за счет новых, молодых коллег, попадавших под обаяние его личности. Хотя все мы, его знакомые, сходились в характеристике основных особенностей его характера, я уверен, что каждому Рафаил Шоломович, в зависимости от отношений с этим человеком, запоминался и какими-то особыми чертами. Иными словами, у каждого был «свой Ганелин»: друг, коллега, консультант, советчик, наставник, непримиримый оппонент. Его полнокровный облик может быть понастоящему воссоздан из воспоминаний самых разных людей.

Я же попытаюсь вспомнить «моего Ганелина». В 1967 г. в Ленинграде вышел двухтомник «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде». Его авторами были сотрудники Ленинградского филиала Института истории АН СССР Р. Ш. Ганелин, О. Н. Знаменский, Г. Л. Соболев, В. И. Старцев, Ю. С. Токарев и другие. Молодые тогда историки, в основном кандидаты наук (их превращение в докторов наук, в маститых ученых было еще впереди) нанесли, насколько это было возможно в условиях идеологической партийной цензуры, мощный удар по концепции печально знаменитого «Краткого курса», которая сохраняла еще свое влияние. Арифметический

подход к истории с его «черно-белым» видением прошлого здесь превращался в алгебру многофакторного процесса. Не случайно, В. И. Старцев впоследствии писал, что книга стала одним из первых проявлений «либерально-коммунистической концепции Русской революции». Я прочитал эти два тома в «Публичке» с огромным интересом, хотя некоторые пожелания по тексту у меня возникли. Естественно, что такой труд вызвал резкое неприятие со стороны консервативной части историков.

В начале 1968 г. в институте истории должно было пройти обсуждение двухтомника. За несколько дней до этого я побывал на Петрозаводской, 7, чтобы посоветоваться с В. И. Старцевым о подготовленном мной тексте, где я пытался описать заседание ЦК РСДРП (б) 10 октября 1917 г. на основе воспоминаний В. Н. Яковлевой, которая в официальной публикации документа вообще не упоминалась, и Г. И. Ломова-Оппокова. Виталий Иванович посоветовал назвать сообщение «Глазами москвичей» и пригласил меня на обсуждение монографии. Помню, что зал заседаний был полон. Выступали кандидаты и доктора наук. Почти каждый называл период, в котором он является специалистом. Poleмика шла достаточно острая. Особо запомнились эмоциональные выступления И. П. Лейберова и Х. М. Астрахана. Где-то в конце я набрался смелости или наглости и попросил слова. Я был в это время учителем истории Всеволожской заочной средней школы. Сказал, что передо мной выступали специалисты, а я один из тех, для кого написан данный труд и буду говорить, как читатель. Когда я возвратился на место, из президиума главный редактор двухтомника А. Л. Фрайман прислал мне записку, прося сообщить мои данные на предмет возможности дальнейшего сотрудничества. К сожалению, из этого ничего не произошло и, конечно, не по причине моего нежелания. В это время человек, сидевший рядом (это был, как я впоследствии узнал, Р. Ш. Ганелин), заговорил со мной, расспрашивая, кто я, где живу и т. п. Узнав, что в это время я обитал в квартире родителей жены на ул. С. Ковалевской, пригласил заходить в гости. Я не очень понимал, кто этот человек. Принял за акт ни к чему не обязывающей вежливости, поскольку хорошо помнил эпизод из «Золотого тельца», когда переводчик, сопровождавший американцев, искавших рецепт самогона, настойчиво приглашал Остапа Бендера заходить в гости в Москве, «но адреса почему-то не оставил». Через 36 лет в книге Р. Ш. Ганелина «Советские историки: о чем они говорили между собой» (СПб., 2004) я с глубокой благодарностью прочитал несколько строчек, в которых он очень тепло вспомнил о моем импровизированном дебюте в профессиональной аудитории историков.

Между тем, поскольку Рафаил Шоломович и я жили тогда рядышком (он на ул. Верности), то через какое-то время мы встретились на углу пр. Науки и ул. С. Ковалевской. Я снова получил приглашение, но опять им не воспользовался. И лишь после новой встречи, все на той же трамвайной остановке, я решил нанести визит. Не помню, знал ли я уже к этому времени, что авторами комментариев к первому тому «Воспоминаний» С. Ю. Витте, которые я приобрел в 1960 г., были как раз многолетние друзья и неоднократно соавторы Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин. С этого времени, видимо, с весны 1968 г. наши встречи стали регулярными и продолжались 46 лет. Если на улицу Верности я приходил с женой, то после недолгой общей беседы мою Людмилу Васильевну забирала к себе гостеприимная, удивительно домашняя Тамара Сауловна, а я переходил в комнату Рафаила Шоломовича, где продолжалось мое разностороннее образование.

Таким образом, я оказался одним из того, по выражению А. А. Фурсенко, «огромного числа людей», которые шли «к нему, чтобы обсудить наиболее волнующие вопросы, поведать свои тайны и посоветоваться, как поступить, как найти выход из той или иной весьма затруднительной ситуации».¹ Тем более, что после всех смен квартир (моих и Рафаила Шоломовича) мы продолжали оставаться близкими соседями. Хотя он никогда не был моим официальным преподавателем, но я с полным правом называю его одним из трех моих подлинных учителей. Первым был Юра Егоров (Ю. В. Егоров), который, как вскоре оказалось, был также близок к Р. Ш. Ганелину. Отмечу, что если с Юрой (он был старше меня на шесть лет) мы всегда были на «ты», то с Р. Ш. Ганелиным только на «вы».

Что же принесли мне эти годы общения? Во-первых, стремление к самостоятельному размышлению. Я видел перед собой человека, ученого-историка внутренне свободного, способного смотреть на прошлое и на современные события без идеологических шор. Знаменитый тезис К. Маркса «Подвергай все сомнению» в комнате Рафаила Шоломовича наполнялся реальным содержанием относительно официальной пропаганды, в том числе в сфере истории, не оборачиваясь цинизмом. Конечно, к этому времени я уже не был тем 18-летним мальчиком, который на казахстанской целине летом

¹ Фурсенко А. Предисловие //Россия в XIX–XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 3.

1956 г., увидев потрясающую бесхозяйственность (бурты гниющего зерна, «раскулаченную» технику и т. п.), может быть, впервые всерьез задумался о несоответствии теории и практики советской жизни. Но и иллюзий еще хватало, особенно относительно исторического прошлого. Здесь же я слышал очень многое из того, что впоследствии вошло в книгу воспоминаний Рафаила Шоломовича. Исторические персонажи в его передаче представляли реальными людьми, сошедшими с пьедесталов, со всеми их сильными и слабыми сторонами. Я бы еще отметил актерское искусство моего собеседника. Не случайно, конечно, что его сын и внук стали артистами. Все это впитывалось и помогало в моем становлении как историка.

Во-вторых, я ощущал здесь реальное стремление помочь в решении моих проблем, прежде всего, в переходе на преподавательскую работу в вуз. Рафаил Шоломович называл это попыткой «сварить кашу» и делал это, насколько я знаю, с участием Юры Егорова и других людей. Хотя до конца «кашу» (стать штатным преподавателем) приготовить не удавалось, но все же мне посчастливилось, благодаря им, в течение нескольких лет попробовать себя в роли «почасовика» в Высшей профсоюзной школе, где я познакомился с двумя потрясающими эрудитами и прекрасными людьми – Валерием Леонидовичем Афанасьевым и Ильей Зиновьевичем Кадсоном; и в Институте театра, музыки и кинематографии, где также были замечательные коллеги: В. Г. Дякина, О. В. Журавлев, Г. С. Койстинен, Ю. М. Шор и другие. К тому же, я время от времени обременял Рафаила Шоломовича, особенно в 1970-е гг., просьбами посмотреть черновые варианты отдельных кусков моей очень долго писавшейся кандидатской диссертации.

С годами, особенно после защиты мной кандидатской, а затем и докторской диссертаций, мы стали все чаще встречаться не только дома, но и на различных форумах – конференциях, защитах диссертаций и т. п. – где я удовольствием слушал всегда яркие, лично окрашенные его выступления.

Новые возможности открылись перед ним, как и для всех гуманитариев, с приходом перестройки. Может быть, впервые в российской истории можно было писать, выступать, не оглядываясь на внутреннюю и внешнюю цензуру; выезжать за границу на научные конференции и для работы в зарубежных архивах. Насколько помню, первая поездка за границу у Рафаила Шоломовича состоялась в ФРГ (Западную Германию). Была очень важная поездка в США для знакомства с подлинниками воспоминаний С. Ю. Витте, хранив-

шимися в Бахметьевском архиве при рукописном отделе библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке. Оттуда он привез домой тяжелый груз, поместившийся в объемной картонной коробке – сотни копийных страниц этих воспоминаний. Рафаил Шоломович любил рассказывать, как американский охранник в аэропорту, обратив внимание на пассажира с тяжелой коробкой, в результате помог тщательно упаковать ее скотчем. Хотя этот груз и лежал потом многие годы без движения из-за отсутствия денег, но все же в 2003 г. этот уникальный исторический памятник был опубликован под редакцией Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина.

Еще один сюжет данной поездки состоял в том, что первоначально из-за отсутствия достойных напарников, не получалось распить пару бутылок водки, захваченных из дома. И лишь с помощью американских историков-русистов, неоднократно бывавших в СССР (кажется, А. Рабиновича и Л. Хаймсона), эту приятную задачу решить удалось. В этой связи отмечу, что дом Рафаила Шоломовича всегда отличался неподдельным гостеприимством и подлинным демократизмом. На ул. Верности угощение, как правило, проходило на маленькой кухоньке. В квартире на Гражданском пр. пришедшие располагались в просторной комнате хозяина. Выпивка и немудреная закуска раскладывались на небольшом столике около кровати хозяина, так как в последние годы ему было легче находиться в полу-лежащем положении. Но главным украшением этих застолий была беседа, точнее великолепный весьма длительный почти монолог Рафаила Шоломовича, в котором история представала в своем «непричесанном виде»: анекдотах, байках, воспоминаниях. Помню, как я привез к нему нескольких москвичей, профессоров – преподавателей Академии ФСБ, людей разных по своим политическим взглядам, но бесконечно любящих «мадам Клио». Эта встреча произвела на них огромное впечатление.

В условиях дарованной историкам свободы Рафаил Шоломович обратился, помимо своих традиционных интересов, к новым темам. В частности, в 2006 г. вышла его книга «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина» (СПб.: Нестор-История). Здесь были опубликованы документы по делу и большая статья «В. Н. Кашин и его судьба». Историка волновала, прежде всего, проблема нравственного поведения людей в обстановке сталинской диктатуры. Анализируя стенограмму общего собрания сотрудников Ленинградского отделения Института истории АН СССР 21 марта 1937 г., на котором люди, в

том числе те, которых отличали «необыкновенная ученость, высочайший профессионализм», связанные «с подлинной интеллигентностью натуры, необыкновенной расположенностью к окружающим», «должны были бросить каждый по камню в своего товарища по науке, знавшего, как и они, что его после этого ждет», Рафаил Шоломович подчеркнул, что тех участников собрания, которые «с особым усердием обвиняли на нем Кашина», постигли репрессии, в то время как защитники избежали арестов. С некоторым удивлением и горечью он вспоминал, что коллеги В.Н. Кашина даже после его реабилитации в 1956 г. не вспоминали не только это собрание, но и его имя.² В наших разговорах он не раз возвращался к этой теме.

Избрание в 1991 г. членом-корреспондентом АН несколько не изменило его поведения и отношений с людьми. Несмотря на проблемы со здоровьем (в течение ряда лет он мог передвигаться только с помощью двух специальных палок), он приезжал на конференции (в частности, в Электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина), на защиты диссертаций (в СПб. университет и другие советы), регулярно бывал в своем СПб. Институте истории – в учреждения, где отсутствовали лифты, и приходилось значительные пространства преодолевать пешком. Он не любил говорить о проблемах здоровья и жаловаться. В последний раз я позвонил ему на мобильник вечером в субботу, 11 октября 2014 г., желая рассказать о последнем номере журнала, издаваемом М. В. Ходяковым. Я не знал, что его уже на «Скорой» доставили в больницу. Он лишь сказал, что сейчас ему говорить неудобно и просил перезвонить позже. Часа через полтора он повторил эту фразу. Это были последние слова, которые я от него услышал.

² «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб.: Нестор-История, 2006. С.8, 51.

В. В. КАЛАШНИКОВ

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

Р. Ш. ГАНЕЛИН О СИТУАЦИИ В РОССИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ушедший от нас осенью 2014 года Р. Ш. Ганелин собирался сделать на нашей конференции доклад, посвященный анализу политической ситуации в России накануне и в годы первой мировой войны. При этом особый акцент он собирался сделать на деятельности власти, которая накануне мировой войны оказалась перед альтернативой: реформы или революция. Эта проблема – сквозная в творчестве Р. Ш. Ганелина, и неслучайно ей уделено главное внимание в последней книге историка, вышедшей в 2014 г. под названием «В России двадцатого века»¹.

Три четверти объема книги составляет ее первая часть «На пути к краху империи», в которой собраны статьи, написанные Р. Ш. Ганелиным за последние годы и посвященные анализу узловых пунктов российской политической истории в последнее предвоенное десятилетие и годы мировой войны. Подробная рецензия на эту книгу опубликована автором этих строк в Петербургском историческом журнале². Ниже проведен анализ некоторых наиболее важных сюжетов этой книги.

Книга открывается статьей «Политические уроки освободительного движения в оценке старейших царских бюрократов», в которой анализируются позиции высших сановников империи по вопросу о назревших реформах после событий 9 января 1905 года. Внимание автора привлекла майская

¹ Ганелин Р.Ш. В России двадцатого века. М.: Новый хронограф, 2014

² Петербургский исторический журнал. 2014, № 3. С. 301–310.

записка группы старейших высших сановников, в которой был сделан критический обзор социально-политического развития империи, начиная с эпохи Великих реформ Александра II. Автор приводит вывод, сделанный сановниками: «Обзор протекшего полустолетия служит в наших глазах неопровержимым доказательством, насколько смута, лишь поверхностно затронувшая Россию в 50-х годах прошлого столетия, глубже проникшая в разнообразные слои населения в 70-х годах, ныне пустила глубокие корни до самого сельского населения включительно» (с. 17).

Этот «неопровержимый», по мнению сановников, вывод об углублении и расширении «смуты», выступает как аргумент в сегодняшнем споре с теми, кто склонен преуменьшать роль социально-экономических причин российских революций начала века и выводить их из злонамеренной пропаганды определенных кругов интеллигенции. И действительно, высших сановников империи трудно заподозрить в злонамеренной или некомпетентной оценке динамики социально-политического развития пореформенной России. И эта оценка была далеко не оптимистичной.

Автор статьи показывает противоречивую позицию сановников: признавая углубление «смуты» и необходимость реформ (направленных на решение крестьянского вопроса и преодоление недоверия земских деятелей к правительству), сановники стремились к «охранению основ». Выявляя это противоречие, автор тем самым ставит *вопрос о потенциале «охранительного реформаторства» в борьбе с нарастающей «смутой»* и далее предлагает свой ответ на этот вопрос применительно к разным конкретным ситуациям предвоенного периода.

Статья «Идея национального своеобразия России в государственном реформаторстве начала XX века» по своей проблематике примыкает к первой и также выступает как заглавная. Она содержит реакцию автора на ставшее сильным стремление к идеализации российской монархии: «Монархия, — пишет он, — была, согласно таким представлениям, воплощенной благодатью. Ее погубила революционная интеллигенция и этим обрекла Россию на ужасы большевизма». И далее автор с иронией обыгрывает названия двух известных фильмов С. Говорухина и напоминает, что слова «так жить нельзя» принадлежали С. Ю. Витте, который характеризовал ими отношение современников именно к дореволюционной России, к той, «которую мы потеряли».

Рассматривая проблему государственного реформаторства в начале минувшего века, автор отмечает, что важнейшим тормозом на пути реформ была уверенность царя и консервативных кругов в *национальном своеобразии* России, которое проявлялось в «*благодетельности самодержавия*». Идею «особого пути» России навязывал сам царь, оправдывая им свой отказ от введения конституционного и парламентского строя как западных институтов, чуждых российской самобытности. Упрямство царя в этих вопросах сыграло важную роль в разворачивании событий первой русской революции как волны протеста против старого строя, охватившего все слои общества. Автор так оценивает сложившуюся ситуацию: «Наступает такое время, когда продолжение политики бездействия или минимальных действий становится невозможным. Царствование Николая II подошло к такому рубежу, за которым ждать стало больше нельзя» (с. 23).

Ряд последующих статей раскрывают этот авторский тезис на основе анализа действий правительства накануне и в начале революции 1905 г.

Так, в статье о рабочем и социалистическом движении автор показывает, что многие царские чиновники не без оснований боялись реформ. Они опасались, что даже самые умеренные либеральные шаги будут иметь свою динамику и откроют путь радикальным силам в лице социалистического движения. И процесс преобразований, в котором реформаторы-либералы «видели альтернативу революции», мог «стать прологом к ней». В этой связи автор ставит принципиальный вопрос: «Означает ли это, что консерваторы, противники реформ <...> были правы?» И дает на него свой ответ применительно к проблеме альтернатив развития рабочего движения: «представляется, что *медленность, половинчатость реформаторства* стала причиной победы революционного, а не реформистского пути рабочего движения в противоположность тому, как это произошло в странах Запада» (с. 40).

В этой же статье показано, что одной из серьезных преград на пути «охранительного реформаторства» была позиция российских промышленников, которые отказывались видеть свою главную задачу в защите самодержавия. Промышленники отвергали предложения правительства удовлетворить часть экономических требований рабочих и тем снять остроту рабочего протеста. Более того, они заявляли, что экономические выступления пролетариата «являются крупным *политическим* движением, связанным с общим настроением

русского общества», и присоединились к требованиям основных свобод, заявленным земскими и городскими деятелями (с. 43).

Эту же проблему автор рассматривает и в статьях, специально посвященных событиям 9 января 1905 г. «Кровавое воскресенье» автор рассматривает как результат и свидетельство провала гапоновщины, петербургской разновидности «*полицейского социализма*». При этом он дает глубокое определение сути «полицейского социализма» как попытки убедить рабочих в «надклассовом характере самодержавия», «придать классовой борьбе пролетариата лояльный по отношению к царизму характер, ограничив ее цели достижением некоторых уступок за счет предпринимателей» (с. 99).

Анализ причин январского расстрела автор завершил следующим выводом: «самодержавие применило такое средство борьбы за свою неприкосновенность, которое соответствовало его природе» (с. 108).

Природе самодержавия соответствовало и решение о разгоне первой Государственной Думы. Истории созыва и разгона первой Думы посвящено три статьи, среди которых выделяется своим обобщающим характером, лаконичным изложением событий и точными оценками статья «Первая Государственная Дума Российской империи и ее судьба».

Автор показывает, что после краха надежд на возможность создать в Думе послушное большинство «дилемма правительственной политики» состояла в том, чтобы либо разогнать Думу, либо составить правительство с участием думских либералов. За второй путь выступал Д. Ф. Трепов, который вел переговоры с кадетами и делал царю доклады о необходимости «думского министерства» (с. 194). Автор склоняется к выводу о том, что переговоры по вопросу о «думском министерстве» для царя были лишь политическими маневрами. Поэтому усилия Д. Ф. Трепова оказались напрасны: царь был настроен на разгон Думы. Автор приводит важное мемуарное свидетельство императрицы-матери об отчаянии, охватившем царя после первой встречи с депутатами в Зимнем дворце перед открытием Думы. Они не выразили преданности и пиетета в отношении монарха. Царь плакал и говорил о Думе: «Я ее создал, и я ее уничтожу <...> так будет. Верьте мне».

В свете современных попыток идеализации П. А. Столыпина, заслуживают внимания страницы, посвященные его роли в разгоне первой Думы. Если премьер И. Л. Горемыкин боялся, что разгон Думы вызовет восстание, то недавно назначенный министр внутренних дел П. А. Столыпин сделал всё,

чтобы убедить царя не следовать советам Трепова. Вероятно, что именно эта позиция Столыпина, совпадавшая с желаниями царя, побудила последнего назначить энергичного министра на пост премьера и поручить ему разгон Думы. Подводя итог истории первой Думы, автор отмечает, что «острая политическая схватка между первой Думой и царской властью оказала свое влияние на весь "думский период" истории царской России» (с. 214). И действительно, природа и потенциал «охранительного реформаторства» проявились в истории первой Думы в полной мере.

Сюжеты, связанные с историей революции 1905–1907 гг., завершает статья «Первая российская революция и государственные преобразования». Ее отличает четкая формулировка проблемы взаимосвязи *трех сторон* назревшего процесса реформ правового строя в России, перед которыми оказалось правительство: «Вопрос об установлении правового строя включал в себя созыв представительства, создание объединенного министерства и предоставление населению гражданских прав. <...> Введение объединенного правительства было не только необходимым условием сохранения государственности под натиском революции, но и неизбежным средством осуществления всех остальных преобразований. <...> Введение же народного представительства <...> оказывалось немыслимым без права собраний, предвыборной агитации и т. п.» (с. 224).

Автор показывает, что уже в ноябрьском (1904) докладе Святополка-Мирского царю фигурировала, хотя и «лишь в самой робкой форме», упомянутая триада (объединенное правительство, народное представительство и политические свободы), которая «с нарастающей определенностью характеризовала собой последующие реформаторские проекты и принятые государственные акты» (с. 224).

Отметив, что связь между этими тремя направлениями государственно-преобразовательной деятельности проявляется во всех реформаторских актах 1905–1906 гг., автор тут же объясняет и причины ограниченности всех проектов реформ: «Политическая последовательность реформаторского направления в высшей бюрократической среде несомненна. Однако сущность убеждений сторонников неприкосновенности самодержавной формы правления и в особенности самого царя оставалась неизменной» (с. 223). В результате «перемены в жизни государства и общества, осуществленные царской властью, оказались исторически недостаточными...» (с. 215). Нельзя не признать точность оценки правительственного реформаторства в период первой революции.

Предыстория и история Февральской революции 1917 г. занимают доминирующее место в рецензируемой книге: им отведено почти 300 страниц текста. Эти сюжеты открываются статьей, посвященной анализу версии о стремлении определенных дворцовых кругов заключить сепаратный мир с Германией для предотвращения революции. Автор рассматривает версию в контексте проблемы «двух заговоров» и высказывает справедливое, на наш взгляд, мнение о том, что заключение сепаратного мира, как и дворцовый переворот, остались «предметом проблематичных и не слишком определенных планов». Ставя вопрос о возможности для царя заключить сепаратный мир с Германией, автор отмечает: независимо от того, насколько сильны были сепаратистские настроения при дворе, их носителям «было очень трудно разорвать цепь внутривластных препятствий на пути к сепаратному миру. Чтобы добиться его и использовать в социально-умиротворительных целях, царской власти нужна была значительно большая сила и свобода рук внутри страны». Что касается вопроса о планах дворцового переворота, то, по мнению автора, оппозиционерам из числа буржуазных общественных деятелей и генералов планы заговора против царя «представлялись в условиях России слишком опасными для существовавшего общественного строя». Автор показывает отсутствие у правительства и либеральной оппозиции четкой программы выхода из углублявшегося общероссийского кризиса, что ставило на повестку дня революцию как способ его разрешения (с. 400).

Глубокий раскол в самой царской семье показан в изящно написанной статье об отношениях Николая II и его брата Михаила Александровича. Особый интерес представляют страницы, посвященные попытке великих князей воздействовать на царя в конце 1916 г. в отношении Распутина и связанных с ним министров. Автор приводит малоизвестный текст ноябрьского письма Михаила брату, в котором содержатся крайне тревожные оценки сложившейся ситуации: «Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России» (с. 425).

В статье «Государственная Дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года» показано, что ощущение приближающейся катастрофы осенью 1916 г. охватило все общественные слои. Представители разных слоев населения в своих письмах резко критиковали правительство и думцев за неспособность остановить ухудшение экономиче-

ской и политической ситуации. Характерно приведенное письмо саратовского губернатора С. Д. Тверского, который сравнил ситуацию с 1905 г.: «Те же персонажи, те же слова с одной стороны и тот же паралич власти. <...> Опять звонкие резолюции о ненавистном правительстве и т. д. Ну, а дальше что? <...> Дальше опять скажет слово мужичок, или, вернее, сделает дело мужичок. Настроение прескверное. <...> На местах тоже вместо дела – наглое политиканство. Неужели уж нет у господ дворян здравого смысла? Увы – нет!». Подводя итог анализа перлюстрированной переписки, автор делает следующий вывод: «Все предвидели революцию, опасались социального взрыва, но надеялись, что его удастся избежать. Может быть, из-за этих надежд революция и оказалась неожиданной» (с. 441).

В статье «После Распутина» показана правительственная политика в декабре 1916 – феврале 1917 г., которая не предполагала каких-либо уступок оппозиции даже накануне революционного взрыва. Так, оказались безрезультатными февральские попытки М. В. Родзянко склонить царя к компромиссу. Столь же безрезультатными стали попытки председателя совета «объединенного дворянства» А. Д. Самарина и московского губернского предводителя дворянства П. А. Базилевского убедить царя назначить «правительство доверия» в духе постановления XII съезда объединенных дворянских обществ. Напротив, царь готовился распустить Думу и подавить народные выступления силой.

В статье «О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде» автор убедительно показывает, что революционный взрыв не был вызван направленными действиями каких-либо политических сил: «Не будет преувеличением считать, что происшедшее в Международный день рабочих, в четверг 23 февраля, явилось неожиданностью для всех, включая представителей революционных организаций и демократов различного толка, да и оценено было сразу далеко не всеми» (с. 466). Подводя итог своему анализу, автор делает следующее заключение: «Хотелось бы надеяться, что на этом кончатся многолетние историографические злоключения вопроса о соотношении начал организованности и стихийности в происхождении и характере Февральской революции, который в советской, как, впрочем, в некоторой степени и в зарубежной литературе, ставился в связи с оценкой роли большевиков» (с. 473).

В дальнейших статьях автор на основе новых и малоизвестных источников реконструирует важнейшие события февральских дней, показывая дейст-

вия правительства, либеральной оппозиции и левых партий на фоне стихийно возникших массовых выступлений.

На основании мемуаров последнего царского министра иностранных дел Н. Н. Покровского из Бахметьевского архива автор показывает, что планы правительства не пошли дальше решения распустить Думу и предложить царю составить новый кабинет из числа царских сановников либерального толка, которые могли бы вызвать доверие у думских либералов. Однако и этот план уже в условиях начавшегося восстания солдат гарнизона был блокирован царем, который послал на Петроград отряд генерала Н. И. Иванова и запретил министрам старого правительства подавать в отставку (с. 485).

Опираясь на мемуары генерала К. И. Глобачева, последнего начальника Петроградского охранного отделения, автор приводит сведения о том, что в Царском селе, в окружении царицы все события в Питере воспринимали лишь как заранее подготовленный дворцовый переворот в пользу вел. кн. Михаила Александровича (с. 487).

Далее в ряде статей автор предлагает читателю *«поденное»* рассмотрение хода революционных событий в Петрограде.

В статье, посвященной анализу событий 23 февраля, автор отмечает их стихийный характер и связь с «хлебными затруднениями». При этом он делает следующее наблюдение: «подавляющее большинство оставивших свои свидетельства не участников, а *наблюдателей* Февральских событий, вовсе как бы не заметили того, что произошло в первый их день, или не придали этому значения». Ни в Думе, ни в Совете министров «дыхание начавшейся революции еще почти не ощущалось». Министр внутренних дел Протопопов «ни 23-го, ни даже 24-го не счел нужным сообщить о событиях в Петрограде ни царю в Могилев, ни царице в Царское село».

Реконструируя события 24 февраля, автор показывает более организованный характер рабочего протеста, отмечая, что уже с утра рабочие Выборгского и ряда других районов не приступали к работе и колоннами стали двигаться к центру города. Наряды казаков им фактически не препятствовали. Определяя настроение рабочих, автор подчеркивает, что в этот день «хлебная тема в сознании масс отходила на второй план, уступив место лозунгам чисто политического характера. Мысль о свержении самодержавия получала широкий, почти всеобщий отклик». В то же время автор показывает, что ни правительство, ни либералы, ни социалисты не оценивали события

дня как начало революции. Власть полагала, что имеет дело с «хлебным бунтом», а левые видели в событиях удачные локальные выступления против тягот военного времени. Как писал большевик Шляпников, у ПК большевиков «было в моде» говорить «о стачке с трехдневным сроком». Автор отмечает, что демонстрации в этот день носили мирный характер. И власть не применяла оружие, хотя воинские части были уже приданы полиции.

Описывая события 25 февраля, автор отмечает немногочисленные случаи кровопролития, пассивность казаков и активность полиции, которой не раз удавалось временно разгонять митинги и демонстрации. На этом фоне «25-го ясно определились отношения между рабочими, солдатами, казаками и полицией». Проявления казачьего нейтралитета, а то и сочувствия движению, позволило рабочим сделать вывод: «Казаки за нас». Одновременно «рабочие и, особенно, работницы начали обращаться с призывами о присоединении к стоявшим в строю солдатам. <...> поведение казаков уничтожило взаимную настороженность рабочих и солдат. Предметом их общей ненависти стали “фараоны” – чины полиции».

Касаясь позиции политических партий, автор отмечает, что большевистские руководители в этот день составили листовку, в которой выдвинули лозунг «Долой самодержавие», однако «были крайне осторожны в применении боевых средств борьбы, да и возможностей для этого они в сущности не имели. Шляпников боялся, что применение оружия рабочими могло бы «только спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих». В борьбе за войско большевики проникали в казармы и агитировали там за присоединение к революционному народу.

Автор приводит свидетельства, которые показывают, что «буржуазные думцы были в растерянности и панике, а думские лидеры отнюдь не собирались <...> брать власть». Отмечает, что 25-го Дума не была центром движения, народ не шел к Таврическому дворцу.

Автор подчеркивает важную роль телеграммы, в которой царь приказывал Хабалову «завтра же прекратить в столице беспорядки». И подчеркивает, что вечером на совещании Хабалов и другие лица, ответственные за порядок в столице, «высказались за энергичное применение назавтра оружия».

В статье «26 февраля 1917 г. в Петрограде» детально описаны и проанализированы события этого воскресного дня, когда войска применили оружие против демонстрантов. Особое внимание уделено событиям на Знаменской

площади и у Казанского собора, действиям солдат Волынского и Павловского полков. Автор отмечает, что стрельба солдат по демонстрантам вселила в правительство уверенность, что «беспорядки» будут подавлены. Настроение властей выразил градоначальник П.Л. Балк: «стрельба войск по толпам, даже умеренная, произвела на улицу столь подавляющее действие, что можно было с уверенностью ожидать на следующее утро переход к успокоению столицы». Однако настроение рабочих и солдат было противоречивым.

Автор заключает статью анализом позиции жандармского генерала А. И. Спиридовича, который отметил, что «применение ружейного огня против толпы... всегда производит сильное впечатление на солдат и офицеров». Именно поэтому 27-го февраля революция «приняла новую форму»: применение оружия привело «не к прекращению беспорядков, а к обращению их в солдатский бунт, а затем и во всеобщую революцию» (с. 602).

В следующей статье автор показывает усилия придворных кругов и великих князей в последний момент спасти царя путем составления манифеста об установлении конституционного строя и об учреждении ответственного правительства с Родзянко во главе. Предполагалось, что царь подпишет манифест по приезду в Царское Село из Ставки. Однако план был сорван уходом царского поезда во Псков. И тогда появился план подписания манифеста великими князьями, не дожидаясь царя. Это было сделано 1 марта, однако ситуация в Питере была уже такой, что Родзянко не решился обнародовать манифест, не содержащий пункта об отречении царя.

Иллюстрируя глубину понимания царем и царицей причин революции, автор отмечает, что Николай II и Александра Федоровна, устанавливая виновников свержения режима, ставили великих князей на первое место.

Рассмотренные сюжеты не исчерпывают содержание книги. Однако и их вполне достаточно для того чтобы выявить ограниченный потенциал государственного реформаторства в России в предвоенные годы и в годы первой мировой войны. Рассматривая политику государственной власти этих лет Р.Ш. Ганелин убедительно доказал, что важнейшим тормозом на пути реформ была уверенность царя и консервативных кругов в *национальном своеобразии* России, которое проявлялось в «*благодетельности самодержавия*». Нежелание царя разделить реальную власть с Государственной Думой во многом было основано на его уверенности в том, что конституционный парламентский строй представляет собой чисто западный институт, чуждый российской самобытно-

сти. Эта позиция монарха была одной из важнейших причин того «кризиса верхов», который сыграл важную роль в развертывании событий, как в период первой русской революции, так и период назревания второй революции. Естественно, что «кризис верхов» не являлся единственной причиной Февральской революции 1917 года, но он сыграл в ней очень важную роль. В условиях первой мировой войны упрямая позиция царя, не готового идти на уступки либеральному обществу, привела к революции, а революция в конкретных условиях того времени с огромной долей вероятности вела к военному поражению. Назревшие социальные проблемы не позволили февральской революции остаться «славым» политическим «верхушечным» переворотом в масштабе столицы. Февральский политический переворот в столице положил начало глубокой социальной революции, охватившую вся страну.

В своей последней книге Р. Ш. Ганелин представил читателю результаты многолетнего труда, без учета которых немислимо понимание и дальнейшее изучение ключевых событий истории России кануна и эпохи первой мировой войны.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

Санкт-Петербургский институт истории РАН

О РЕФОРМАХ, ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ: ФРАГМЕНТЫ ИЗ РАБОТ....

**Из статьи «Идея национального своеобразия России
в государственном реформаторстве начала XX века»**

... Упорство в воздержании от реформ, если говорить о его психологической подоплеке в мироощущении монарха, не было одним только цепляньем за власть. Это упорство питалось *уверенностью в благотельности самодержавия как образа правления*. Глубокая ... уверенность в специфическом характере исторического пути развития России, господстве в сознании русского народа идеи божественного происхождения царской власти, неприемлемости в российской действительности парламентских форм правления

западного типа и самой теории общественного договора делала консервацию государственного строя религиозно-нравственным долгом монарха.

... Святополк-Мирский ... внушал царю во всеподданнейшем докладе 24 ноября 1904 г., что соблюдение прав человека вовсе не является атрибутом конституционализма, а вполне совместимо с самодержавным правлением. «Никто не станет теперь утверждать, что гласный суд и равенство всех перед законом несовместимы с самодержавным строем или что отмена телесного наказания является ограничением прав самодержавца».¹

... Чтобы показать, с какой ревностью относился Николай II к проблеме самобытности, достаточно упомянуть, что Святополк-Мирский распорядился «затушевать» в тексте своего всеподданнейшего доклада упоминание о том, что в 1860-х гг. конституционалистские течения заслонили славянофильские, боясь, что такое упоминание вызовет гнев царя. *«Если не сделать либеральные реформы..., то перемены будут, и уже в виде революции»*, – внушал он царю и царице, заверяя их, что «желание громадного большинства благонамеренных людей» заключается в том, чтобы осуществить эти реформы, не трогая самодержавия». Александра Федоровна заявила, что «перемены очень страшны» и их нужно делать понемногу, Николай II считал, что *«их хотят только интеллигенты, а народ не хочет»*. ... А тему о представительстве свел к тому, что «нужно назначать хороших людей»².

... Обоснованию ненужности перемен была подчинена и **историческая концепция царя**. «У нас не было феодализма, всегда было единение и доверие», – заявил он в Совете министров.³ ... Отрицавшие существование феодализма в России царь и его советники исходили из воззрений, существовавших в тогдашней исторической науке. До Н. П. Павлова-Сильванского в ней считалось, что в России была удельная система, а не феодализм, признавалось существование лишь сословий, а не классов, изучались не социально-экономические, а лишь правовые отношения.

... На третьем из февральских заседаний, том самом, на котором был решен созыв Булыгинской думы с законосовещательными правами, Николай II, говоря об особом пути исторического развития страны, сослался не только

¹ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 872, л. 9–12.

² Дневник княгини Е.А. Святополк-Мирской. С. 258–259.

³ Заседания Совета министров России 3 и 11 февраля 1905 г.: Записи Э.Ю. Нольде / Подгот. Р.Ш. Ганелина // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 296–305.

на «вековые устои и предания», но и на реальный характер имперской государственности. «Разница между [Россией и Европой] – 1/6 часть земного шара. Могущественное государство, ядро с коренным [населением]».⁴

Смысл этого был ясен: **либерализация строя угрожала существованию империи**. Он был в этом, в сущности, прав: одна только протяженность государственной границы и другие геополитические факторы, казалось, требовали неприкосновенности веками сооружавшегося здания.

... Но если необходимость сохранения империи рассматривалась как причина консервации внутривполитического строя, то существовала и закономерность не менее грозного обратного действия: **империя не могла существовать без имперской политики** и различных форм территориальной экспансии, а это, налагая особое бремя на население, и подрывало сильнее всего государственные устои, особенно в случаях военных и политических неудач.

В апреле и мае 1905 г. об этом двумя записками напомнили Николаю II патриархи царской бюрократии. Смысл обеих записок сводился к необходимости реформ, но в **качестве причин внутренних неурядиц назывались войны** – Крымская, русско-турецкая и русско-японская.

С ними автор первой из записок старый дипломат, посол в Берлине в 1879–1884 гг. П. А. Сабуров, связывал «крупные неудачи, ослабляющие нас внутри и извне». Он приписывал происхождение этих повредивших внутреннему состоянию России войн, возникших «все три раза против воли ее государей», несовершенству управления иностранными делами при обособленности ведомств, в результате чего «одному государю трудно, а иногда и совершенно невозможно взвесить все последствия, которые та или другая мера может повлечь за собой». «Вот почему, – писал он, – Россия может быть шаг за шагом вовлечена в войну, несмотря на миролюбие ее государей».⁵ Происхождение Крымской войны он связывал с решением Николая I о занятии Дунайских княжеств, русско-турецкой – с разрешением Александра II русским офицерам вступать добровольцами в сербскую армию, и русско-японской – с занятием Порт-Артура, решенным Николаем II. Было, однако, совершенно очевидно, что каждый из этих трех актов, которые Сабуров рассматривал как

⁴ Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. Вып. 6. С. 125–128.

⁵ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 6, л. 18–20.

проявления самодержавного произвола (хотя автор записки, конечно, не выговаривал этого), на деле были частью великодержавной политики империи.

... Полтора десятка записок, отражавших консервативный спектр мнений, использованных А. Г. Булыгиным при выработке положения о будущей Думе, явились предметом специального рассмотрения А. С. Изгоева, тогда «освобожденца», который пришел к выводу, что все они были связаны с идеей «особого характера отношений народа к царю и верховной власти, отличающего Россию от прочих европейских государств».⁶

В булыгинский проект законосовещательной Думы был включен исторический экскурс с доказательствами того, что намечаемые преобразования обеспечат и неразрывность крепкой исторической связи с прошлым, и незыблемость обеспечивающих самодержавный характер царской власти Основных законов. История представительных учреждений в России была изложена таким образом, что исконные допетровские начала государственной жизни оказывались неразрывно связанными с участием выборных в законодательстве.

При этом подчеркивалось, что Уложение царя Алексея Михайловича, лежавшее в основе Полного собрания законов, было принято при участии выборных, которые составляли как бы низшую законосовещательную палату. Затем указывалось, что идея представительства в той или иной форме находила свое отражение во внутренней политике всех царствований, за исключением времени Петра I и Николая I.⁷

Из статьи «Рабочее и социалистическое движение в представлениях российских сановников-реформаторов начала XX в.»*

Какое место занимало рабочее и социалистическое движение в представлениях тех российских сановников, которые на протяжении начала XX в. поддерживали и развивали реформаторскую тенденцию в государственном строительстве? Традиционный ответ на этот вопрос – их собственный взгляд, ставший вполне обоснованной и, во всяком случае, полновесной историко-графической концепцией, заключается в том, что либерализация режима,

⁶ Изгоев А. С. Из истории падения самодержавия. Перед созданием булыгинской думы: РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 18, л. 14.

⁷ Материалы по учреждению Государственной думы. 1905. СПб., 1905. С. 61 и след.

* Опубликовано: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 397–411.

удовлетворение оппозиции «благомыслящих» рассматривались как средство внесения раскола между оппозиционными и революционными силами. Перспектива соединения этих сил представлялась, как оно и оказалось в действительности в февральско-мартовские дни 1917 г., роковой для режима.

Отношения либеральных и революционных сил друг к другу определялись как классовым антагонизмом, так и стремлением каждой из сторон использовать противоположную в своих политических видах.

... Отношение революционного лагеря к либеральному ... определялось не только классическим постулатом социал-демократии о неизбежности буржуазной стадии исторического развития, которого твердо придерживались меньшевики, но и существовавшим в революционном лагере взглядом, согласно которому либерализм, торжество конституционализма, реформистский путь развития были едва ли не большим препятствием для победы революции, чем монархический строй.⁸ С другой стороны, лидеры социал-демократии считались с возможностью использования конституционализма для развития массового революционного движения. Общеизвестно, что Ленин видел в парламентских формах политической жизни средство смены не только существовавшего в стране режима, но и всего общественного строя. Но, ведь и меньшевики считали буржуазное развитие шагом к социализму. Так что *процесс преобразований, в котором реформаторы – как сановники, так и либералы-общественники – видели альтернативу революции, должен был стать прологом к ней...*

Означает ли это, что консерваторы, противники реформ, настаивавшие, в частности, на своеобразии национального пути развития России, исключая западные парламентарно-конституционные формы, были правы?

Более соответствующим действительности представляется, что *медленность, половинчатость реформаторства стала причиной победы революционного, а не реформистского пути рабочего движения* в противоположность тому, как это произошло в странах Запада.

Причиной сопротивления государственному реформаторству со стороны его противников и склонности умеренных его сторонников к крайней посте-

⁸ См. «Краткий словарь по социологии» (М., 1988, с. 287): «Реформа как уступка «верхов» массам может породить в революционном движении надежды на универсальность мирных форм борьбы, что особенно опасно в период вызревания революционной ситуации. Отсюда критика реформизма со стороны марксизма как революционного учения рабочего класса».

пенности проведения преобразований и их ограниченности был общий для идеологии консервативного крыла земской оппозиции и официальной охранительной догмы постулат, согласно которому предоставлением гарантированных гражданских прав и другими преобразованиями в этом роде будет, говоря словами Д. Н. Шипова, постепенно **«вытравлена религиозно-нравственная идея**, которая теперь еще сильна в русском народе».⁹ Чтобы этого не случилось, следовало оберегать самодержавную форму правления, и покушения на нее со стороны либеральной оппозиции казались такими страшными, что несколько заслоняли революционную угрозу.

Рабочее движение в узком смысле этого понятия (имеется в виду так называемая промышленная война, борьба рабочих за удовлетворение предпринимателями их экономических требований) вызывало наименьшие опасения. Дело было здесь, если позволено будет так выразиться, в чисто классовом подходе официально-государственных сфер к этим формам рабочего движения как к проблеме, стоящей перед промышленниками. Государственную же власть как надклассовый институт такие формы рабочего движения, постольку поскольку они были лишены политического содержания, по мнению этих сфер, затрагивали только в качестве арбитра между борющимися сторонами.

Из этого вытекало поощрительное отношение к безопасным проявлениям рабочего движения, связанное с традицией патриархального попечительства в рабочем вопросе.

... Лицам, принимавшим решение не допустить гапоновское шествие к царскому дворцу, более опасным казалось не классовое движение петербургского пролетариата, а поддержка, оказанная им платформе либерально-демократических преобразований. «Ведь вы хотите ограничить самодержавие!» – с ужасом заявил Гапону, ознакомившись с текстом знаменитой петиции, министр юстиции Н. В. Муравьев. Такую трактовку событий отражала и официальная версия их, основанная на противопоставлении общеполитических требований петиции «чисто рабочим». В официальном правительственном сообщении как «пропаганда явно революционная» были определены «дерзкие требования политического свойства», появившиеся в петиции «рядом с пожеланиями об изменении условий труда».

В этой ее части официальная версия отражала действительные представления высших сановников, для которых выдвинутые рабочими *требования*

⁹ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 286–269.

созыва Учредительного собрания с целью организации выборного представительства или предоставления гражданских свобод были страшнее, чем требования 8-часового рабочего дня и свободы борьбы труда с капиталом.

Из статьи «К предыстории «Кровавого воскресенья»^{*}

... Исходным пунктом «полицейского социализма», петербургской разновидностью которого явилась гапоновщина, было представление изощрявшихся в идеологическом и политическом охранительстве деятелей царского режима о его надклассовом характере, о возможности придать классовой борьбе пролетариата лояльный по отношению к царизму характер, ограничив ее цели достижением некоторых уступок за счет предпринимателей. И если провал зубастовской политики в Москве произошел в виде конфликта между Министерством внутренних дел и подчинявшимся министру финансов С. Ю. Витте частями государственного управления, которые ведали промышленностью, то крах гапоновщины в Петербурге повлек за собой общенациональный кризис.

Внешне дело выглядело так, что Гапон не сумел удержать рабочих от выступления. Однако за этим крылась мертворожденность самой идеи «полицейского социализма». Во-первых, петербургские предприниматели отказались от каких бы то ни было уступок рабочим. 5 января, после начала петербургской январской стачки, министр финансов В. Н. Коковцов забил тревогу перед царем по поводу того, что требования забастовщиков «представляются невыполнимыми для промышленников». На следующий день крупнейшие столичные заводчики на совещании у Коковцова подтвердили отклонение требований бастующих рабочих. Судя по тому, что сейчас же после «Кровавого воскресенья» Коковцов заявил о возможности немедленного удовлетворения большинства этих требований, постоянная антирабочая позиция промышленников была на сей раз, накануне 9 января, еще и формой их сопротивления «полицейскому социализму». Но крах его имел причину куда более существенную. Она заключалась в том, что Гапону за все время действия его организации не удалось придать рабочим требованиям казенный «классовый» характер, как того требовала концепция «полицейского социализма».

^{*} Опубликовано: Новое о революции 1905–1907 гг. в России: Межвузовский сборник. Л., 1989. С. 122–132.

... Получилось так, что набор общеполитических требований, еще более радикальных, чем те, что произносились на проходивших осенью 1904 г. в разных городах либеральных банкетах в честь сороковой годовщины судебных уставов 1864 г., вошел теперь в документ, обсужденный и принятый петербургскими рабочими. Отметим, что в петиции оказались такие невозможные для самодержавного режима требования, как созыв учредительного собрания и прекращение войны с Японией по воле народа. Причем требования эти предъявлялись в такой форме, которая содержала лишь *рудименты верноподданнической фразеологии*, да еще были выработаны под руководством тюремного священника, на которого высшее полицейское начальство возлагало свои надежды как на человека, способного привести рабочие массы к «благонадежности».

... до позднего вечера 8 января в царском окружении не знали, как поступить. Николай II будто бы хотел выйти к рабочим, но его родственники во главе с великим князем Владимиром Александровичем, который был командующим войсками Петербургского военного округа и руководил действиями войск, воспротивились этому, и царь остался в Царском селе.¹⁰

... Между тем теперь к давно известным сведениям о военных приготовлениях к расправе и о подготовке властями даже медицинской помощи¹¹ прибавились и воспоминания врача Обуховской больницы А. Сюзева. «За несколько дней до 9 января из 4-го полицейского участка Московской части в Обуховскую больницу, – писал он, – было прислано секретное предписание и запрос: каков штат хирургического персонала? Имеет ли больница достаточное количество перевязочных материалов?

... А 8 января около восьми часов вечера главный врач больницы Александр Александрович Нечаев отдал распоряжение: в воскресенье 9 января всему медицинскому персоналу утром явиться в больницу и никуда не отлучаться вплоть до особого распоряжения».¹² «В расположенной рядом с нами

¹⁰ Gerassimoff A. Der Kampf gegen die erste Russische Revolution. Frauenfeld, 1934. S. 37 u. folg.

¹¹ Невский В. Январские дни в Петербурге в 1905 г. // Красная летопись 1922 № 1 С. 42; Валк С.Н. Петербургское градоначальство и 9 января // Там же. 1925. № 1 (12). С. 41–44; Арзун А.М. Жертвы 9 (22) января 1905 г. // Там же. 1929. № 6; «9 января» в Петербурге (Вступ. ст. В. Невского) // Красный архив. 1930. Т. 1 (38). С. 4–19.

¹² Сюзев А. Воспоминания о 9 января 1905 года / Публ. подгот. З. Марьяновская // Блокнот агитатора. 1986. № 2. С. 22–23.

женской Обуховской больнице, – сообщал, далее, А. Сюзев, – в этот злополучный день весь медицинский персонал также заранее был на своих местах. Главный врач В. М. Карниг накануне получил из полиции предписание о подготовке к приему раненых».¹³

... Наряду с этими приготовлениями властей к кровопролитию, в отделениях гапоновского общества в рабочих районах, откуда утром 9 января двинулись к центру рабочие колонны, не было сделано никаких предупреждений о запрете шествия, а полицейские чины того участка, где помещался Путиловский завод, как известно, шли во главе колонны, и при обстреле ее у Нарвских ворот один из них был убит. Таким образом, хотя нет оснований говорить о существовании специально разработанного плана вызвать массы на выступление, чтобы затем расправиться с ними, с другой стороны, рабочие имели все основания считать себя спровоцированными.

... В настроении рабочих одновременно ощущались и вера в царя и кризис этой веры. «Многие ожидали расправы и, тем не менее, шли. Тут играло роль ощущение необходимости пройти последнюю черту, ту грань, пройдя которую останется рассчитывать только на собственные силы... Это было великое раскрепощение воли, которую сковывала вера в царя...», – писал В. Ф. Шишкин.¹⁴

... самодержавие применило такое средство борьбы за свою неприкосновенность, которое соответствовало его природе.

Из статьи «Политические уроки освободительного движения в оценке старейших царских бюрократов»^{*}

Начало первой русской революции привело к оживлению государственных преобразований, которыми в верхах правившей бюрократии пытались дополнить карательные меры, чтобы расширить социальную базу режима за счет удовлетворения «благомыслящих». Речь шла об *отыскании такой минимальной меры уступок*, которая оказалась бы для этого достаточной, но *как можно слабее задела бы прерогативы самодержавия*. Отстаивать их абсолютную неприкосновенность после «кровавого воскресенья» решались в

¹³ Там же. С. 29–30.

¹⁴ Шишкин В. Ф. Формирование революционной морали рабочего класса России // Материалы к научной сессии по истории пролетариата. Ч. 1. Одесса, 1967. С. 83.

^{*} Опубликовано: Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. Саратов, 1991. С. 122–137.

среде царского окружения лишь немногие. Если перед принятием указа 12 декабря 1904 г. царю ничего не стоило просто-напросто вычеркнуть по совету председателя Комитета министров С. Ю. Витте пункт о представительстве, то в течение второй половины января и первой половины февраля 1905 г. была *признана неотвратимость его введения* ...

Из статьи «Первая Государственная дума Российской империи и ее судьба»^{*}

Россия встретила XX век безо всякого подобия народного представительства общегосударственного характера. В большинстве населенных русскими губерний европейской части страны существовали выборные губернские и уездные земские учреждения, в которых преобладало дворянство, но они, как и городские органы самоуправления, были лишены всяких политических функций. За тем, чтобы те и другие ограничивались в своих действиях удовлетворением местных нужд, строго следили центральные и местные органы государственной власти. Консервативные сановники типа К. П. Победоносцева, называвшего конституцию «великой ложью нашего времени» и стремившегося «подморозить Россию», сторонники неославянофильского направления в общественной мысли, как и сам Николай II, видели в народном представительстве угрозу самодержавному образу правления. А к его неприкосновенности носители верховной власти относились с совершенно особенной заботливостью.

... Лишь после мучительных колебаний под давлением германского императора Вильгельма II, французских финансистов – кредиторов России, сановников, видевших необходимость реформирования государственного строя, а главное – ввиду нарастания революционных событий Николай II издал 18 февраля 1905 г. рескрипт на имя министра иностранных дел А. Г. Булыгина, поручив ему разработать положение о созыве Государственной думы с правами не законодательного, а законосовещательного учреждения.

... Однако созыв этой Думы, прозванной булыгинской, назначенный царским манифестом 6 августа 1905 г., так и не состоялся. Осенние революционные события привели к **манифесту 17 октября**, провозгласившему дарование населению гражданских прав и политических свобод, а также придание Думе законодательных функций.

^{*} Опубликовано: Вестник межпарламентской ассамблеи. СПб., 1996. № 1. С. 164–178.

... Куриальная система булыгинского избирательного закона была сохранена, введения всеобщего избирательного права Витте не допустил, но добился ограниченного представительства для рабочих по введенной для них курии. При многостепенности выборов их общий результат зависел от числа выборщиков от отдельных курий в губернских избирательных собраниях. Из их общего числа по 53 губерниям землевладельцы избирали почти 32 %, крестьяне – 43, горожане – 22 и рабочие – 3%.

... 26 апреля 1906 г. разношерстная толпа депутатов заполнила зал Зимнего дворца и встретилась с царской четой.

Как свидетельствуют многочисленные очевидцы открытия Думы – известный юрист А. Ф. Кони посвятил этому специальный очерк,¹⁵ – сама церемония открытия Думы была воспринята представителями царствовавшего дома как *похороны самодержавия*. Когда депутаты после торжественного акта в Зимнем дворце отправились на пароходах в Таврический дворец, чтобы начать там свое первое заседание, императрица-мать Мария Федоровна застала сына и его жену глубоко потрясенными в будуаре Александры Федоровны, утешавшей мужа и повторявшей, однако, что она всегда была против созыва Думы. «Я все это предвидела ... предвидела ... я говорила...», – твердила она. «По лицу моего сына, – описывала эту сцену близкой ей придворной даме Мария Федоровна, – текли слезы... Вдруг он сильно ударил по локотнику кресла и крикнул: "*Я ее создал и я ее уничтожу* ... так будет. Верьте мне." И мой сын при этих словах перекрестился».¹⁶

Через несколько дней после этого Горемыкин поручил составить проект нового избирательного закона, который дал бы Думу, более лояльную по отношению к царской власти. Закон этот был введен в действие Николаем II после роспуска Второй думы в июне 1907 г. Это был *государственный переворот*, поскольку законодательные права Думы при этом нарушались (царь мог распустить Думу, но не изменить законы о ней).

...И кадеты, и трудовая группа, в которую вошло значительное число депутатов-крестьян, стояли *за ответственность правительства перед Думой* (оно было ответственно только перед царем и им назначалось), за все-

¹⁵ Кони А. Ф. Открытие первой Государственной думы // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1966. С. 355–359

¹⁶ Государственные деятели России глазами современников. Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 18 (вступит. статья).

общее голосование, за политическую амнистию. Единогласно был принят по думской инициативе законопроект о замене смертной казни бессрочной каторгой, так и не ставший законом. В Думе не было правительственной и оппозиционной партий, она вся противостояла правительству.

Одним из главных методов политического оппонирования правительству Дума сделала – и это стало думской традицией – запросы министрам. За два с половиной месяца существования Думы было сделано почти 400 таких запросов. Истолковав обращение царя к депутатам в Зимнем дворце как тронную речь, Дума приняла ответный адрес. 13 мая Горемыкин в декларации правительства отверг все думские пожелания. *Разрешение аграрного вопроса на основе принудительного отчуждения помещичьей земли было объявлено недопустимым, как и установление ответственности правительства перед Думой* и упразднение Государственного совета. Дума, в свою очередь, вынесла резолюцию о недоверии правительству, которая, однако, не имела последствий.

... В центре политической борьбы в Думе стоял **аграрный вопрос**, особенно принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель. В ней столкнулись три аграрные программы – кадетская, крестьянская и правительственная. Кадетский проект аграрной реформы, известный как «проект 42-х», предусматривал наделение безземельных и малоземельных крестьян за выкуп земель, отводимой не в собственность, а в пользование в пределах трудовой нормы, за счет отчуждения государственных, удельных, кабинетских, церковных, монастырских и частновладельческих земель по «справедливой» цене. Проект предусматривал поступление отчуждаемых земель в государственный фонд, т. е. частичную национализацию земли.

Крестьянская же аграрная программа, отраженная в записке 104 депутатов-трудовиков, исходила из принципа национализации всех земель, превышающих трудовую норму. Осуществление этой программы означало бы ликвидацию помещичьего землевладения. В Думу был внесен и законопроект о немедленном уничтожении частной собственности на землю и распределении ее по принципу «уравнительного землепользования». Наряду с земельным голодом данный принцип оказал явное влияние на характер крестьянских требований. В этом сказалась традиция земельных переделов, сохранившаяся в сельской общине после отмены крепостного права. Частная собственность на землю была еще для значительных масс крестьянства чуждым понятием.

... Преобладающая точка зрения была такова, что рассмотрение **национального вопроса** может быть отложено до решения общеправовых задач. Политическая свобода в стране будет распространена на все народы империи. Как подчеркивали депутаты от национальных районов, именно от русского народа они ждали удовлетворения своих национальных требований. Освободительное движение в России усиливало поддержку представителями национальностей идеи российской государственности. «Со стороны нас, инородцев, явилось это, можно сказать центристское движение... Оно основано на том, что мы в этом освободительном русском движении не могли не заметить хорошего, благородного, человеческого, прекрасного», – говорил депутат П. П. Массониус. Требования автономии для Польши, национального равноправия для всех, протесты против карательной политики тех месяцев в Прибалтике (речь известного эстонского социалиста Я. Тыннисона) и на Кавказе сочетались с настойчивым стремлением к единству России.¹⁷ ... (Депутат – В.К). А Рамишвили заявил от имени кавказских рабочих и крестьян: «Единый великий организм – Россия, – вот наше спасение, спасение угнетенных классов, спасение всех инородцев, спасение отдельных наций». «Насколько я могу сравнить с тем, что делается в Африке, в Азии и других местах, куда направляется колониционный поток европейских стран, русский народ является наиболее терпимым из всех народов. И я знаю, что русский народ, раз он возьмет власть в свои руки, не допустит, чтобы в государстве угнетались отдельные лица и отдельные народы, как бы они ни были малочисленны».¹⁸

... Поводом к роспуску Думы было принятое кадетскими голосами ее обращение к народу, отвергающее правительственное сообщение по аграрному вопросу. Столыпин пытался придать тексту царского манифеста о роспуске Думы по возможности устрашающий характер, но Николай II ограничился предупреждением «ослушникам закона», что не допустит «никакого своеволия и беззакония».¹⁹

¹⁷ Гредескул Н. Национальный вопрос в Первой думе // Там же. С. 83–87.

¹⁸ Стенографический отчет. Гос. дума. Сессия первая. Т. 2. С. 1237–1238.

¹⁹ Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 52.

Из статьи «Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России. 1914–1916 гг.»*

В исторической литературе с начала 20-х годов нет полного единомыслия относительно того, насколько серьезна и сильна была склонность царской власти (или окружавшей трон камарилы) к сепаратному миру с Германией во время первой мировой войны. Различные взгляды существуют и по поводу практических шагов царизма в этом направлении. Одни считают их реальными и значительными, другие сомневаются в том, что такие шаги вообще были когда-либо сделаны. Отношение царизма к сепаратному миру как средству для предотвращения революции обычно рассматривается в качестве составной части проблемы «двух заговоров».²⁰

Несовершенство этой формулы, имеющей, по-видимому, газетное происхождение, как нам представляется, несомненно.²¹ В самом деле, существование нескольких разрозненных заговорщических кружков, в которых вынашивались различные планы насильственных перемен на престоле, может быть определено как единый заговор буржуазии лишь с очень большой степенью условности.²² Но дело не только в этом. Хотя так называемые «заговоры» являлись отражением кризиса верхов, классовая обусловленность которого несомненна, предположить возможность комплектования заговорщице-

* Опубликовано: Проблемы истории международных отношений: Сборник статей памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 126–155.

²⁰ См. историографический обзор в кн. В.С. Дякина «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны». Л., 1967. О зарубежной литературе см.: *G. von Rauch. Russische Friedensfühler 1916/1917?* In: *Internationales Recht und Diplomatie. Jahrgang 1965.* Köhln. S. 61–99.

²¹ В.С. Дякин в своей книге подверг эту формулу серьезной критике, отрицая наличие у царизма планов сепаратного мира и считая недоказанным существование так называемого «заговора буржуазии» в сколько-нибудь организованной форме. Он тщательно исследовал многие общеполитические проблемы, связанные с вопросом о сепаратном мире, и это освобождает нас от необходимости их рассмотрения. Однако позиция В. С. Дякина по существу вопроса кажется нам излишне категоричной и противоречащей некоторым фактам, им самим приведенным (часто впервые).

²² С.П. Мельгунов, настаивая на том, что прогрессивный блок не был центром, вокруг которого объединялись заговорщики, видел силу, их связывавшую, в масонстве (*Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 180 и след.*). Однако членами связующей масонской группы оказывались у него Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, А.И. Коновалов и И.Н. Ефремов, либо входившие в прогрессивный блок, либо так или иначе с ним связанные.

ских кружков, так сказать, по классовому признаку нельзя, как нельзя игнорировать того частного на первый взгляд обстоятельства, что в кружках этих в силу самой природы вещей едва ли не важнейшая роль принадлежала офицерам и генералам.

Вообще же в то время для оппозиции правлению Николая II со стороны «верхних слоев» российского общества, тех, которые в послефевральский период приобрели название «цензовых», в не меньшей степени, чем заговорщическая деятельность, были характерны пассивное сопротивление, стремление к умалению престижа власти в глазах буржуазной публики, думские и газетные антиправительственные выступления, распространение слухов и т. п. О заговорщической деятельности в строгом смысле этих слов приходится говорить лишь с очень большой осторожностью, до такой степени открыто она протекала.

... Как известно, ни дворцовый переворот, ни заключение сепаратного царского мира не состоялись, так и оставшись предметом проблематичных и не слишком определенных планов. Единственным в сущности актом, подпадающим под понятие заговорщической деятельности, является убийство Распутина – свидетельство того, что недовольство политикой царской власти распространилось и среди самих членов романовского дома.

... Нельзя забывать и того, что убийство последовало в результате второго покушения, а первое – неудачное – было подготовлено в недрах самого Департамента полиции и осуществлено приставленной к Распутину охраной. Вряд ли между этими двумя покушениями не было никакой связи.

В целом убийство Распутина осложняет схематизированную картину «двух заговоров». Совершенное членом царствовавшего дома и превратившимся в оппозиционера вождем черносотенцев, оно заставляет заподозрить у них цель предотвращения какого-либо поворота в политике царизма. Во всяком случае обычно даваемого объяснения, которое сводится к тому, что убийством Распутина пытались спасти царскую власть от компрометации, здесь, с нашей точки зрения, недостаточно. Вряд ли это был «третий заговор», направленный против так называемого «заговора буржуазии» и представлявший собой попытку спасения царизма от буржуазных оппозиционеров и «заговорщиков». Наоборот, лидеры думского прогрессивного блока были по крайней мере осведомлены о предстоявшем убийстве Распутина. Сделано это было через В. В. Шульгина, занимавшего

промежуточное положение между крайне правым крылом блока и не входившей в него группой Пуришкевича.²³ Что же касается В. Маклакова, стоявшего «левее», то он, собственно, участвовал в подготовке убийства Распутина, подавая юридические советы.²⁴

У так называемых буржуазных «заговорщиков» и «великокняжеской партии», ставшей в оппозицию к царской чете и добивавшейся, в частности, устранения Распутина, существовало, как нам представляется, некоторое совпадение устремлений.

... Как известно, едва ли не главное место занимало здесь не столько даже обвинение, сколько подозрение по поводу того, что царизм готовится заключить сепаратный мир с Германией, чтобы консолидировать свое внутривластное положение. Разумеется, отнюдь не возможность успехов царизма в борьбе с массовым движением (эта возможность связывалась с выходом из войны, хотя на самом деле продолжение войны не только не препятствовало карательной политике, но даже кое в чем облегчало ее проведение) пугала лидеров прогрессивного блока, членов различных военных кружков и представителей так называемой «великокняжеской партии». Но угроза сепаратного мира представлялась им неотделимой от перспективы политической победы «темных сил» и полного поражения всех оппозиционных верхушечных кругов.²⁵

... Фальшивы или искренни были выдвигавшиеся против царизма обвинения и подозрения, определить нелегко, особенно при том, что могли иметь место и заблуждения относительно действий и намерений правительственной власти. Да и сами эти действия и намерения (последние в особенности) с трудом поддаются определению.

... Независимо от того, насколько сильны были сепаратистские настроения при дворе, при сложившейся к 1917 г. крайней степени изолированности царской четы, связанных с ней носителей «вневедомственных влияний» и полицейских верхов им было очень трудно разорвать цепь внутривласт-

²³ Шульгин В. В. Дни // Февральская революция / Сост. С.А. Алексеев / Предисл. и примеч. А.И. Усагина. М.; Л., 1926. С. 66–67.

²⁴ Маклаков В. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. Кн. XXXIV. Париж, 1928.

²⁵ Ф. Юсупов, как известно, объяснял убийство Распутина тем, что Распутин собирался свергнуть Николая, учредить регентство Александры Федоровны и заключить сепаратный мир.

ских препятствий на пути к сепаратному миру. Чтобы добиться его и использовать в социально-умиротворительных целях, царской власти нужна была значительно большая сила и свобода рук внутри страны. В состоянии некоторой замороженности пребывали и «заговорчики», как назвал один эмигрантский журналист планы оппозиционеров из числа буржуазных общественных деятелей и генералов. Им самим эти планы, направленные против царя, представлялись в условиях России слишком опасными для существовавшего общественного строя. Глубокий раскол в «верхах» был частью общероссийского кризиса, который мог быть разрешен лишь революцией.

Из статьи «О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде»*

Представляется, что причины падения царского режима, к которым все чаще обращаются современные авторы различных не только историографических, но и политических направлений,²⁶ составляют три группы. Это явления, события и действия исторических лиц и политических сил, связанные, прежде всего, со всей историей России в новое время, затем – с изменениями в жизни страны, происшедшими вследствие войны, и, наконец, – с возникновением и ходом самих февральских событий в Петрограде.

На оценках происхождения событий их участниками мы и сосредоточимся, отметив предварительно лишь некоторые соображения по поводу политического влияния войны на судьбы режима, высказанные руководящими деятелями последних лет его существования, когда они в эмиграции осмысливали случившееся. В начале 20-х годов помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов, ведший в 1914–1916 гг. записи хода его заседаний, подготовил к печати те из них, которые охватывали время летнего политического кризиса 1915 г., и разослал их для ознакомления всем тем видным эмигрантам, кто в этих записях фигурировал, кого они касались или интересовали. Возникла эпистолярная полемика о причинах краха режима,

* Опубликовано: Проблемы всемирной истории: Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2000. С. 172–178.

²⁶ См. соображения по этому поводу В.Л. Харитонova и Ф.А. Гайды (*Харитонов В.Л.* Февральская революция в России // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 18–26; *Гайда Ф.А.* Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Там же. 1996. № 3. С. 31–45.

предшествовавшая опубликованию подготовленных записей.²⁷ Отчасти под ее влиянием на основе своих материалов А. Н. Яхонтов опубликовал в 1936 г. в двух с половиной десятках номеров парижской газеты «Возрождение» исторический труд «Первый год войны».²⁸

Как же представляли себе люди этого круга случившееся? Выходя за рамки 1915 г., А. Н. Яхонтов и его единомышленники при всем том, что писалось в некоторых органах эмигрантской печати о революционерах, масонах, евреях как силах, сокрушивших империю, видели **причины ее краха в пороках государственного управления**, приведших к оказавшимся роковыми политическим ошибкам. Определенность, с которой это было выражено в реконструированных Яхонтовым и одобренных другими его записях, даже вызвала возражение бывшего министра финансов П. Л. Барка, вероятно, потому, что воспоминания о его собственном участии в «бунте министров» против царя летом 1915 г. были ему по прошествии лет не очень приятны. «Иностранцы, не знающие России, – писал Барк Яхонтову, – читая Ваши мемуары, могли бы легко предположить, что наша страна управлялась выродившимися аристократами, не способными ни на какую энергическую деятельность, лишенными опыта, последствием чего вспыхнула революция. ... Между тем Вы знаете, что **революция обязана происхождением своим пропаганде интеллигенции...**»²⁹ Никаких оснований для таких предположений записи Яхонтова, которые Барк называл мемуарами, не давали, да Барк и сам указывал на нерешенные задачи правительственной политики как предпосылки революции. «Пищу для революционных стремлений, – писал он, – давали вопросы еврейский и аграрный, которые не были окончательно разрешены».³⁰

Яхонтов не изменил своих оценок и в 1936 г. Как и солидарные с ним бывшие сановники, он искал причины случившегося не столько в действиях думской оппозиции (один из традиционных подходов, укоренившийся к началу 20-х годов, в этом и состоял), сколько в множественности властей, обра-

²⁷ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. А.Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 670–703.

²⁸ Яхонтов Арк. Первый год войны (июль 1914–июль 1915 г.) / Вводн. ст. и комментарии Р.Ш. Ганелина, М.Ф. Флоринского // Русское прошлое. 7. 1996. С. 245–348.

²⁹ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. А.Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». С. 693.

³⁰ Ганелин Р. Еврейский вопрос в внутренней политике России в 1915 г. // Вестник Еврейского ун-та в Москве. № 1 (14). 1997. С. 41.

зовавшейся в стране в силу того, что руководящие органы земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов, а главное – Ставка верховного главнокомандования расширяли свое влияние и распорядительные функции в ущерб полномочиям Совета министров. За всем этим угадывался упрек царю, отражавший то, что некогда звучало на заседаниях Совета.

Ту точку зрения, которой руководствовался Совет министров в военные годы, Яхонтов продолжал отстаивать и в связывавшемся с судьбой режима вопросе о развале империи. В эмигрантской печати – теперь ей следуют некоторые российские издания наших дней – развал империи либо считался средством, с помощью которого враги режима стремились с ним покончить (хотя заметим, что крах его произошел без нарушения единства страны), либо, наоборот, цель свержения царизма видели в развале России. Сторонники этих обоих подходов к делу ставили на первый план активность националистических движений, германское влияние и деньги, происки Парвуса и т. п. Яхонтов же настаивал на том, что к развалу страны вела проводившаяся Ставкой вопреки Совету министров политика заигрывания с национально-освободительными движениями в странах – военных противниках, которая среди народностей Российской империи встречала по крайней мере не менее живой отклик чем тот, который Ставка надеялась вызвать в стане врага.³¹

Свержение монархии было лозунгом социалистических сил, единым для большевиков и меньшевиков при всех разногласиях между ними. Лозунг этот встречал все более широкое сочувствие в различных слоях общества: война независимо от положения на фронтах влекла за собой не только лишения и жертвы, но и – это было едва ли не главным – непреодолимую усталость армии и тыла. Для антимонархической агитации существовала благодатная почва, но действенность самой этой агитации определить нелегко. Зададимся более простым вопросом – ожидали ли враги монархии различных политических и идеологических ориентаций ее падения. Не станем повторять известных сведений о том, что Ленин в Швейцарии в начале 1917 г. считал революцию в России делом далекого будущего. Обратимся к Петрограду как центру февральских событий.

Не будет преувеличением считать, что происшедшее в Международный день работниц, в четверг 23 февраля, явилось неожиданностью для всех, вклю-

³¹ На деле вопрос этот, в частности применительно к Польше, выглядел много сложнее. См.: *Емец В.А.* Черноморские проливы и Польша в геополитических планах российской дипломатии (конец 1916–начало 1917 гг.) // *Россия в XIX–XX вв.* СПб., 1998. С. 357–366.

чая представителей революционных организаций и демократов различного толка, да и оценено было сразу далеко не всеми. Напряженное и даже тревожное ожидание каких-то событий сочеталось с неподготовленностью к ним. Независимо от того, предвидели ли революцию, ее не узнали, когда она началась.

... Е. В. Тарле приводил сказанные в те дни слова ирландского публициста О'Доннована: «В России зреет против царя заговор, о котором открыто говорят заговорщики самому царю».³²

Об одном из заговорщических кружков поведал А. И. Гучков. Кроме него, в этот кружок входили будущие министры Временного правительства первого состава П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, председатель Думы М. В. Родзянко и др. Напуганные, по словам Гучкова, предчувствием «большого народного революционного движения», они намеревались с помощью офицеров заменить царя на престоле его сыном при регентстве царского брата вел. кн. Михаила Александровича.³³ Но «наилучший выход из положения» Гучков видел в том, чтобы склонить царя к уступкам либеральной оппозиции. Попытки добиться этого предпринимали представители различных кругов – от великих князей до П. Б. Струве,³⁴ действовавшего при участии председателя Земгора будущего министра-председателя Временного правительства кн. Г. Е. Львова через английского представителя на Петроградской межсоюзнической конференции лорда Мильнера. О безуспешности некоторых из этих демаршей и своего в том числе рассказал ген. А. А. Брусилов.³⁵

Существовал и план дворцового переворота в пользу вел. кн. Николая Николаевича. Душой этого плана был кн. Львов.³⁶ Гучков впоследствии говорил, что переворот был назначен на 1 марта, и добавлял: «К сожалению, революция опередила нас».³⁷

.... «В конце января мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским, – вспоминал В. Б. Станкевич. – Речь шла о возможности дворцового переворота. К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное народное массовое

³² Тарле Е. В. Два заговора // Тарле Е. В. Соч. в 12-ти т. Т. 11. М., 1961. С. 684–689.

³³ Последние новости (Париж). 1936, 9 сент. № 5647; 13 сент. № 5651.

³⁴ См.: Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С. 25.

³⁵ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 223–224.

³⁶ Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 90–100.

³⁷ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 144–158, 206, 228.

движение может попасть в крайне левые русла, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны».³⁸

... Один из эсеровских лидеров В. М. Зензинов по свежим следам событий писал: «Революция ударила, как гром с ясного неба, и застала врасплох не только правительство, Думу и существовавшие общественные организации. Будем откровенны – она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас... Начавшееся с середины февраля забастовочное движение петроградских рабочих теми информационными собраниями, ... на которых присутствовали представители всех существовавших в Петрограде революционных течений и организаций, рассматривалось как обычное. Никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции».³⁹

... Почти в тех же словах вспоминал об этом А. Я. Гальперн, член Верховного совета масонской ложи «Великий Восток народов России», ставший управляющим делами Временного правительства. «Революция застала нас врасплох. Растерянность среди нас была фантастическая», – писал он, признавая, что он и другие члены руководства ложи – Керенский, Коновалов, Карташев – мало понимали смысл февральских событий.

... И в решениях большевистских организаций в Петрограде ничего серьезного не было связано с датой 23 февраля. Рабочие-большевики В. Н. Каюров и И. Д. Чугурин, игравшие видную роль в Петербургской большевистской организации, прямо пишут об этом в своих мемуарах. В. Н. Каюров не скрывает своего «удивления и возмущения» утренним выступлением работниц Выборгской стороны 23 февраля. «Это выступление текстильщиц, – заявлял он, – означало явное игнорирование постановления районного комитета партии, а затем – сам же я еще накануне призывал работниц к выдержке и дисциплине».⁴⁰ Чугурин, член райкома, ПК и его исполнительной комиссии, на сообщение о выступлении

³⁸ Февральская революция (в описаниях белогвардейцев). Сост. С.А. Алексеев. С предисл. и примеч. А.И. Усагина. Изд. 2-е. М.; Л., 1926. С. 170.

³⁹ Дело народа. 1917, 15 марта.

⁴⁰ Каюров В.Н. Дни Февральской революции // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 г.) / Сост. Ганелин Р.Ш., Уланов В.А. Л., 1986. С. 237. «Накануне Женского дня, в ночь на 23 февраля, я был командирован в Лесной на собрание женщин, – начинал свой рассказ об этом Каюров, – ...я тут же указал на текущий момент и, главным образом, призывал воздерживаться от частичных выступлений и действовать исключительно по указаниям партийного комитета. В возможности проведения на местах постановления районного комитета я был уверен».

реагировал вопросом, «почему не удержали рабочую публику от забастовки, в то время как у нас она была назначена на 1 мая».⁴¹

... Активный участник и один из первых историков Февральской революции А. Г. Шляпников сообщал об устной агитации за проведение митингов на предприятиях 23 февраля поскольку листовки ни ПК, ни Русское бюро ЦК выпустить к этому дню не сумели.⁴²

... исследователь И. П. Лейберов, характеризуя деятельность петроградских большевиков в дни Февраля, пишет: «Следует отметить, что руководящий большевистский центр не намечал на 23 февраля массового революционного выступления трудящихся в форме политических стачек и демонстраций. Русское бюро ЦК, ПК и Выборгский районный комитет исходили при этом из двух обстоятельств: как бы повышенное революционное настроение масс в условиях продовольственного кризиса не переросло в стихийные и анархические действия и чтобы силам контрреволюции не удалось раздавить разрозненные неорганизованные выступления трудящихся. Именно поэтому большевистский центр предостерегал массы от стихийных и разрозненных выступлений, одновременно дисциплинируя и организовывая их. Однако петроградские большевики сразу же подхватили революционную инициативу рабочих масс, их героический почин. Большевики приняли самые энергичные меры к тому, чтобы направить мощный революционный поток народного гнева в организованное и планомерное русло, к одной цели – к свержению романовской монархии».⁴³ В сущности последняя фраза относится ко всем революционным организациям города. Хотелось бы надеяться, что на этом кончатся многолетние историографические злоключения вопроса о *соотношении начал организованности и стихийности в происхождении и характере Февральской революции*, который в советской, как, впрочем, в некоторой степени и в зарубежной литературе, ставился в связи с оценкой роли большевиков.⁴⁴

⁴¹ Чугурин И.Д. Из автобиографии // Там же. С. 252.

⁴² Шляпников А.Г. Февральские дни в Петербурге // Пролетарская революция. 1923. 1 (13). С. 80.

⁴³ Лейберов И.П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914-го–март 1917 г.). М., 1979. С. 129.

⁴⁴ Знаменский О.Н. Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции // Свержение самодержавия: Сб. статей. М., 1970. С. 283–295; Longley D. Jakovlev's question, or the historiography of the problem of spontaneity and leadership in the Russian revolution of February 1917 // Revolution in Russia: reassessments of 1917. Ed. by E. R. Frankel, J. Frankel, B. Knei-Paz. Cambr. 1992. P. 365–387.

С. Н. ПолтораК
Журнал «Клио»

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. В. ОСТРОВСКОМ

С Александром Владимировичем Островским мы познакомились осенью 1992 г. Этому знакомству поспособствовал блестящий военный историк Вячеслав Михайлович Лурье. Когда я впервые увидел А. В. Островского и услышал его выступление на одной из конференций, я был буквально оглушен его мощным талантом. Он говорил настолько убедительно, что мне хотелось верить каждому его слову. Насколько я помню, Александр Владимирович был организатором той конференции, и она посвящалась историческим персоналиям. Материалы каждой из таких конференций позже А. В. Островским публиковались в его альманахе «Из глубины времен», который в те годы был необычайно популярен среди историков. Быть его автором считалось очень престижным. Авторство в нем свидетельствовало о высоком уровне профессионализма. У меня, только-только защитившего тогда докторскую диссертацию человека, появилась мечта: захотелось стать автором этого издания. В то время я занимался изучением истории деятельности первого директора Санкт-Петербургского политехнического института князя А. Г. Гагарина. Вот о нем-то я и написал статью, которую самонадеянно передал Александру Владимировичу. Интернетом тогда никто из историков еще не пользовался, поэтому для передачи текста статьи нужно было встречаться непосредственно с редактором. Наши первые встречи с Александром Владимировичем проходили на кафедре истории тогда еще Электротехнического института связи им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, где трудился А. В. Островский. Для меня встречи были трудными: я впервые столкнулся со столь въедливым критиком. Попытавшись пару раз отстаивать свои позиции, я вскоре понял, что спорить с этим очень грамотным и эрудированным исследователем бесполезно, потому что он все равно стоит на своем. Со временем я убедился в том, что настойчивость и даже настырность Александра

Владимировича не была самоцелью. И в своих требованиях он в итоге оказывался прав. Выполняя его рекомендации, я существенно улучшал свой материал, за что благодарен ему и сейчас.

Наши встречи на конференциях, семинарах и других научных «междусобойчиках» стали довольно частыми. Постепенно отношения перестали быть только формальными и переросли в более тесные товарищеские отношения. От В. М. Лурье и других коллег я постепенно узнавал об этом человеке. Родом он был из деревни со странным названием Улин в Калининской области, окончил школу в Псковской области в г. Великие Луки. Говорили, что школу он окончил с медалью, что совсем не удивляло. В 1970 году А. В. Островский окончил истфак Псковского пединститута, который в те времена славился своей исторической школой. По-моему, даже ректор института был историком, занимавшимся изучением событий 1918 г. на Псковщине. У меня в памяти отложились воспоминания о двух-трех его публикациях на эту тему в «Военно-историческом журнале».

Александр Владимирович после окончания аспирантуры и защиты диссертации преподавал в Вологодском и Ярославском пединститутах, о чем, спустя годы, очень часто мне рассказывал. Говорил он о тех временах с большим юмором, расцвечивая разные сюжеты яркими красками. Удивительно, но за всей этой веселостью стояла какая-то пронзительная грусть. Становилось ясно, что не все складывалось просто. Талантливый и яркий историк А. В. Островский притягивал к себе институтских руководителей, партийных и государственных чиновников, но бескомпромиссный молодой педагог, имевший свое мнение об окружающем мире и о ситуации в коллективе, был многим неудобен, потому что не вменялся в привычный формат «чего изволите».

Я не знаю, почему, в конце концов, Александр Владимирович с семьей перебрался в Ленинград. Вероятно, в этом городе было больше возможностей для самореализации. Да и не полюбить наш город трудно. Но при всем своем таланте, Александр Владимирович не сразу сумел защитить в Институте истории докторскую диссертацию, хотя ее мощная фактура и смелые идеи поражают и сейчас, спустя четверть века после защиты.

А. В. Островский с большим удовольствием работал в Электротехническом институте связи им. проф. М. А. Бонч-Бруевича и гордился этим вузом. Но в середине 1990-х годов ему предложили заведывание кафедрой истории в Гуманитарном университете профсоюзов, который в то время был весьма

популярным в городе, хотя многие считали фигуру его ректора А. С. Запесоцкого малопривлекательной. Александр Владимирович решился на заведывание, хотя, вероятно, понимал, что работать под руководством такого специфического ректора будет непросто. В тот период мы продолжали общаться, и мне была симпатична позиция А. В. Островского. Он не сплетничал о вузе, о взаимоотношениях в коллективе. Когда я его спрашивал о ректоре, имя которого в те годы было на слуху, он улыбался и говорил: «Работаем». Он вообще никогда не был сплетником.

В то время, под несомненным влиянием примера В. И. Старцева и А. В. Островского, я начал заниматься издательской работой. Сначала создал творческий издательский коллектив, состоявший из историков петербургских вузов, который «слепил» по образцу этих своих старших товарищей. Но вскоре почувствовал, что для успешного развития издательского дела необходима не общественная организация, а юридическая. Так появилось издательство «Нестор». Какое-то время его главной затеей было проведение четыре раза в год заочных научных конференций на различные актуальные темы. По тем временам то была находка, поскольку преподаватели зарабатывали копейки, но потребность в публикациях и в творческом общении никто не отменял. Мои заочные конференции Александр Владимирович в шутку называл «любовь по переписке». Мы оба с ним смеялись над этой формулировкой, поскольку она была удивительно точна. Дело в том, что в конце каждого сборника материалов заочной конференции были указаны адреса и телефоны авторов. Это давало возможность заинтересованным ученым из разных городов наладить контакты. Так, в общем-то, и было. При отсутствии интернета то был хороший инструмент для общения.

Встречи с А. В. Островским становились все чаще. Однажды мы договорились с Александром Владимировичем о встрече в переходе станции метро «Технологический институт». Было на этой станции такое особенное место для встреч. Называлось оно «под картой». Картой все называли огромную схему метрополитена, которая располагалась на стене. Сейчас схемы уже нет. Но иногда встречи «под картой» и сейчас назначаются. Так вот, случилось страшное: я забыл о назначенной встрече и спохватился, когда благополучно доехал от Ленинского проспекта до станции метро «Политехническая». Рванул в обратную сторону, но «под картой» Александра Владимировича уже не было. Не могу передать, как мне было стыдно, как я мысленно

метался и ругал себя. С трудом дождался вечера, чтобы позвонить Александру Владимировичу (сотовые телефоны были тогда недоступной диковиной). К моему счастью, Александр Владимирович отнесся к моим извинениям и объяснениям очень спокойно, даже пошутил по-доброму, без всякой едкости. У меня как камень с души свалился. Вскоре мы встретились, и все встало на свои места. Но тот случай помог понять мне многое о характере А. В. Островского. Я понял, что в нем нет ни капли снобизма. Он прекрасно понимал, что у людей могут быть ошибки, слабости и относился ко всему этому как к обычным жизненным обстоятельствам.

Однажды А. В. Островский пригласил меня к себе на кафедру в Гуманитарный университет профсоюзов. Повода для встречи какого-то особенного не было. А может быть и был, но я о нем не помню. В памяти осталось лишь то, что мы уютно устроились на кафедре втроем: Александр Владимирович, В. И. Старцев, который в то время работал на кафедре, и я. Чаевничали, вели неспешные беседы об истории. Виталий Иванович делился планами написания новой книги и интересовался, могу ли я взяться за ее публикацию. Из университета ехали до метро на трамвае. Тогда ближайшей станцией была «Электросила». Запомнилась какая-то совершенно восхитительная атмосфера нашего общения в тот день.

В 1997 г. А. В. Островский надумал издавать свою первую книгу. Называлась она «Сельское хозяйство Европейского Севера России. 1861–1914 гг.». Ее после некоторых колебаний он решил выпускать в моем издательстве, чему я был очень рад, поскольку наши встречи становились более частыми. У нас даже сложился алгоритм встреч. Я в то время ездил на работу в издательство из Дачного на своей машине. А издательство находилось на территории Политехнического университета. Я подхватывал Александра Владимировича у Троицкого моста, и мы остальную часть пути ехали вместе, обсуждая детали подготовки книги к печати. А. В. Островский очень волновался из-за предстоящего выхода книги. Меня это немного удивляло: такой «матерый» историк, а переживает, словно начинающий автор. Но, вероятно, за рукописью книги стояла огромная часть творческой жизни историка. В 1998 г. книга вышла из печати и была сразу же замечена коллегами. Наши отношения с А. В. Островским после этого стали еще ближе и сердечней.

В дальнейшем Александр Владимирович значительно скорректировал свою творческую работу. Он почти не писал научные статьи, поскольку все

свои силы нацелил в двух направлениях: продолжал издавать альманах «Из глубины времен» (за все время вышло 14 выпусков) и писал книги. Написанию каждой из них предшествовала огромная исследовательская деятельность. А. В. Островский до мелочей овладевал историографией проблемы, проводил работу в архивах. Особенностью его исследовательского стиля было то, что он каким-то удивительным образом выходил на адреса и телефоны известных в прошлом политиков и государственных деятелей, добивался с ними встреч, которые выливались в обстоятельные интервью, становившиеся бесценным историческим источником. Они были настоящими украшениями монографий ученого. В 2002 г. из печати вышла ставшая знаменитой его книга «Кто стоял за спиной Сталина». Труд по написанию книги был проделан титанический. Да и не безопасным был тот труд. Александр Владимирович мне рассказывал, что однажды, находясь в Грузии, он чуть не поплатился жизнью. Двое бандитов попытались его ограбить. И только хорошая реакция позволила А. В. Островскому избавиться от нападавших. Но работа в архивах, в том числе и грузинских, была проведена и монография увидела свет. Она была написана так увлекательно и таким простым языком, что многие читатели не воспринимали книгу как научный труд. Она им казалась просто захватывающий романом. На мой взгляд, это высший пилотаж. За кажущейся легкостью пера всегда скрывается упорный труд и большой талант. После этой работы было такое крупное исследование как «1993. Расстрел "Белого дома"» (2008), которое после значительной доработки в 2014 г. вышло под названием «Расстрел "Белого дома". Черный Октябрь 1993 года». В 2010 г. в Москве была опубликована книга «Кто поставил Горбачева?», которая вызвала оживленные дискуссии. Помню, как мы ее обсуждали вместе с автором в программе «Исторический клуб» на радио «Россия-Санкт-Петербург», а потом, когда ехали домой (нам было по пути), наша дискуссия с Александром Владимировичем продолжилась.

В 2011 г. из печати вышла его книга «Глупость или измена? Расследование гибели СССР», которая тоже всколыхнула читательскую общественность. Эта книга так же обсуждалась на радио. Мнения были разные, но несомненным было одно: А. В. Островский проделал колоссальный исследовательский труд. И хотя авторскую концепцию, объяснявшую причины распада Советского Союза, поддерживали не все коллеги, новаторский характер труда никто не оспаривал.

Потом, как отголоски прежних научных интересов, из печати вышли монографии «Зерновое производство Европейской России в конце XIX–начале XX в.» (2013) и «Животноводство Европейской России в конце XIX–начале XX в.» (2014).

Все свои книги А. В. Островский дарил мне с лаконичными автографами. Он был очень сдержан во внешних проявлениях своих эмоций, но в общении был совершенно другим – открытым, веселым. Очень любил иронизировать, но ирония его всегда была очень доброй.

У Александра Владимировича был свой ярко выраженный взгляд на прошлое нашего государства. Его, в частности, он выразил в своем справочнике по истории России, который вышел много лет назад. Издание, не похожее ни на какое другое. В нем содержится не только множество статистических сведений, но и хорошо замечен авторский взгляд на наше прошлое.

В 2001 г. я сменил Александра Владимировича в должности заведующего кафедрой истории в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. Инициатива такой расстановки кадров принадлежала ректору и на наших отношениях с А. В. Островским никак не отразилась. Долго в том вузе я работать не смог и, расставшись с ним, вернулся в Политехнический университет. Александр Владимирович по этому поводу много раз шутил, заявляя: «Многие говорят о моем неуживчивом характере, а ведь Вы, Сергей Николаевич, с Запесоцким и года не проработали в отличие от меня. Так у кого из нас неуживчивый характер?!».

В 2010 г. А. В. Островский позвонил мне и от лица руководства гуманитарного факультета университета телекоммуникаций предложил перейти на работу в их вуз, на кафедру истории и регионоведения. Работать с Александром Владимировичем на одной кафедре мне было в радость, и я согласился. Все эти годы нам хорошо работалось. Обсуждали научные проблемы, житейские дела, время от времени вместе ходили обедать в университетскую столовую. Ближе Александра Владимировича у меня в университете никого не было.

В феврале 2015 г. А. В. Островского не стало. В душе осталось много связанной с ним теплоты, а в моем издательстве – рукопись его новой книги.

А. В. Островский

О СИТУАЦИИ В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ФРАГМЕНТЫ ИЗ РАБОТ

А. В. Островский в 2013–2014 гг. выпустил из печати две монографии, в которых утверждал, что на рубеже XIX–XX вв. два главных показателя сельского хозяйства – зерновое производство и животноводство переживали в России кризис. Это утверждение характеризуют фрагменты из его изданий.

**Фрагмент из кн.: Островский А.В. Зерновое производство
Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Полторак,
2013. С. 347–349.**

Рассмотренный материал свидетельствует, что на рубеже XIX–XX вв. в Европейской России был исчерпан резерв свободных земель, а это значит, окончательно были исчерпаны возможности экстенсивного развития сельского хозяйства. В результате этого имел место кризис не трехпольной системы земледелия, как это считается, а переложно-залежного земледелия, которое вплоть до начала XX в. продолжало играть в российской деревне важную роль.

Переход страны от экстенсивного к интенсивному развитию земледелия сдерживали, с одной стороны, низкий уровень животноводства, не позволявший обеспечить удобрение пашни в соответствии с существующими агрономическими нормами, с другой стороны, разорение крестьянского хозяйства, составлявшего основу дореволюционного земледелия в России.

Это имело своим следствием то, что обеспеченность населения хлебом на протяжении двадцати предвоенных лет (1896–1914 гг.) фактически колебалась на одном уровне, который хотя и позволял удовлетворять минимальные продовольственные потребности населения, но не обеспечивал полностью фуражные потребности страны и тем самым сдерживал дальнейшее развитие животноводства.

Между тем втягивание России в мировой рынок и превращение хлебного экспорта в главную статью российского вывоза имело своим следствием то, что остающегося в результате этого в стране хлеба не хватало не только для скота, но и для населения.

Несмотря на это, в качестве главных производителей товарного хлеба выступали беднейшие и средние крестьянские хозяйства, в результате чего товарность зернового производства имела вынужденный характер. Это не могло не отразиться на уровне хлебных цен, которые стояли ниже себестоимости. С капиталистической точки зрения товарное зерновое производство Европейской России начала XX в. для большинства хозяйств являлось убыточным. Складывавшиеся в результате этого «ножницы цен» позволяли осуществлять перераспределение части национального дохода, создаваемого в деревне, в пользу города и таким образом осуществлять индустриализацию. По расчетам экономиста А. А. Барсова, в результате неэквивалентного обмена между городом и деревней российская деревня теряла в начале XX в. 36 % производимой ею стоимости¹.

Подобный же неэквивалентный обмен существовал между аграрной Россией и промышленным Западом. С его помощью страны Западной Европы выкачали из пореформенной России не менее 27 млрд руб., что составляло на 1914 г. около 40 % стоимости ее национального богатства страны без стоимости земли².

Между тем на протяжении XVIII–XIX вв. цены на российском и мировом хлебных рынках постепенно выравнивались, что происходило не столько за счет роста российских, сколько за счет падения международных цен.

Признавая объективный характер снижения мировых цен на хлеб, В. И. Гурко отмечал, что в таких условиях «исчезает всякая надежда» на возможность их «возвращения к прежнему уровню»³. «Раз цена твердо установлена на низком уровне, – констатировала Комиссия Плеве, – для экономической политики представляется одна задача – приспособить к этой цене отече-

¹ Барсов А.А. НЭП и выравнивание экономических отношений между городом и деревней // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 96.

² Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России: Статистическое исследование. М., 1960.

³ Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902. С. 44.

ственное земледелие», «согласовать интересы отечественного земледелия с положением международного рынка»⁴.

Это сдерживало рост внутренних хлебных цен и вело к сокращению возможностей для капитализации зернового производства⁵.

В таких условиях и перед помещиками, и перед правительством, и перед торговым капиталом (как внутренним, так и иностранным) открывались два пути приспособления к новым условиям на мировом хлебном рынке, два пути сохранения прежней прибыли: а) механизация земледельческого производства и б) усиление эксплуатации крестьянства⁶.

Механизация прежде всего требовала крупного хозяйства, которое могло бы располагать средствами для интенсификации своего производства и имело возможность для внедрения машинной техники. Между тем в условиях происходившего в России первоначального накопления капиталистического, организованного на использовании наемной рабочей силы хозяйство являлось убыточным. По этой причине и правительство, и помещики, и торговый капитал могли сохранять и увеличивать получаемые ими в деревне доходы главным образом за счет усиления эксплуатации крестьянства.

Рост крестьянских недоимок и мощная волна крестьянского движения, прокатившаяся по России в 1905–1906 гг., дают основание думать, что к этому времени рост эксплуатации деревни приблизился к своей критической черте.

Не позднее 1910 г. А. В. Кривошеин – человек, которому П. А. Столыпин доверил руководство задуманной им аграрной реформы, – подготовил Объяснительную записку к проектам «Учреждения Министерства земледелия» и «Положения о местных установлениях Министерства земледелия». В этой записке он обращал внимание на то, что развитие России в 80–90-е гг. «едва не завершилось общим экономическим кризисом» в начале XX в. «Если все останется в прежнем положении, – писал А.В. Кривошеин, – если по-прежнему значительная доля наличной рабочей силы, не находя себе приме-

⁴ Доклад председателя высочайше учрежденной в 1888 г. комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883–1888 гг. СПб., 1892. С. 32.

⁵ Шестаков А.В. («Никодим»). Капитализация сельского хозяйства в России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924. С. 7.

⁶ Там же. С. 8.

нения, будет оставаться неиспользованной, то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем»⁷.

Последующее развитие событий полностью подтвердило этот прогноз.

Фрагмент из кн.: Островский А.В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Полторак, 2014. С. 383–388.

Рассмотренный материал показывает, что после отмены крепостного права скотоводство Европейской России переживало скрытый кризис, который характеризовался тем, что рост поголовья скота отставал от роста численности населения, поэтому обеспеченность населения скотом и продуктами животноводства сокращалась. Неудивительно, что через всю пореформенную литературу, посвященную этой отрасли, как лейтмотив проходит мысль об упадке животноводства.

Из записки Н. П. Чирвинского (1903 г.): «Скотоводство в России падает: этот факт признается теперь правительством, о нем говорится в земских собраниях, в комиссиях, в сельскохозяйственных обществах, в специальной и общей прессе. По количеству крупного рогатого скота, приходящегося на 100 душ населения, России принадлежит одно из последних мест между европейскими государствами; ко всему этому скот распределяется весьма неравномерно: более богаты скотом окраины: Финляндия, Прибалтийский край, Польша и степной район, более бедны – остальные губернии Европейской России, особенно центр. Уменьшение скотоводства подтверждают как статистические данные, так и показания лиц, близко знакомых с деревней»⁸.

«Русское скотоводство, – писал тогда же Н. П. Ашешов, – переживает в настоящее время период весьма серьезного упадка. Этот упадок имеет не местное значение – наоборот, только местами являются редкие исключения из этого правила. Север, центр, юг, восток и запад России – одинаково испытывают на себе этот экономический процесс, лишь различно отражая его на се-

⁷ Объяснительная записка к проектам «Учреждения Министерства земледелия» и «Положения о местных установлениях Министерства земледелия» // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. 1910. Д. 376. Л. 84.

⁸ Чирвинский Н.П. Положение скотоводства в России. С. 1.

бе »⁹. «Процесс упадка скотоводства наиболее резкое проявление имеет на востоке и юго-востоке, где существуют еще кочевники»¹⁰.

«В России, – констатировал И. Попов, – уже давно говорят о земледельческом и скотоводческом кризисе – значит, явление упадка той и другой отрасли хозяйства сделалось хронической болезнью. Болезнь эта, однако, по времени обостряется»¹¹.

«Безотрадное положение, в котором находится русское скотоводческое хозяйство», – отмечал член Государственного совета В. И. Денисов¹².

Главная причина этого заключалась в исчерпании резерва свободных земель, в исчерпании возможностей дальнейшего экстенсивного развития животноводства. На протяжении всего пореформенного периода происходило сокращение кормовой базы: как площади выгонов, так и площади сенокосов. Не могло обеспечить кормами животноводство и земледельческое производство, о чем свидетельствует дефицит кормового зерна.

Обращая внимание на исчерпание резерва свободных земель на южных окраинах Европейской России, Н. П. Чирвинский писал в 1887 г.: «Наш юг распахивается быстро. *Он идет навстречу трехполью*. По мере приближения к этому моменту скот будет более и более мельчать и уменьшаться в числе, а вместе с тем более и более будет уменьшаться его доставка в столицы; с уменьшением предложения должны подняться цены на мясо, и у средней черноземной полосы появится стимул для развития животноводства»¹³.

Оказавшись перед невозможностью дальнейшего расширения кормовой базы животноводства прежними темпами, крестьянство не могло использовать того биологического потенциала расширенного воспроизводства поголовья, который имелся в его распоряжении (это касается и коневодства, и крупного рогатого скота, и овцеводства и свиноводства), а в неурожайные годы вынуждено было забивать миллионы голов скота, нарушая тем самым

⁹ Ашешов Н.П. Сведения о положении скотоводства и торговли его продуктами в России. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Попов И. О сравнительном состоянии скотоводства в России и Западной Европе. Казань, 1890. С. 3.

¹² Денисов В.И. Действительное положение сельского хозяйства в России (по поводу экономической записки Министерства финансов). СПб., 1912. С. 18.

¹³ Чирвинский Н.П. Какой скот разводить в наших хозяйствах // Сельское хозяйство и лесоводство. 1887. № 11. С. 200.

даже его простое воспроизводство. «В неурожайные годы, – отмечал современник, – крестьяне лишаются до половины скота»¹⁴.

Недостаточная обеспеченность скота кормами и совершенно неудовлетворительное его содержание, особенно в зимних условиях, вели к вырождению скота, падению его продуктивности.

Обращая внимание на «уменьшение количества *и качества* скота» даже на Дону, Н. П. Ашешов писал в 1903 г., что это объясняется недостаточностью кормов, «обусловленной хищническим ведением сельского хозяйства с чрезмерною распашкою земли, сокращением естественных лугов и отсутствием луговых посевов»¹⁵.

«Причинами постепенного падения скотоводства, – отмечал он далее, – являются помимо таких стихийных бедствий, как неурожай: 1) общее обеднение крестьянской массы; 2) малоземелье; 3) уменьшение пастбищ; 4) недостаток кормов, 5) ухудшение существующих пастбищ...6) плохое питание скота зимой и осенью, сводящееся почти исключительно к соломе и сену без добавления корнеплодов, отрубей, жмыхов, барды и др. питательных кормов; 7) слишком раннее пользование бычков как рабочей силою, начиная с 2-летнего возраста»¹⁶.

«При наличии таких условий тип скота чрезвычайно низкий. Приспособление к плохому уходу, нерациональному водопое с холодной водой, стоянию в грязи и холоде, к скудным кормовым средствам, постепенно вырождаясь, утрачивая свои отличительные признаки – рост, вес, масть, продуктивность, породы скота приобрели, хотя и не всегда проявляемую особенность – выносливость»¹⁷.

Факт вырождения скота отмечали и другие современники.

Н. А. Крюков: «Все скотопромышленники в один голос заявляют, что скот, продаваемый на мясо, все ухудшается и ухудшается, нагул делается все менее и менее заметным. В общем, скот становится мельче и хуже»¹⁸. «Ска-

¹⁴ Лохтин П.М. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. С. 274.

¹⁵ Ашешов Н.П. Сведения о положении скотоводства и торговле его продуктами в России. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 79.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Крюков Н.А. Мясо и мясные животные // Ежегодник ГУЗЗ. Год шестой. СПб., 1913. С. 250.

занное о рогатом скоте относится и к овцам: число их уменьшилось и качество понизилось»¹⁹.

И. П. Попов: «Статистика постоянно свидетельствует как о количественном, так и о качественном упадке всех отраслей русского скотоводства, причем упадок этот совершается безостановочно», выход из этого положения – «упорядочение <...> трех факторов: разведения, кормления и ухода за домашним скотом»²⁰.

Это вовсе не значит, что в российском животноводстве не было никаких позитивных процессов. Однако они представляли собой не правило, а исключение.

«Встречаются, – отмечал И. И. Чирвинский, – лишь немногие оазисы, которые, подобно свету одиноких огоньков в темной ночи, только усиливают впечатление окружающего мрака. Скота мало, скот плох – вот общий вывод, к которому приводит знакомство с имеющимся материалом. Плачевное состояние скотоводства обыкновенно соответствует не менее плачевному состоянию всего хозяйства»²¹.

Предпринятая попытка определить, имела ли место в развитии животноводства динамика продуктивности, и если да, то в каком направлении происходили перемены, показала, что хотя на рубеже XIX–XX вв. в Европейской России наблюдалось увеличение роста лошадей, оно сопровождалось ухудшением их общего состояния, о чем свидетельствует возрастающая браковка полномерных лошадей. В разведении крупного рогатого скота и овцеводстве следует говорить скорее о вырождении скота, чем о повышении его продуктивности. Единственной отраслью, в которой, по мнению некоторых специалистов, частично наблюдались улучшения, было свиноводство.

«Одно свиноводство, – писал Н. А. Крюков, – сделало заметные успехи. Прежде всего породы свиней улучшились: английские породы (йоркширы и беркширы) прочно водворились в наших свиноводческих районах (в Тамбовской, Воронежской и др.), улучшилось также выкармливание свиней»²².

Поскольку и снижение обеспеченности населения скотом, и ухудшение физического состояния скота были связаны с сокращением кормовой базы,

¹⁹ Там же. С. 249.

²⁰ Попов И.П. Вопросы русского скотоводства. С. 166.

²¹ Чирвинский И.П. Положение скотоводства в России. С. 48.

²² Крюков Н.А. Мясо и мясные животные // Ежегодник ГУЗЗ. Год шестой. СПб., 1913. С. 249.

необходимо учитывать следующее принципиально важное обстоятельство. Первоначально сокращение обеспеченности скота выгонами в губерниях раннего освоения компенсировалось существованием их избытка на южных окраинах Европейской России, а также за счет расширения системы открытых полей (использование пара и жнивья). К началу XX в. резерв выгонов был почти исчерпан даже на окраинах, где тоже получила распространение система открытых полей. В результате южные губернии по обеспеченности скотом оказались примерно на таком же уровне, на котором находились северные губернии в середине XIX в.

Особое значение в данном случае имело то, что 95% всего скота было сосредоточено в крестьянских хозяйствах, которые в своей массе находились в состоянии разорения и по этой причине не могли быть носителями зоотехнического прогресса. Более того, происходило возрастание роли самой бедной части крестьян, в руках которой концентрировалась большая часть рабочего скота, коров, овец и свиней.

По этой причине товарность этих хозяйств была вынужденной, а доходность – убыточной. «Наше мясное скотоводство в последние 25 лет совершенно приостановилось в своем развитии и даже по сравнению с ростом населения пошло на убыль только потому, что ведение этой отрасли сельской промышленности было **убыточно**», – констатировал Д. М. Бодиско²³.

Отмечая убыточность земледелия, В. В. Бирюкович писал: «В таком же положении находятся и затраты на содержание скота, коль скоро он содержится исключительно для получения удобрения, в целях усиления производительности почвы. Со стороны хозяев действительно постоянно раздаются жалобы на то, что *скот проедает чуть ли не весь доход от хозяйства*»²⁴.

«Оно было **убыточно**, – отмечал Д. М. Бодиско, – как потому, что рост цен на мясо всегда отставал от роста цен на факторы его производства, так и потому, что наше скотоводство в громадном большинстве хозяйств ведется по старому шаблону, как вели его отцы и деды»²⁵.

²³ Бодиско Д.М. Что надо сделать для подъема скотоводства? Пг., 1917. С. 9.

²⁴ Бирюкович В.В. Сельскохозяйственная техника. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям. С. 7.

²⁵ Бодиско Д.М. Что надо сделать для подъема скотоводства? Пг., 1917. С. 9.

Таким образом, в скотоводстве мы видим ту же самую картину, как и в зерновом производстве²⁶. Но если в земледелии повышение рентабельности было возможно на пути дальнейшего развития механизации, то в животноводстве дореволюционной России такие возможности были весьма ограничены. Из тех механизмов, которые после отмены крепостного права начинали внедряться в этой отрасли сельского хозяйства, можно назвать только сенокосилку и соломорезку. Однако для большинства крестьян даже они были малодоступны: в 1914 г. соломорезка стоила 30 руб., сенокосилка – 87²⁷.

В таких условиях были неизбежны: а) разорение крупного хозяйства, что в рассматриваемое время, кстати, происходило и в Западной Европе; б) усиление эксплуатации крестьянства и как следствие этого дальнейшее разорение крестьянского хозяйства, которое являлось основой животноводческого производства дореволюционной России.

На протяжении всей пореформенной эпохи предлагались самые разные способы улучшения российского животноводства и повышения его доходности.

Так, в 1893 г. Н. Коншин выступил с идеей «учреждения специального сельскохозяйственного надзора подобно тому, как это существует в других менее крупных областях государственного хозяйства: горном, рыболовном деле и т. д.». С этой целью, считал он, государство должно было взять на себя подготовку специалистов сельского хозяйства, которых следовало направить на места, чтобы с их помощью крестьяне могли бы организовать свое хозяйство по новейшим требованиям агрономии и зоотехники²⁸.

Однако у этого проекта был важный недостаток: он не учитывал того, что 80 % крестьян были неграмотными, и того, что для улучшения хозяйства им нужны были не только новейшие агро- и зоотехнические знания, но и деньги.

Подобным же был проект, с обоснованием которого в 1899 г. на страницах «Торгово-промышленной газеты» выступил Г. А. Крестовников. Он предложил правительству организовать племенные фермы как рассадники передового животноводства, на их основе создать сначала оазисы высоко-

²⁶ *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. С. 339–341.

²⁷ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. С. 643, 646.

²⁸ *Коншин Н.* К вопросу о поднятии сельского хозяйства в России. Одесса, 1893. С. 7–8.

продуктивного скотоводства, а затем организованно распространить этот опыт на всю страну²⁹.

Однако все производившиеся в этом отношении опыты свидетельствовали, что для повышения продуктивности скота недостаточно одной племенной работы. Чем большей продуктивностью отличался скот, тем больше кормов он требовал, тем лучше должны были быть условия его содержания.

Со своими предложениями выступил президент Московского общества сельского хозяйства князь А. Г. Щербатов³⁰. Он предложил сократить экспорт хлеба, а за счет этого стимулировать развитие животноводства и расширение экспорта животноводческой продукции. Сокращение хлебного экспорта, по его мнению, должно было повести к расширению кормовой базы животноводства, увеличению поголовья и продуктивности скота, повышению удобряемости полей и росту урожаев и как следствие этого – тоже к расширению кормовой базы со всеми вытекающими из этого последствиями.

Показательно, что все эти и некоторые другие подобные проекты исходили из того, что подъем российского скотоводства – это дело правительства и что решить эту задачу можно только планомерным и централизованным путем. Однако при этом упускались из вида, по меньшей мере, два принципиально важных факта.

Во-первых, все эти предложения требовали денежных средств, а свободных средств у правительства не было. Во-вторых, судьба названных проектов зависела от крестьян, у которых был сосредоточен почти весь скот, но крестьянское хозяйство не только не имело «лишних денег», но и переживало разорение.

В результате получался замкнутый круг: для обеспечения растущих потребностей животноводства кормами необходимо было повышение уровня земледельческого производства, а повышение уровня земледельческого производства предполагало увеличение поголовья скота и его продуктивности.

Разорвать этот замкнутый круг вплоть до 1917 г. так и не удалось.

²⁹ Крестовников Г.А. Меры для поднятия русского скотоводства // Торгово-промышленная газета. 1899. № 264, 265, 266. См. также: Докладная записка о мерах для поднятия русского скотоводства, представленная Г.А. Крестовниковым министру финансов С.Ю. Витте [М., 1900]. 42 с.

³⁰ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 105; Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. СПб., 1997. С. 131.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андреева О.В. *к.и.н., старший преподаватель кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Бажанов Д.А. *к.и.н, доцент кафедры русской истории РГПУ им. А. И. Герцена*
- Ганелин Р.Ш. *д.и.н. член-корр. РАН. гл. научный сотрудник СПбИИ РАН*
- Демченко А.П. *к.и.н., преподаватель Национального университета «Одесская юридическая академия»*
- Златина М.А. *к.и.н., доцент кафедры русской истории РГПУ им. А. И. Герцена*
- Иванов А.А. *д.и.н., доцент кафедры русской истории РГПУ им. А. И. Герцена*
- Измозик В.С. *д.и.н., проф. кафедры истории СПбГУТ*
- Калашников В.В. *д.и.н., проф., зав. кафедрой ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Назаренко К.Б. *д.и.н, доцент Института истории СПбГУ*
- Островский А.В. *д.и.н, проф. кафедры истории СПбГУТ*
- Петрова С.И. *магистрант кафедры Новейшей истории России СПбГУ*
- Петров И.В. *к.и.н., ассист. кафедры Новейшей истории России СПбГУ*
- Полторак С.Н. *д.и.н., проф., главный редактор журнала «Клио»*
- Пученков А.С. *к.и.н., доцент кафедры Новейшей истории России СПбГУ*
- Сергеев В.В. *д.и.н., проф., зав.кафедрой истории, Балтийский федеральный университет имени И. Канта*
- Селезнев Ф.А. *д.и.н., проф., Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*
- Смирнова Т.М. *д.и.н., проф. кафедры истории и философии Государственного университета аэрокосмического приборостроения*
- Стогов Д.И. *к.и.н., доцент кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Сухов В.Н. *к.и.н., проф. зав. кафедрой истории и права СПбГЛТУ*
- Тишкина К.А. *аспирант Алтайского государственного университета*
- Узлова И.В. *к.и.н., доцент кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Фортунатов В.В. *д.и.н., проф., заведующий кафедрой «История» Петербургского государственного университета путей сообщения*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Сергеев В.В.</i> Война монархов или война народов: современные дискуссии российских историков о причинах Первой мировой войны	5
<i>Калашиников В.В.</i> «Русские корни» первой мировой войны в новейшей зарубежной историографии	12
<i>Селезнев Ф.А.</i> Кадеты и вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией: обзор современной отечественной историографии	25
<i>Полторац С.Н.</i> Брестский мирный договор 1918 г.: источники, историография и перспективы исследования	34

II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

<i>Иванов А.А.</i> «Ярый оборонец», достойный Русского собрания: взгляд В.М.Пуришкевича на социалиста Г.В.Плеханова в годы Первой мировой войны	43
<i>Измозик В.С.</i> Российское общество в 1915 году: по материалам перлюстрации	49
<i>Назаренко К.Б.</i> Русский флот и Черноморские проливы во время Первой мировой войны	59
<i>Пученков А.С.</i> «Ники» и «дядя Николаша»: из истории августовского политического кризиса 1915 года.....	68
<i>Сухов В.Н.</i> Первая мировая война: вклад в историю цивилизации	81
<i>Фортунатов В.В.</i> Два Верховных: попытка сравнительной характеристики деятельности Николая II и И.В. Сталина в мировых войнах	85
<i>Смирнова Т.М.</i> Организация помощи польским беженцам и раненым в Петрограде в годы первой мировой войны	88
<i>Бажанов Д.А.</i> Преступность в среде военных моряков Балтийского флота в годы Первой мировой войны	102
<i>Демченко А.П.</i> Военно-политическая программа Временного правительства России и позиция Великобритании	111
<i>Андреева О.В.</i> Война как феномен духовной жизни	119
<i>Златина М.А.</i> Применение чрезвычайных мер по сбору средств для оказания помощи беженцам на примере самообложения еврейского населения Российской империи в период Первой мировой войны	132

<i>Петров И.В.</i> Православные приходы острова Эзель в период германской оккупации 1917–1918 гг.	138
<i>Петрова С.И.</i> Отражение июньского наступления 1917 года в дневниках и мемуарах петроградской интеллигенции	143
<i>Стогов Д.И.</i> Антиалкогольная политика правительства в годы Первой мировой войны	150
<i>Узлова И.В.</i> Чрезвычайное заседание Государственной думы 26 июля 1914 года	158
<i>Тишкина К.А.</i> Организация работы в 1914–1918 гг. региональных отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам (на примере Алтайского округа)	168
III. ПАМЯТИ Р.Ш. ГАНЕЛИНА И А.В. ОСТРОВСКОГО	
<i>Измозик В.С.</i> Воспоминания о Р.Ш. Ганелине	173
<i>Калашников В.В.</i> Р.Ш. Ганелин о ситуации в России накануне и в годы Первой мировой войны	179
<u>Ганелин Р.Ш.</u> О реформах, войне и революции: фрагменты из работ	189
<i>Полторак С.Н.</i> Воспоминания об А.В. Островском	211
<u>Островский А.В.</u> О ситуации в России накануне первой мировой войны: фрагменты из работ	217
Сведения об авторах	227

Межвузовская научная конференция
«Россия в Первой мировой войне:
проблемы истории и историографии»

Сборник докладов

29 ноября 2014

Подписано в печать
Бумага офсетная. Печ.л. 14.31
Тираж 200 экз. Заказ ____

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Профессора Попова